

• МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО •

БРУНО

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

ДЖОРДАНО
БРУНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МЫСЛЬ»

Москва • 1965

1 Ф
Г 70

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф.

Джордано Бруно

Осенью 1599 г. в Риме — то во дворце святой службы, близ собора св. Петра, то в апостолическом дворце его святейшества папы Климента VIII, то в камере инквизиционной тюрьмы — проходил философский диспут.

Цвет церковной учености — кардиналы и генералы монашеских орденов, профессора Коллегии мудрости, члены конгрегации «Индекса запрещенных книг» и консультанты святого трибунала, доктора богословия и церковного права принимали участие в споре.

Их оппонент — монах-доминиканец, доктор римско-католического богословия, привычный к ученым турнирам профессор Тулузского и Виттенбергского университетов, поразивший своими смелыми речами аудитории Оксфорда и Сорбонны, основатель «философии рассвета», «сын отца-солнца и матери-земли» — бывший монах, бывший доктор богословия, бывший профессор, бежавший из Неаполя и Парижа, отвергнутый Марбургом и Франкфуртом, изгнанный из Женевы и Гельмштедта, «академик без академии», расстрига и арестант.

Уже использованы все аргументы. Приведены все цитаты. Авторитет священного писания, творения отцов церкви, своды Фомы Аквинского, постановления церковных соборов, сочинения Аристотеля и его ортодоксальных комментаторов — все было пущено в ход.

Диспут затягивался. Он продолжался восьмой год.

Иногда, не выдержав напряжения словесной борьбы, утомленные богословы решали передать руководство ученой дискуссией в уверенные руки палача:

«Достопочтеннейший господин Джулио Монтеренци, фискальный прокуратор считает, что брат Джордано не изобличен в представленных ему положениях... Подвергнуть пытке.

Достопочтеннейший господин Марчелло Филонарди, ассессор святой службы: подвергнуть строгой пытке и дать срок, дабы образумился.

Достопочтеннейший отец Альберто да Фиренцуола, генеральный комиссар святой службы: учитывая дурную славу этого человека, по тем статьям, в которых не изобличен, строго пытать, а по тем, в которых изобличен, дать срок, чтобы раскаялся.

Достопочтеннейший отец господин Пьетро Миллино: пытать и дать срок, чтобы раскаялся.

Достопочтеннейший отец Ипполито Беккариа: пытать, и не единожды, но дважды.

Достопочтеннейший отец господин Ансельмо Дандино: пытать, а если не даст

удовлетворения, передать в руки светских властей.

Святейший господин наш папа Климент VIII: дать срок, чтобы раскаялся» (63, стр. 96—97) *.

И в ответ:

На третьем допросе: «Я считаю, что существуют бесконечные миры, образующие безграничную совокупность в бесконечном пространстве».

На двенадцатом допросе: «Я считаю, что этот мир, и миры, и совокупность миров рождаются и уничтожаются».

На четырнадцатом допросе: «Отвечал в том же роде относительно множества миров и сказал, что существуют бесконечные миры в бесконечном пустом пространстве, и приво-дил доказательства».

На семнадцатом допросе: «Спрошен, но не ответил удовлетворительно, ибо вернулся к прежним показаниям».

В письменных «Ответах на замечания, сделанные относительно некоторых положений,

---

* Здесь и далее первая цифра в скобках означает порядковый номер в списке литературы (в конце книги), где указаны выходные данные цитируемого произведения. При ссылках на приложение к данной книге вместо номера источника указывается «прил.».

Все цитаты из произведений Джордано Бруно, написанных на латинском языке, даны в переводе автора книги. Цитаты из диалогов на итальянском языке даются по имеющимся переводам на русский язык (в отдельных случаях автором внесены исправления).

извлеченных из его книг»: «Также считает, что существует множество миров, множество солнц, в которых с необходимостью имеются вещи, подобные в роде и виде тем, что имеются в этом мире, и даже люди...» (13, стр. 373—374, 403).

Во вторник, 21 декабря 1599 г.: «Сказал, что ему не в чем каяться, что каяться он не должен и не желает» (26, стр. 186).

Диспут подходил к концу — последний диспут Джордано Бруно.

I. ИСТИНА — ДОЧЬ ВРЕМЕНИ

Человек не выбирает себе эпоху. Даты жизни и смерти — это не просто хронологические вехи. Время жизни и деятельности философа определяет ход его мысли и характер его судьбы. Мы не можем представить себе мыслителя вне его времени, и философская система, созданная человеком, родившимся в Италии в середине XVI в., будет решительно отличаться от взглядов философа, жившего тремя веками ранее или пришедшего в мир три столетия спустя.

Эпоха, в которую жил Джордано Бруно, — вторая половина XVI столетия; за 56 лет до его рождения была открыта Америка, за 6 лет до его рождения была учреждена римская инквизиция.

Но человек не бессильная игрушка в руках «божественного провидения» или безликой исторической необходимости. Всею жизнью своей и всем сознанием связанный с породившей его эпохой, с ее традициями и стремлениями, с ее социальными конфликтами и культурой, он сам — творец истории, участ-

ник борьбы, исход которой определяет пути человечества, и от его усилий — также и его усилий — зависит, каким он оставит мир. Ибо не только Бруно — человек своего времени, но и само время его жизни и борьбы может быть названо эпохой *Джордано Бруно*.

Эта эпоха знала себе цену. Сознание новизны и величия своего времени переполняло гордостью сердца и умы людей. Веком, «привыкшим видеть чудеса», считал его Джорджо Вазари, автор знаменитых жизнеописаний художников, и он же дал своей эпохе имя, сохранившееся в памяти человечества, — Возрождение.

«О время, о науки! — радостно восклицал на заре столетия немецкий гуманист Ульрих фон Гуттен. — Как сладостно жить и не время теперь предаваться покою!» А в романе Рабле стареющий великан Гаргантюа вспоминал столь недавние, но принадлежавшие уже иной исторической эпохе годы своей юности: «Время тогда было не такое благоприятное для процветания науки, как ныне... То было темное время. Однако с науки на моих глазах сняли запрет, она окружена почетом, и произошли столь благодетельные перемены, что теперь я едва ли годился бы в младший класс, тогда как в зрелом возрасте я не без оснований считался умнейшим из людей своего времени».

Несколько десятилетий спустя Пьер де ля Раме, реформатор логики и смелый борец со схоластикой, писал: «На протяжении одного

столетия мы увидели бóльшие успехи, чем наши предки за все предшествующие сорок четыре века!» Но сопоставление с минувшими столетиями христианского средневековья казалось уже недостаточным. Люди XVI в. чувствовали, что им по плечу состязание с титанами классической древности: «Ничто не мешает тому, чтобы век наш породил людей, в философии равных Платону и Аристотелю, в медицине — Гиппократу и Галену, в математике — Евклиду, Архимеду и Птолемию. Нет века, более счастливо, чем наш, расположенного к прогрессу культуры» — так уверенно отдавал предпочтение своей эпохе историк Леон Леруа. И уже в начале следующего столетия Томмазо Кампанелла, пламенный мечтатель, провидевший из камеры неаполитанской тюрьмы бесклассовое общество будущего, писал в «Городе Солнца», подводя итоги достижениям XVI в.: «В наш век совершается больше событий за сто лет, чем во всем мире их совершилось за четыре тысячи лет; в этом столетии вышло больше книг, чем их вышло за пять тысяч лет!»

Три изобретения, по мнению Леруа и Кампанеллы, определили лицо новой эпохи: печатный станок, компас и артиллерия. Распространение и приумножение знаний, великие географические открытия, рост национальных монархий на протяжении полутора столетий изменили европейский мир.

Поколения ученых-гуманистов возродили для европейской культуры классическую древ-

ность Греции и Рима — целый мир философии, поэзии и науки, раскрыли перед глазами современников величие языческой культуры, навсегда, казалось, погребенной под столетиями безраздельного господства христианства. Возрождение не сводилось к открытию забытых памятников древней письменности и скульптуры, к расширению круга исторических сведений об исчезнувшей цивилизации. Речь шла о реабилитации дохристианской системы нравственных и культурных ценностей, представших не как археологическая коллекция редкостей, но как жизненно необходимое основание для построения новой культуры, независимой от церковной традиции.

Возрождалась не только звучная классическая латынь. С открытием новых произведений древней литературы европейские ученые оказывались обладателями огромного научного наследства, усвоение которого позволяло подняться к вершинам знаний. Труды древних ученых расширяли объем естествонаучных сведений. Издание забытого в средние века Архимеда послужило одной из предпосылок дальнейшего развития механики. С находкой старинного списка поэмы Лукреция «О природе вещей» воскресал и входил в новую европейскую культуру античный материализм. Знание греческого языка позволило восстановить подлинного Аристотеля, освободив его от искажений еврейских, арабских и латинских переводов.

Объем знаний растет, увеличивается и ширится спрос на книгу, и за ним не может поспеть самая опытная рука бойкого переписчика. Печатный станок Гутенберга и его многочисленных последователей во всех частях Европы заполнил мир сотнями тысяч и миллионами экземпляров книг. Всякая новая мысль, всякое новое наблюдение и открытие благодаря книгопечатанию и быстро развившейся книжной торговле в неслыханно короткие сроки становились достоянием ученых разных стран.

Книгопечатание позволяло лучше узнать окружающий мир. А мир расширялся на глазах у потрясенных людей XVI столетия. За открытием Колумба последовало путешествие Магеллана. Дело было не только в доказательстве шарообразности Земли — в ней ведь не сомневались и средневековые схоласты, знакомые с аристотелево-птолемеевой географией и космологией. Изумленным взорам европейцев открывался Новый Свет: новые океаны и моря, новые острова и материки, невиданные горы и реки, растения и животные. Описания путешествий, рассказы очевидцев с жадностью переводились на все языки и заставляли пересматривать привычные представления о мире. Ни средневековые своды знаний — «этимологии» и «сокровища», эти предки современных энциклопедий, ни творения античных мыслителей не могли ничего объяснить в непрерывном потоке новых

сведений и открытий. Так был подорван авторитет схоластической науки.

Опыт, пришедший в непримиримое противоречие с книжной мудростью, становится самой верной опорой ученого. В опыте видел основу познания Леонардо да Винчи. Опыт противопоставлял пошатнувшемуся авторитету древних один из основателей современной геологии, Бернар Палисси: «Я берусь доказать по многим пунктам ложность теорий философов, даже самых древних и знаменитых». Немецкий врач Теофраст Бомбаст Парацельс лечил людей не по советам Галена и Гипократа, а на основании опыта народной медицины. Его французский коллега хирург Амбруаз Паре писал: «Я предпочитаю быть правым в одиночку, чем ошибаться не только с мудрецами, но и со всем остальным светом».

Знание — пусть еще не совершенное, но свое, не заимствованное из чужих книг, а добытое собственным трудом и разумением, вырванное у природы, — такова цель. Фактов еще не хватает, выводы часто наивны, верные наблюдения не всегда получают должное объяснение, но сделано главное, найден верный путь. Зарождается экспериментальное естествознание. И в этом XVI столетии поистине век великих открытий.

Освобожденный от застарелых предрассудков, от власти догм и традиций, взгляд исследователей устремлен и на природу (предприняты первые робкие попытки систе-

матизации растений, созданы первые ботанические сады), и на человека (Сервет и Чезальпино открыли кровообращение), и на недра земли (Георг Бауэр Агрикола — издает труды о природе ископаемых и происхождении минералов), и на звездное небо.

Человек и Вселенная. Случайное, но символическое совпадение: почти одновременно, в 1543 г., выходят в свет две книги: «О строении человеческого тела» Андрея Везалия и «Об обращениях небесных сфер» Николая Коперника.

На протяжении жизни одного поколения в представлениях людей не только Земля изменила свой вид и форму, размеры и очертания, но пошатнулось и самое положение ее во вселенной. За строгими математическими вычислениями краковского астронома скрывался революционный заряд дальнего действия и необычайной силы. Значение этой книги выходило далеко за рамки собственно астрономического открытия. Открытие Коперника ударило по религиозному антропоцентризму. Если Земля не центр вселенной, то и человек не венец божественного творения, и божественное провидение, искупительная жертва Христа оказывались привязанными к одной из планет, обращающихся вокруг великого и неподвижного светила.

Пошатнулся религиозный и политический авторитет католицизма. Августинский монах из Виттенберга выступил против продажи индульгенций. Сожжение им папской буллы

послужило сигналом к могучему народному движению, охватившему вскоре всю Германию. Основатели Реформации Лютер, Цвингли, Кальвин упразднили религиозную монополию католической церкви в Западной Европе. Целые страны и народы освобождались от папской власти. Смелые идеи реформаторов, отвергавших пышное богослужение, почитание икон и святых, церковную иерархию и светскую власть пап, находили приверженцев даже в католической Испании и Италии.

Само христианство было поставлено под сомнение. Болонский профессор философии Пьетро Помпонацци обосновал недоказуемость учения о бессмертии души, выступил против веры в чудеса и божественное провидение, предсказал закат христианской религии. Испанский врач Мигель Сервет отверг учение о божественной троице. Осуждая религиозный аскетизм и уход от мира, гуманисты прославляли достоинство человека и призывали к наивысшему развитию человеческой личности. Человек в своем поведении должен следовать не религиозным заповедям, а законам своей природы. Человек по природе своей добр и не нуждается в религиозном страхе. Жизнерадостная, направленная к гармонии мораль телемитов из бессмертного романа Рабле — таков нравственный идеал новой эпохи.

От власти религиозных догм и феодальных традиций освобождалась и политика. Под

гром артиллерийских выстрелов рушились стены рыцарских замков. В борьбе с остатками феодальной раздробленности развивались национальные монархии, укреплялся абсолютизм. Идеал сильной государственной власти, воплощающей волю господствующего класса, нашел свое выражение в «Государе» Макиавелли.

Все эти грандиозные изменения — в науке и нравственности, в религии и политической жизни — были выражением глубочайших социально-экономических сдвигов, которые происходили в странах Западной Европы на протяжении полутора-двух столетий. На обломках средневекового ремесленного производства возникала раннекапиталистическая мануфактура. Крестьяне, частично или полностью освобожденные от наиболее тяжелых форм феодальной зависимости, насильственно лишались средств производства, пополняя ряды наемных рабочих — предшественников современного пролетариата.

Революционный характер эпохи определялся первыми шагами раннекапиталистического развития. Сквозь сложнейшее переплетение экономических, политических и идейных противоречий XVI столетия пробивали себе дорогу новые формы буржуазных производственных отношений, шедших на смену феодальным порядкам. Буржуазия набирала силы, преодолевая сопротивление прежних эксплуататоров. Нуждаясь в разрушении мешавших ее свободному развитию оков феодализма, она

выступала от имени всех, кого тяготил феодальный гнет. Крестьянская война в Германии была неудавшейся буржуазной революцией. Победоносная буржуазная революция в Нидерландах опиралась на выступление трудящихся масс. Вместе с буржуазией появился на исторической сцене и ее противник: наемные рабочие мануфактур вступали в борьбу с новыми угнетателями. Первые стачки и восстания предпролетариата сопровождались зарождением идей утопического коммунизма, смутных мечтаний о справедливом бесклассовом обществе, в котором будет упразднена основа неравенства — частная собственность. Но этот новый конфликт едва обозначился, время его впереди.

А пока что могучие еще силы средневековья пытаются сдержать наступление новой эпохи. И если прислушаться внимательнее, то рядом с голосами мыслителей и мечтателей мы различим и другие подчас заглушающие их голоса:

«Если кто скажет, что человек может спастись своими силами и без данной через Иисуса Христа божественной благодати, да будет предан анафеме... Если кто скажет, что служение обедни в честь святых и молитвы об их заступничестве перед богом — обман, да будет предан анафеме... Если кто скажет, что иерархия в католической церкви учреждена не божественным установлением, да будет предан анафеме».

Это на Тридентском соборе прелаты воинствующей церкви пекутся о единстве христианского мира.

Не остался без покровителей и печатный станок:

«Желая, чтобы дело печатания книг счастливо процветало,—заявлял в 1515 г. папа Лев X,—мы устанавливаем и повелеваем, дабы впредь и на вечные времена никто не смел печатать книги без предварительной их проверки и собственноручного письменного одобрения нашим викарием, епископом или инквизитором». «Постановляем,—вторил ему в 1529 г. император Карл V,—чтобы никто не смел отныне печатать, или переписывать, продавать, покупать, распространять, хранить, держать у себя или получать, обсуждать публично или тайным образом книги, писания и учения еретиков, осужденных церковью». И наконец, тридцать лет спустя папа — теперь уже Павел IV — запретил «переписывать, издавать, печатать, давать под предлогом обмена или под иным каким видом, принимать открыто или тайно, держать у себя или отдавать на хранение книги или писания из тех, что означены в этом индексе святой службы...».

Вот он перед нами — этот первый папский «Индекс (перечень) запрещенных книг»: Данте и Боккаччо, Поджо Браччолини и Лоренцо Валла, Бонавентура Деперье и Франсуа Рабле, Томас Мюнцер и Ульрих фон Гуттен, Корнелий Агриппа Неттесгеймский и

Эразм Роттердамский, Ян Гус и Мигель Сервет, Марсилиус Падуанский и Никколо Макиавелли — поэты и новеллисты, политические мыслители и реформаторы, философы и ученые, современники и те, кто давно уже умерли или сожжены на кострах инквизиции.

Десять списков запрещенных книг было издано в Англии, четыре — в Нидерландах, свои индексы издавали Кёльн и Париж, Тулуза и Лукка, Лувенский университет и Венецианская синьория. Папский индекс, подтвержденный Тридентским собором, переиздавался в Люттихе и Антверпене, в Мюнхене и Лисабоне. Новое, дополненное издание — индекс 1590 г. — папы Сикста V; еще одно — папы Климента VIII — вышло в 1596 г.

Индекс означал не только запрет и уничтожение внесенных в него изданий. Он налагал оковы на мысль писателя и ученого. Важнейшие достижения человеческого ума оказывались недоступными, традиция прерывалась. Угроза занесения в индекс нависала над еще не написанной, только задуманной книгой. Авторы и читатели не допущенных к печати и запрещенных книг «преодолевали Гутенберга», тайно переписывали книги от руки. И это через сто лет после изобретения печатного станка!

Католики и реформаторы соревновались друг с другом в истреблении свободомыслия. Доносчики не дремали, и часто полемические сочинения оборачивались доносом. Французский гуманист и издатель Этьен Доле был

сожжен на костре в 1546 г. Та же судьба постигла великого испанского ученого и философа Мигеля Сервета в Женеве в 1553 г. Не выдержав травли и опасаясь преследований, покончил с собой блестящий новеллист и смелый мыслитель Бонавентура Десперье.

Когда в 1542 г. была учреждена римская инквизиция, костры запылали в вечном городе один за другим. Святой трибунал вызвал столь бешеную ненависть у жителей Рима, что после смерти папы Павла IV они разграбили и сожгли здание инквизиции, избили ее служителей, разрушили монументы, воздвигнутые папе при жизни, и таскали по улицам отбитые головы статуй. Но вскоре был отстроен новый дворец святой службы, и великие инквизиторы, сменяя друг друга на папском престоле, продолжали упорно и неумолимо душить ересь и свободомыслие.

Но интеллектуальная жизнь не прекращалась. Просто бороться стало много труднее. И если Пьетро Помпонацци, живший в начале XVI столетия, несмотря на травлю со стороны духовенства, спокойно дожил до старости и умер в своей Болонье, не прекращая до последних дней университетского преподавания, то Джордано Бруно ожидала иная судьба.

Глубочайший конфликт эпохи — между силами феодальной реакции и новыми потребностями общественного развития — нашел свое выражение и в политике, и в религии, и

в литературе и искусстве. Но пожалуй, с наибольшей силой он проявился в философской мысли как непримиримое противоречие между догматами религии и развитием опытного естествознания, между властью тысячелетних предрассудков и требованием свободного изучения природы, между материализмом и богословием.

Джордано Бруно не мог себе выбрать другую эпоху. Но выбор пути зависел от него.

II. ПРОБУДИТЕЛЬ СПЯЩИХ УМОВ

Он родился близ маленького городка Но-лы, неподалеку от Неаполя, в 1548 г., и отец, Джованни Бруно, бедный дворянин, служивший в войсках неаполитанского вице-короля, дал сыну при крещении имя Филиппо в честь наследника испанской короны.

«Италия, Неаполь, Нола! — с гордостью и тоской будет вспоминать о родных местах философ-изгнанник. — Страна, благословенная небом, в равной мере именуемая главой и десницей земного шара, правительница и владычица иных племен, ты всегда почиталась и мной, и другими как наставница, кормилица и мать всех добродетелей, наук, искусств, установлений и приличий!» (8, стр. 183).

Счастливая Кампанья — так назывался этот край еще с римских времен. Из домика Джованни Бруно с садом и виноградником на склонах горы Чикала виднелись недалеко развалины старинного замка, а на горизонте — то мирный, то грозный Везувий. Зеленеющие склоны, покрытые оливами и плю-

щом, опоясанные рощами каштанов и тополей — эти первые впечатления Бруно сохранил на всю жизнь. И в философских поэмах он будет вспоминать то прогулки с отцом к подножию вулкана, то странную молнию, пролетевшую однажды над крышами Нолы, то восходы солнца над равниной, то бездонное звездное небо — огромное над маленькой Нолой.

В Лондоне и Париже среди ученых докторов и блестящих придворных он не забудет своих земляков: крестьян, ремесленников, солдат, бедных священников, добродушных и трудолюбивых, суеверных и насмешливых — и заселит ими страницы своих диалогов. И бог Меркурий будет рассказывать о дынях огородника Францино и о щенятах в доме Антонио Саволино, а подруги детства Филиппо Бруно, его двоюродные сестры Лаодомия и Джулия, и приятели его отца солдаты Франческо Северино и Джан Доменико Чезарино будут вести ученые философские беседы, а в комедии «Подсвечник» еще не раз посмеются над забавными историями из жизни ноланцев. И себя самого не итальянцем, не неаполитанцем даже, а ноланцем назовет он в своих книгах и прославит родную Нолу, назвав ее именем свою «философию рассвета».

Но жизнь в Ноле была не легкой. Отцовского жалованья не хватало. «С детских лет вступил я в мучительную борьбу с судьбой» (16, стр. 324), — скажет о себе Бруно и, про-

славляя родину, добавит с горечью: «Не в меньшей степени называют ее учительницей всех пороков, обманов, скупостей и жестокостей...» (8, стр. 83).

Однажды один из юношей Нолы уехал на север Италии в поисках знаний; там по доносу был схвачен инквизиторами, выдан венецианским сенатом Риму и предан мучительной казни как нераскаявшийся еретик. История эта поразительно напоминает судьбу Бруно, но юношу звали иначе — Помпонио Альджеро, он тоже называл себя Ноланцем. Когда до жителей Нолы дошел страшный рассказ о том, как их земляка в течение четверти часа постепенно опускали в кипящее масло, Филиппо Бруно шел девятый год.

Другом Джованни Бруно был воин и поэт, участник многих походов и морских экспедиций против турок Луиджи Тансилло. Его жизнерадостная, пронизанная грубоватым юмором крестьян Кампаньи поэма «Сборщик винограда» призывала к земным радостям и советовала не пренебрегать наслаждениями этой жизни ради загробного блаженства. Имя поэта было занесено в «Индекс запрещенных книг». Много лет спустя в диалоге Бруно «О героическом энтузиазме» появится в качестве одного из собеседников поэт Тансилло и вновь зазвучат его стихи рядом с сонетами самого Бруно.

Сын Джованни Бруно не собирался повторять военную карьеру отца. После

обучения латинской грамматике в местной частной школе, вероятно в 1562 г., Филиппо поселился в Неаполе. Там он получил первоначальное философское образование, прослушав лекции ученого монаха-августинца Теофило да Вайрано. Впоследствии Бруно тепло вспоминал о нем как о первом своем учителе и в одном из диалогов дал имя Теофила главному защитнику Ноланской философии.

Но в Неаполе способному и любознательному юноше было где набираться знаний и помимо монастырских школ. Там держались еще традиции гуманистических кружков и вольных обществ — «академий», образовавшихся в противовес университету — хранителю официальной науки. Там помнили еще Симоне Порцио, глубокого мыслителя, возродившего изучение подлинного, не искаженного схоластами Аристотеля. Вслед за Пьетро Помпонацци он отвергал учение о бессмертии души, а в книге «О началах природных вещей» (1553 г.) называл материю «началом и рассадником, из коего возникает все движимое, источником и причиной движения» и отрицал божественное творение. В годы ученичества Бруно в Неаполь из Рима вернулся Бернардино Телезио с готовой рукописью главного своего труда «О природе в соответствии с ее собственными началами», где провозглашал основой всякого знания ощущение и призывал к изучению природы, независимому от церковных и светских авторитетов, отвергал Аристотелево учение о пер-

вом двигателе и доказывал единство материальной природы неба и земли. Природу, эту бесконечную творческую способность, прославлял в своих посланиях и диалогах Николо Франко, в едких сатирических памфлетах он обличал монахов, священников, римских пап, издевался над суевериями и предрассудками, смело выступал против запрещения книг. Увлеченные изучением природы, братья дела Порта собирали коллекции кристаллов и трав, занимались медициной и астрономией, математикой и оптикой. В их «Академии тайн» изучали «натуральную философию», обсуждали старинные и новые книги, экспериментировали.

Но инквизиторы не дремали. В 1564 г. они устроили публичную казнь двух дворян, обвиненных в ереси; под пыткой осужденные успели оговорить многих неаполитанцев. Восстание потрясло город, и инквизитор Санторо вынужден был спасаться бегством. Шестнадцатилетний Бруно был очевидцем этих событий и впоследствии в аллегорической форме рассказал о них в диалоге «Изгнание торжествующего зверя».

Когда страсти поутихли, инквизиторы вновь принялись за искоренение ересей, путивших корни в Неаполе. «Академии» были разгромлены. В изгнание в родную Козенцу удалился стареющий Телезио. Джамбатиста дела Порта был вызван в инквизицию, где ему посоветовали оставить сомнительные

эксперименты. В Риме был казнен Николо Франко.

Сын бедного дворянина не мог уехать в Падую, чтобы продолжить образование в знаменитом университете. Да и здешний, Неаполитанский университет был ему недоступен. Для Бруно, как и для многих его современников, единственно возможный путь к науке шел через монастырскую келью.

Однажды Филиппо Бруно присутствовал на ученом диспуте в монастыре Сан-Доменико Маджоре. Известные профессора состязались в учености. Ссылки на авторитет святого Фомы сменялись цитатами из Аристотеля. Изысканное красноречие, строгая последовательность доказательств, глубочайшее знание текстов, остроумие полемических приемов — все это производило впечатление содержательнейшего философского спора. Заманчивый и не доступный еще мир науки притягивал к себе жаждавшего знаний юношу. Семнадцатилетний Бруно принял решение стать монахом.

Сан-Доменико Маджоре был богатейшим монастырем Неаполя, знаменитым во всей Европе. Доминиканский орден хранил традиции схоластической учености, это был орден богословов, орден Альберта Большштедтского, прозванного Великим, и его ученика Фомы Аквинского. У входа в одну из аудиторий висела мраморная доска с памятной надписью: «Прохожий, почти сей образ и эту кафедру, с которой великий учитель

Фома при огромном стечении слушателей внушал свое поразительное богословское учение». Библиотека монастыря была одной из богатейших в Европе.

Правда, доминиканский орден был не только орденом богословов, но и орденом инквизиторов: тюремные камеры располагались неподалеку от монашеских келий. Правда, великолепная библиотека монастыря делилась на две части, и вторая была недоступна: книги злонамеренного содержания выдавались только с личного разрешения генерала ордена. Но всего этого не знал еще молодой послушник. Он думал, что сумеет совместить тонзуру со стремлением к знаниям.

В монастыре он не считал нужным скрываться и хитрить. Одному послушнику, читавшему благочестивое сочинение о семи радостях богородицы, Бруно посоветовал отбросить эту чепуху и лучше уж почитать жития святых. Пренебрежительное отношение к популярной религиозной литературе пахло ересью. В другой раз Филиппо, явно не без влияния реформационных идей, выставил из кельи образа святых, оставив одно лишь распятие: в почитании образов он видел остатки языческого многобожия и идолопоклонства. К этим же первым годам жизни в монастыре относится и возникновение у Бруно сомнений в догмате троицы. Однажды компания послушников в шутку гадала по книге Ариосто, кому какой выпадет стих. Бруно

открыл «Неистового Роланда» на строке, испугавшей и поразившей окружающих:

«Враг всякого закона, всякой веры...»

Веселая забава обернулась пророчеством. Вскоре Бруно убедился в том, что в святой обители его окружали тайные шпионы и, хуже того, добровольные доносчики. Наставник послушников вызвал Филиппо к себе и показал ему донос. За слова гораздо менее резкие, за поступки куда менее опасные людей отправляли на галеры. Но умный старик не стал ни наказывать, ни грозить. Он порвал донос в присутствии Бруно: ордену были нужны способные люди, а грехи юности можно загладить хорошим поведением. Религиозные сомнения Бруно были еще не столь глубоки и основательны, чтобы толкнуть его на разрыв с церковью и религией. По прошествии года новициата в 1566 г. он дает монашеский обет и получает имя Джордано.

Он не строил себе иллюзий относительно окружавшей его братии; драки и попойки, тайный и явный разврат — всем этим славились монахи доминиканского монастыря. Были здесь и другие — те, кто честно постились и отстаивали обедни. Но не ради этого Бруно шел в монастырь. А монастырское начальство, озабоченное подготовкой образованных слуг католической церкви, не жалело сил на способных учеников. Лучшие богословы — профессора Неаполитанского университета

преподавали в монастырской школе. Устав поощрял усердные занятия.

О том, как много работал в эти годы Джордано Бруно, мы знаем из его сочинений. Никогда больше при нем не будет библиотеки: беглому монаху и странствующему философу не придется обзаводиться книгами. Огромная эрудиция, глубочайшее знание сочинений Аристотеля, его арабских, еврейских и христианских комментаторов, древних и новых философов и ученых, комедиографов и поэтов — знание, так пригодившееся ему потом в разгара ученых диспутов, в университетских лекциях и при писании книг, — все это было результатом десяти лет обучения в монастыре.

Мы не знаем, удалось ли Бруно добраться до запрещенных книг монастырской библиотеки, или он иным способом, через друзей в Неаполе, добывал книги, не пропущенные церковной цензурой; скорее всего, он использовал оба пути. Коперника он мог прочесть и в монастыре: эта книга не была еще запрещена. Других приходилось читать тайком. Так или иначе, он прочел много больше того, что надлежало знать начинающему богослову.

Способного юношу, отличавшегося необыкновенной памятью, возили в Рим к папе показать будущую славу доминиканского ордена. После получения сана священника и недолгого пребывания в провинциальном приходе Бруно был возвращен в монастырь готовиться к получению ученой степени доктора

богословия. Многие из его соучеников по монастырской школе сделали церковную и ученую карьеру, став епископами, регентами монастырских школ и профессорами университетов. Бруно, превосходивший знаниями и способностями их всех, мог рассчитывать и на большее. В Коллегии мудрости в Риме — высшем католическом университете — нужны были обличители ересей.

Годы учения подходили к концу. Неумолимо вставал перед монахом-доминиканцем вопрос о выборе дальнейшего пути.

В качестве тезисов своего диссертационного диспута Бруно должен был защищать следующие два положения: «Истинно то, что говорит Магистр сентенций» и «Истинно то, что сказано в «Своде против язычников»». Обе темы были посвящены творениям двух столпов католического богословия. Первый из них, прозванный Магистром сентенций, один из основателей схоластики — Петр Ломбардский. На протяжении столетий его «Книги сентенций» служили главным сводом богословия, и лишь постепенно их начали вытеснять труды Фомы Аквинского, в том числе его «Свод против язычников».

Богословско-философская система томизма возникла в конце XIII в., в период первого серьезного кризиса церковного мировоззрения, когда труды и учение Аристотеля и его арабских и еврейских комментаторов, в первую очередь великого кордовского ученого Аверроэса (Ибн-Рошда), несмотря на повто-

ряющиеся запреты, проникли в европейскую культуру. Развивавшийся на основе материалистических элементов философии Аристотеля аверроизм, исходивший из признания вечности и несотворенности материи, господства естественной необходимости и смертности индивидуальной человеческой души, выражал в философии бюргерскую оппозицию феодальному строю и его идеологии. Церковь боролась с новым враждебным течением с помощью не одних только репрессий, хотя история аверроизма знает немало жертв. Против учения «великого комментатора» Аверроэса было направлено рационалистическое богословие, созданное «великим систематизатором» Фомой.

Аквинат допускал правомерность философии и науки, но лишь как ступень в познании бога: разум может подводить мыслителя к усвоению божественных истин, но ни доказать, ни опровергнуть их он не в силах. Выводы рационального знания не должны вступать в противоречие с религиозным откровением. К этому в конечном счете сводилась гармония веры и знания в томизме. Там, где философия и наука приходили в противоречие с верой, следовал вывод о бессилии разума и надлежало возвращаться к тезису Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно», т. е. недоказуемо. Таким образом, принятие рационализма оказывалось мнимым, а свобода, предоставленная в рамках томизма разуму, — фиктивной: догматами веры разуму был

положен пусть отдаленный, но непреодолимый предел.

С этим неизбежно должен был столкнуться Бруно. Предложенные ему темы заранее предполагали упразднение всякой самостоятельной мысли. Ему предстояло в сотый, тысячный раз, используя цитаты из богословских авторитетов, изыскивая новые доводы и аргументы, доказать истинность положений, не подлежащих сомнению, наново опровергать суждения противников богословия. Пустое упражнение в красноречии, игра в логические доказательства, недостойная уважающего себя ума.

Диспуты прошли для Бруно успешно, и то, что происходили они не в Неаполе, а в Риме, должно было, видимо, придать больший вес полученной им степени доктора римско-католического богословия. Перед ним открывался путь, к которому готовил его монастырь: он должен был стать героем богословских словопрений, превратить свои знания и способности в щит святого невежества, пойти на сознательное усыпление мысли, замкнутой в догматические рамки предвзятых и недоказуемых положений, не подлежащих ни критике, ни обсуждению. Это был не путь, а тупик, нравственный и интеллектуальный. Самоубийство разума — такова была неизбежная цена открывавшейся перед ним карьеры.

Человек и мыслитель, ставший перед новым решением, был очень далек от того наив-

ного юноши, который увидел свет науки в Сан-Доменико Маджоре и чьи первые религиозные сомнения вызывали трепет невежественных монахов. Годы учения не прошли даром. Монастырь воспитал в нем ненависть к духовенству; изучение теологии вызвало отвращение к богословскому пустословию; принудительное следование Аристотелю заставило пристальнее взглянуться в иные философские системы, а знакомство с новейшими научными трудами требовало критически пересмотреть традиционные представления. Молодой доктор богословия мучительно искал выхода. Ему поспешили помочь.

Однажды на диспуте в монастыре выступал почитаемый в ордене богослов Агостино да Монтальчино. Он обличал александрийского священника Ария, отвергавшего в IV веке учение о единосущности божественной троицы. Не считая нужным вдаваться в тонкости еретических учений, он предпочитал излагать их упрощенно и оглушенно, называл Ария невеждой, незнакомым с элементарными понятиями, благо не приходилось рассчитывать на возражения.

Неожиданно для всех раздался голос в защиту еретика. Джордано Бруно Ноланец заявил, что Арий излагал свои взгляды вполне понятно, не хуже, чем сами отцы церкви, что воззрения его в ортодоксальной полемической литературе были извращены и искажены. Спор имел далеко не исторический и не академический характер. Арианство в

новых формах в виде различных течений, отвергавших догмат троичности божества, широко распространилось в Европе XVI в., в частности и в Неаполе.

Собратья по ордену яростно набросились на Джордано. В его келье произвели обыск и обнаружили сочинения св. Иеронима и Иоанна Златоуста с комментариями Эразма Роттердамского. В своих комментариях Эразм противопоставлял нравы и обычаи ранних христиан современной практике католического духовенства, выступал против накопления церковных богатств и лицемерия монахов, осуждал светскую власть церкви и римских первосвященников, утверждал, что и в сочинениях еретиков могут быть найдены глубокие и ценные мысли. Книги с комментариями Эразма Роттердамского значились в папском индексе. Хранение запрещенных книг было тягчайшим преступлением, одного этого факта было бы достаточно для обвинения в ереси. Были и другие основания — против брата Джордано было возбуждено инквизиторами дело, содержащее несколько десятков обвинений. Предупрежденный кем-то из друзей, Ноланец бежал в Рим, чтобы «представить оправдания» (12, стр. 336).

В Риме свирепствовала инквизиция. В 1567 г. был казнен бывший папский протонотарий Пьетро Карнесекки, в 1568 г. было осуждено 60 человек, пятеро из них были сожжены. Четверых приговорили к смертной казни в 1569 г. Среди казненных в 1570 г.—

философ и поэт Аонио Палеарио. Пять еретиков было казнено в 1572 г., трое — в 1573 г.; оставшихся в живых ждали каторжные работы или мучительная смерть в инквизиционной тюрьме.

В конце 1576 г., убедившись, что нет надежды на оправдание, Джордано покинул папскую столицу. Начались долгие годы скитаний.

«Отторгнутый от материнской груди и отцовских объятий, от любви и ласки родного дома» (15, стр. 43), он больше никогда не увидит свою Нолу. Один, без друзей и близких, без куска хлеба, сбросив ненавистное монашеское облачение, Бруно отправился в странствие по городам Северной Италии*.

Генуя, Савона, Турин, Венеция, Брешия, Милан... Случайные заработки: то курс лекций «О сфере» (т. е. о строении мира) в кружке молодых дворян, то книжка «О знамениях времени», изданная анонимно в Венеции (ни одного экземпляра ее пока не удалось найти, и содержание ее неизвестно). После неудачной попытки обосноваться во Франции Бруно идет традиционным путем

---

* Упрощенным является представление о том, что на протяжении всех лет скитаний Бруно за ним следовали тайные агенты римской инквизиции. Бруно в момент своего бегства был одним из многочисленных заподозренных в ереси монахов и не представлял для инквизиторов специального интереса. Кроме того, римская инквизиция не обладала ни всевропейской сетью агентов, ни властью на большей части Европы, даже в католических странах.

итальянской религиозной эмиграции XVI в.— в кальвинистскую Женеву.

Поддержанный земляками (они одели изгнанника и дали ему работу корректора в местной типографии), Бруно присматривался к жизни реформационной общины, слушал проповеди, знакомился с сочинениями кальвинистов. Реформа религии, отказ от наиболее примитивных суеверий и форм культа уже не могли его удовлетворить. Проповедуемое же кальвинистскими богословами учение о божественном предопределении, согласно которому человек оказывался слепым орудием неведомой и неумолимой божественной воли, было ему враждебно.

Бруно бежал из монастыря и от инквизиции — и попал в город, превращенный в монастырь, где религиозное ханжество и мелочный контроль за нравами и поведением граждан были возведены в закон, где инквизиция слилась с государственной властью, где всеобщая слежка, добровольный и официальный шпионаж привели к установлению строжайшего контроля за мыслями.

20 мая 1579 г. Бруно был записан в «Книгу ректора» Женевского университета. Университет готовил проповедников новой веры. Каждый студент при поступлении произносил исповедание веры, содержащее основные догматы кальвинизма и осуждение древних и новых ересей. Статуты университета запрещали малейшее отклонение от доктрины Аристотеля. Правила ведения диспутов пре-

дусматривали, что каждый желающий выступить должен «воздерживаться от ложных учений, опасных умствований, суетного любопытства и трактовать предмет спора благочестиво и религиозно», не забывая предварительно представить тезисы своего выступления.

Уже первые выступления Бруно на диспутах навлекли на него подозрения в ереси. Но, несмотря на это, Ноланец напечатал памфлет, содержащий опровержение 20 ошибочных положений в лекции ректора университета Антуана Делафе, второго человека в Женеве, ближайшего соратника и друга самого Теодора Безы — главы кальвинистской общины. Тайные осведомители донесли городским властям о печатавшейся брошюре, и автор ее был схвачен и заключен в тюрьму. Кальвинистская инквизиция не уступала католической в жестокости, а фанатизмом последователи нового вероучения превосходили своих римских коллег. Многие из итальянских сторонников Реформации, бежавшие в Женеву в надежде найти осуществление своих чаяний, встретились там с той же религиозной нетерпимостью и нередко кончали свой путь на костре. Выступление Бруно рассматривалось женевским магистратом как политическое и религиозное преступление. Он был отлучен от церкви, подвергнут унижительному обряду покаяния и сразу же после освобождения из тюрьмы, в конце августа 1579 г., уехал из Женевы.

Из Лиона, где знаменитые типографы не нуждались ни в его рукописях, ни в его опыте корректора, Бруно перебрался в Тулузу. «Здесь я познакомился с образованными людьми» (12, стр. 338) — как ему не хватало их в доминиканском монастыре и кальвинистской Женеве! Объявленный им курс лекций о сфере — снова о сфере: именно в эти годы он уяснял для себя новую космологию, путь к которой открыл Николай Коперник, — привлек многочисленных слушателей. Долгие годы вынашивал он сокровенные мысли о строении вселенной: настало время громко сказать о них людям. А когда освободилась должность ординарного профессора (получить степень магистра искусств было нетрудно), Бруно был допущен к конкурсу и стал читать курс философии. В Тулузе никто не требовал от него исполнения религиозных обрядов, но университетский устав предписывал строить преподавание по Аристотелю, а Ноланец разрабатывал свою, враждебную аристотелизму философскую систему. Выступление против схоластической традиции ему простить не могли; лекции Бруно и попытка выступить с диспутом вызвали злобное возмущение его университетских коллег. «Повсюду я подвергался ненависти, брани и оскорблениям, даже не без опасности для жизни, от грубой и бессмысленной черни, побуждаемой скопищем увенчанных степенями отцов невежества», — вспоминал он позднее (17, стр. 7). Возобновившиеся на

юге Франции военные действия между католиками и гугенотами и усиление католической реакции в Тулузе положили конец этому первому опыту университетского преподавания Бруно.

Летом 1581 г. Бруно прибыл в Париж. Факультет искусств знаменитой Сорбонны когда-то славился свободомыслием своих профессоров, чьи труды по математике и астрономии готовили кризис аристотелизма. Теперь здесь царил богословский факультет: его решения приравнивались к постановлениям церковных соборов.

От предложенной ему ординарной профессуры Бруно отказался: штатный профессор должен был посещать церковь и исполнять религиозные обряды. Ноланец предпочитал независимость.

Он объявил экстраординарный курс лекций по философии на тему о 30 атрибутах (свойствах) бога. Формально это был комментарий к соответствующему разделу «Свода богословия» Фомы Аквинского, по существу — опровержение томизма.

Лекции в Париже принесли славу неизвестному до той поры философу. После монотонных и однообразных курсов парижских схоластов, повторявших пустые и лишённые смысла дефиниции, в аудиториях Сорбонны прозвучала страстная речь мыслителя. По воспоминаниям слушателей, Бруно говорил быстро, так что даже привычная студенческая рука едва поспевала за ним, «так скор

он был в соображении и столь великой обладал мощью ума» (18, стр. 5). Но главное, что поражало студентов,— это то, что Бруно «одновременно думал и диктовал». Мысль рождалась на глазах, она обростала аргументами, находила свое выражение в ярких образах древней мифологии, в смелых и неожиданных сопоставлениях, в решительных выводах, вдребезги разбивавших стройное здание схоластических умозрений. Слушателей охватывало удивительное чувство: они присутствовали при рождении новой философии.

Слава о новом профессоре, о его необычайных способностях и поразительной памяти дошла до королевского дворца. Генрих III в эти годы вызывал нарекания католиков своей политикой веротерпимости и интересом к наукам; испанский посол с осуждением замечал, что король тратит драгоценное время на философские беседы. Впрочем, как показало время, политика веротерпимости Генриха III оказалась непрочной, а интерес к наукам — поверхностным и недолговечным. Но пока что королевское покровительство обеспечивало Бруно известную независимость от университетских и церковных властей.

Вероятно при дворе, Бруно смог сблизиться с кружками французских гуманистов. Здесь, как и в неаполитанских академиях, находила себе приют новая наука, не допускавшаяся в университетские стены. В академиях Парижа обсуждались научные и философ-

ские проблемы: Жак Дюперрон излагал взгляды Коперника; член знаменитой Плеяды — содружества поэтов, обновителей французской лирики — Понтюс де Тиар в своих диалогах высказывал дерзкие мысли о бесконечности вселенной. Не меньший интерес вызвала во внеуниверситетских учебных кругах проблема метода. Кризис схоластической логики был ясен всем. Реформа логики была предпринята Пьером де ля Раме, павшим жертвой фанатизма в Варфоломеевскую ночь. Другим течением в антиаристотелевской логике было так называемое люллиевое искусство, названное по имени каталонского мыслителя конца XIII — начала XIV в. Раймунда Люллия.

В Париже Бруно издал первые свои книги. Написаны они были раньше, вероятнее всего в Тулузе; многое в них было задумано еще в монастыре. Самая ранняя из дошедших до нас книг Бруно, его трактат «О тенях идей» (1582 г.), содержала первое изложение основных тезисов Ноланской философии; другие парижские сочинения посвящены искусству памяти и реформе логики.

Вследствие возникновения волнений, связанных с обострением гражданской войны, как объяснял Бруно свой отъезд, он отправился в Англию, получив рекомендательное письмо от короля к французскому послу в Лондоне. Одновременно к секретарю королевы Елизаветы Уолсингему шло другое письмо — от английского посла в Париже:

«Синьор доктор Джордано Бруно Ноланец, профессор философии, собирается ехать в Англию. О его религиозных взглядах я не могу дать хороший отзыв» (84, стр. 329).

Годы, проведенные Бруно в Англии (начало 1583 г.— октябрь 1585 г.), едва ли не самые счастливые в его жизни. Французский посол в Лондоне Мишель де Кастельно, крупный политический деятель, бывший воин, человек просвещенный (он перевел с латинского на французский язык один из трактатов Пьера де ля Раме), убежденный сторонник веротерпимости и враг религиозного фанатизма, поселил Бруно у себя в доме. Впервые за многие годы одинокий изгнанник ощутил дружеское участие и заботу и мог работать, не зная материальных лишений.

В Лондоне Бруно близко сошелся с поэтом и переводчиком Джоном Флорио, сыном итальянского изгнанника, и с группой молодых английских аристократов, среди которых выделялись врач и музыкант Мэтью Гвин и поэт-петраркист, много лет живший в Италии, Филипп Сидней. Земляк Бруно, знаменитый юрист, «дедушка международного права» Альберико Джентили и дядя Сиднея, фаворит королевы Елизаветы, канцлер Оксфордского университета Роберт Дадли обеспечили Ноланцу доступ к чтению лекций в Оксфорде.

В течение полугода Бруно читал лекции по философии в этом знаменитом университете, о славных традициях которого он писал

с уважением и восхищением. Но в Оксфорде давно забыли о знаменитых «мастерах метафизики». Задолго до приезда Бруно была проведена чистка университетской библиотеки, причем особенно досталось книгам и рукописям по математике. Теперь здесь безраздельно царил педантизм грамматиков, которые, по словам современника, «пока возьмется со словами, забывают о самих вещах». Цицероновское красноречие и декламаторское искусство прикрывали пустоту и убожество мысли. Насильственная верность традициям и власть авторитета сковывали разум. Специальный декрет предписывал бакалаврам на диспутах следовать только Аристотелю и запрещал заниматься «бесплодными и суетными вопросами, отступая от древней и истинной философии». За каждое мелкое отклонение от правил Аристотелева «Органона» полагался денежный штраф.

Лекции Бруно были приняты сперва холодно, потом с открытой враждебностью; один из его слушателей, Джордж Эббот, впоследствии архиепископ Кентерберийский, писал о лекциях «филотео Джордано Бруно Ноланца, доктора богословия, чей титул был длиннее, чем его рост»: «Более смелый, чем разумный, он поднялся на кафедру нашего лучшего и прославленнейшего университета, засучив рукава, как фигляр, и, наговорив кучу вещей о центре, круге и окружности, пытался обосновать мнение Коперника, что Земля вертится, а небеса неподвижны, тогда

как на самом деле скорее кружилась его собственная голова...» (96, стр. 208). К открытому разрыву привело выступление Бруно на диспуте, устроенном в июне 1583 г. в честь посещения университета польским аристократом Ласким. Защищая гелиоцентрическую систему Коперника, Ноланец «пятнадцатью силлогизмами посадил 15 раз, как цыпленка в паклю, одного бедного доктора, которого в качестве корифея выдвинула академия в этом затруднительном случае» (8, стр. 130). Не сумев опровергнуть Бруно в открытом споре, университетские власти запретили ему чтение лекций.

Отвергнутый Оксфордом, Бруно был принят в ученых кругах столицы, пользовавшихся поддержкой наиболее просвещенных и дальновидных представителей придворной аристократии. Английские ученые проявляли глубокий интерес к проблемам коперниканской астрономии. Еще в 1557 г. Джон Ди опубликовал новые астрономические таблицы, приведя их в соответствие с вычислениями Коперника. Его ученик Томас Диггс защищал гелиоцентрическую систему и высказал мысль о бесконечности вселенной. Важные открытия в области земного магнетизма сделал Уильям Гилберт.

Друг Филиппа Сиднея поэт и драматург Фолк Гривелл пригласил Бруно к себе в дом с целью устроить обсуждение проблем новой космологии. Об этом домашнем диспуте, происходившем 14 февраля 1584 г., Ноланец

рассказал в диалоге «Пир на пепле» — первом из лондонских итальянских диалогов.

И хотя предыдущая книга Бруно — латинский трактат «Печать печатей», посвященный изложению теории познания, — была напечатана лондонским типографом Джоном Чарлевудом открыто, и он, и автор нашли более благоразумным опубликовать итальянские диалоги нелегально с обозначением ложного места издания (Венеция, Париж): опубликование произведений опального профессора, вступившего в конфликт с ученым миром, было делом небезопасным. Итальянские диалоги, написанные в Лондоне и напечатанные в 1584—1585 гг., содержат первое полное изложение «философии рассвета» — учения о бытии, космологии, теории познания, этики и политических взглядов Джордано Бруно.

Он писал их на народном итальянском языке. Бруно не первый обратился к национальному языку для изложения научных и философских взглядов. Им пользовались еще Леонардо и Макиавелли. Ученики Бернардино Телезио в 1570—1590 гг. перевели на итальянский язык его трактат «О природе вещей» и опубликовали на родном языке изложение телезианской философии. Но подлинными создателями итальянской научной прозы явились Бруно и Галилей. Итальянские диалоги Бруно поражают богатством и яркостью языка, остротой характеристик, драматизмом построения, отражающим

напряженность философской полемики, и страстностью пропаганды новых идей.

Обращение Бруно к народному языку именно в Англии (и только в Англии — все остальные его многочисленные сочинения, кроме комедии «Подсвечник», написаны на латыни) не случайно. Здесь, в тех научных кругах, которые были связаны с потребностями новых классов, судьбами абсолютизма, языком науки становится английский язык, в противовес схоластической и гуманистической латыни университетов. Итальянским языком хорошо владели образованные люди елизаветинской Англии.

Выход в свет первого диалога — «Пир на пепле» — вызвал бурю еще большую, чем диспут в Оксфорде, заставив автора «замкнуться и уединиться в своем жилище» (8, стр. 174). Друзья-аристократы отвернулись от него, и первым — Фолк Гривелл, возмущенный резкостью нападок Ноланца на педантов. И только Мишель де Кастельно был «защитником от несправедливых оскорблений». «Нужно было обладать духом поистине героическим, — писал Бруно, — чтобы не опустить рук, не отчаяться и не дать себя победить столь стремительному потоку преступной лжи» (8, стр. 165).

Второй диалог — «О причине, начале и едином», содержащий изложение философии Ноланца, — наносил удар по всей системе аристотелизма. Это вызвало еще большую вражду, чем защита учения Коперника. «Кто

на меня смотрит — тот угрожает мне, кто наблюдает за мной — нападает на меня, кто догоняет меня — кусает меня, кто меня хватает — пожирает меня; и это не один или немногие, но многие и почти все» (8, стр. 297), — писал Бруно в предисловии к новому, третьему диалогу — «О бесконечности, вселенной и мирах», в котором он доказал, что не отступает «подобно усталым с крутого пути».

Следующий диалог — «Изгнание торжествующего зверя» — был посвящен обоснованию новой системы нравственности, пропаганде социальных и политических идеалов Ноланца, освобождению человеческого разума от власти вековых пороков и предрассудков: «Джордано говорит здесь, чтобы все знали, высказывается свободно, дает свое собственное имя тому, чему природа дала свое собственное бытие» (10, стр. 9).

Изданный в 1585 г. диалог «Тайна Пегаса, с приложением Килленского осла» сводил счеты со «святой ослинностью» богословов всех мастей. Никогда еще сатира на всю систему религиозного мировоззрения не была столь резкой и откровенной. Это едва ли не самый яркий и злой атеистический памфлет XVI столетия.

Последний лондонский диалог — «О героическом энтузиазме» — был гордым ответом на преследования. Бруно прославлял в нем бесконечность человеческого познания, высшую доблесть мыслителя, которая вопло-

щается в самоотречении ради постижения истины.

Диалоги Бруно были поднесены королеве, и, по словам современника, Ноланец удостоился от Елизаветы Английской наименования богохульника, безбожника, нечестивца. Осенью 1585 г. Мишель де Кастельно возвращался в Париж. Вместе с ним покидал Англию и Бруно. Он уезжал, оставив, по свидетельству одного из его друзей, «величайшие раздоры в английских школах» своим выступлением против Аристотеля.

Обстановка во Франции изменилась. Католическая лига, опираясь на поддержку Филиппа II Испанского и папского престола, овладела многими важными районами страны, усилила свои позиции при дворе. Генрих III все свое время теперь посвящал постам, паломничествам и душеспасительным беседам. Эдикт о веротерпимости был отменен. Мишель де Кастельно впал в немилость.

О чтении лекций в университете не могло быть и речи. Бруно жил впроголодь: по дороге в Париж его и де Кастельно ограбили разбойники, через два месяца после возвращения его обокрал слуга. В это время Бруно получил какие-то известия из Нолы от отца. В минуту отчаяния он готов был просить разрешения вернуться на родину. В Реформации он давно разочаровался; впоследствии он говорил, что все религии никуда не годятся, католическая, пожалуй, даже лучше других. Он мечтал об одном — спокойно работать и

согласен был принести формальное покаяние (которое касалось бы не его взглядов, а только бегства из монастыря), поставив одно условие: чтобы его не заставляли вернуться в орден. Переговоры с кардиналом Мендосой и папским нунцием были безрезультатными: папа Сикст V славился жестокостью и фанатизмом.

Несмотря ни на что, Бруно продолжал работать. Поселившись близ коллежа Камбре, он часто посещал библиотеку Сен-Викторского аббатства, беседовал с хранителем книг Котеном. Старик записывал разговоры с интересным посетителем: «Ноланец презирает всю философию иезуитов... Осуждает ухищрения схоластов и церковные таинства... Ругает всех докторов... Говорит, что в Италии преподаватели светских наук — полнейшие ничтожества и невежды...» Любознательный путешественник голландский студент Арнольд ван Бухель занес 4 декабря 1585 г. в свой путевой альбом запись о встрече с Ноланцем: «Он более изощрен в философии, нежели следовало бы для спасения души» (26, стр. 37—46). В этих отзывах Бруно выглядит несколько мрачным. Друзья знали и другого: «Он отличный товарищ, эпикуреец по образу жизни» (95, стр. 181).

В Париже Бруно познакомился с шестидесятилетним математиком своим земляком Фабрицио Морденте. Заинтересовавшись его математическими идеями и новой конструкцией компаса, Бруно издал диалоги, посвя-

ценные изложению геометрических работ Морденте и их философскому осмыслению, осуждая в то же время эмпирическую ограниченность математика. Разгневанный Морденте скупал и уничтожал книгу Бруно. Вскоре появилось ее новое издание с приложением полемических диалогов «Торжествующий невежда» и «Истолкование сна».

Одновременно Бруно издал курс лекций по «Физике» Аристотеля, а весной 1584 г. готовился к новому публичному выступлению против аристотелизма. Несмотря на опасения богословов, ему удалось добиться от ректора университета разрешения выступить с защитой 120 тезисов, направленных против основных положений «Физики» и трактата «О небе и мире». Это было самое значительное выступление Бруно против Аристотелевой философии, против схоластического учения о природе, о материи, о вселенной. «Ноланец собирается разрушить всю перипатетическую философию, и, насколько я в этом понимаю, он очень хорошо излагает свои выводы,— писал из Парижа накануне диспута итальянский гуманист Корбинелли.— Я полагаю, что его побьют камнями в этом университете» (95, стр. 181).

Диспут состоялся 28 мая 1586 г. в коллеже Камбре. От имени Бруно, как полагалось по обычаю, выступил его ученик Жан Эннекен. Джордано обратился с вызовом к присутствовавшему, и после некоторого замешательства слово взял Рауль Калье. На сле-

дующий день, когда Бруно должен был отвечать на возражения, он не явился. Как писал Корбинелли, «Джордано уехал с богом, опасаясь оскорблений, так он намылил голову бедняге Аристотелю» (95, стр. 185). К отъезду он готовился еще до диспута в коллеже Камбре. Морденте собирался мстить ему, используя свои связи со сторонниками Гизов, Католической лигой. Университет был также на стороне католической реакции. А выступление Рауля Калье, связанного с ближайшим окружением Генриха III, означало, что Бруно восстановил против себя и королевский двор. Вступив в конфликт с влиятельными политическими силами, без работы, без денег, без покровителей Ноланец не мог более оставаться в Париже, где ему грозила расправа. Дав на прощание бой парижским схоластам, он в июне 1586 г. направился в Германию.

Но дурная слава опережала его. В Майнце и Висбадене попытки найти работу были безуспешными. В Марбурге, уже после того как Бруно был занесен в список профессоров университета, ректор неожиданно вызвал его и заявил, что с согласия философского факультета и «по весьма важным причинам» ему запрещено публичное преподавание философии. Ноланец «до того вспылал,— записывал ректор Пётр Нигидий,— что грубо оскорбил меня в моем собственном доме, словно я в этом деле поступил вопреки международному праву и обычаям всех немецких

университетов, и не пожелал более числиться членом университета» (26, стр. 47—48).

Только в Виттенберге благодаря помощи Альберико Джентили, переехавшего к этому времени сюда из Оксфорда, Бруно добился разрешения преподавать. Здесь, в центре лютеранской Реформации, Бруно пробыл два года. Формальное принятие лютеранства не стесняло его. Пользуясь относительной свободой преподавания, он мог в своих университетских лекциях излагать идеи, провозглашенные на диспутах в Оксфорде и Париже. В Виттенберге Бруно опубликовал несколько работ по лютлиевой логике и «Камераценский акротизм» — переработку и обоснование тезисов, защищавшихся им в коллеже Камбре.

Когда к власти в Саксонии пришли кальвинисты, Ноланцу пришлось покинуть Виттенберг. В прощальной речи 8 марта 1588 г. он вновь подтвердил свою верность принципам новой философии. Прибыв осенью того же года в Прагу, Бруно опубликовал там «Сто шестьдесят тезисов против математиков и философов нашего времени», в которых намечался переход к новому этапу ноланской философии, связанному с усилением математических интересов и разработкой атомистического учения.

В январе 1589 г. Бруно начал преподавать в Гельмштедтском университете. Старый герцог Юлий Брауншвейгский, враг церковников и богословов, покровительствовал Ноланцу. После смерти герцога (памяти кото-

рого философ посвятил «Утешительную речь») Бруно был отлучен от церкви местной лютеранской консисторией. Положение его в Гельмштедте стало крайне неустойчивым. Постоянных заработков не было. Приходилось кормиться частными уроками и врачеванием. Денег не хватало даже на то, чтобы нанять возницу для отъезда из города.

Но впервые за многие годы Ноланец был не одинок. Рядом с ним Иероним Бесслер — ученик, секретарь, слуга, верный друг и помощник. Он сопровождал учителя в трудных странствиях по дорогам Германии, пытаясь оградить его от мелочных забот, а главное — переписывал его сочинения. В эти последние годы на воле, как бы предчувствуя близкую катастрофу, Бруно работал особенно много и напряженно. Он готовил новые философские труды, которые должны были возвестить «философию рассвета» европейскому ученому миру. К осени 1590 г. философская трилогия была завершена.

Бруно спешил во Франкфурт. Тамошние издатели Вехель и Фишер взялись печатать его сочинения; они должны были содержать автора и предоставлять ему жилье на время подготовки издания — это была единственная форма гонорара. Ноланец целые дни проводил в типографии, он был и корректором, и гравером, сам резал медные доски для изображений и чертежей. Сохранился (в составе «Московского кодекса») автограф Бруно этого времени — черновик прошения, поданного

во франкфуртский сенат. Семь строчек, обычная деловая бумага. Написанный в спешке черновик передает то состояние нервной напряженности, в котором находился Бруно. Перечеркнутые слова, переписанные фразы; можно разобрать лишь отдельные выражения: «Джордано... настоятельно просит... на несколько недель... в доме печатника Вехеля... для напечатания неких трактатов... по каковой причине... признаёт себя много обязанным». Это похоже на найденную в бутылке полуистлевшую записку потерпевшего кораблекрушение... Отцы города отказали, и здесь сыграла свою роль репутация человека «без всякой религии».

Пришлось переехать в Цюрих, пользуясь гостеприимством учеников — Иоганна Генриха Гайнцеля и Рафаэля Эглина. Италия, Швейцария, Франция, Англия, снова Франция, Германия, снова Швейцария — круг замкнулся. И пока во Франкфурте в отсутствие автора выходят из-под печатного станка поэмы «О монаде, числе и фигуре», «О безмерном и неисчислимых», «О тройном наименьшем и мере», у Бруно летом 1591 г. созревает план возвращения в Италию.

«Поразительно! Поразительно!» — писал немецкий гуманист Ацидалий, услышав о возвращении Ноланца на родину, «откуда он некогда, как сам признавался, спасался бегством» (15, стр. XX). Не менее загадочным казался этот поступок и позднейшим

исследователям. Возвращение Бруно в Италию объясняли и тоской по родине, и кознями инквизиции, и намерением покаяться и добиться прощения от папы, и планами религиозной реформы.

В действительности поступок Ноланца отнюдь не был жестом отчаянного безрассудства. Политическая обстановка в Европе менялась. Благодаря победам Генриха Наваррского усиливались позиции тех кругов, которые выступали за прекращение религиозных войн, за веротерпимость, против фанатизма католиков и кальвинистов. Положение Венеции, правители которой вели независимую от папства внешнюю и внутреннюю политику, казалось, гарантировало безопасность от римской инквизиции.

В это время Бруно через книгопродавца Чотто получил приглашение от венецианского аристократа Джованни Мочениго, просившего обучить его искусству памяти и иным наукам. Но главной целью Бруно была не сама Венеция, а расположенный в Венецианской области знаменитый Падуанский университет — один из последних очагов итальянского свободомыслия. Там уже в течение ряда лет пустовала кафедра математики. В Падуе с лета 1591 г. находился, возможно поехавший туда по поручению Бруно, Иероним Бесслер, избранный там председателем германского студенческого землячества. Бруно направился в Падуу, где некоторое время частным образом преподавал в небольшом

кружке немецких студентов. К этому времени относится и большинство сохранившихся рукописей сочинений Бруно (несколько его черновиков и копии, сделанные Бесслером); в эти годы он работал над проблемами так называемой естественной магии. Недавно были обнаружены записи, связанные с падуанскими лекциями Бруно; они посвящены математическим и философским вопросам.

Надежды получить кафедру в Падуе не оправдались. (Год спустя ее занял молодой тосканский математик Галилео Галилей.) Бруно переехал в Венецию. Сначала он жил в гостинице и лишь затем поселился в доме Мочениго.

Следует отвергнуть распространенную в популярной литературе легенду о том, что Бруно был хитростью и коварством инквизиторов завлечен в Венецию и что приглашение от Мочениго было частью этого провокационного плана. Венецианская инквизиция, более всего интересовавшаяся политическими врагами Адриатической республики, до момента ареста вообще ничего не знала о Бруно. Римские же инквизиторы заинтересовались опасным еретиком только после того, как он попал в руки их венецианских коллег.

Мочениго не был орудием инквизиции, он использовал инквизицию как орудие своей подлой мести. А дорога в инквизиционный трибунал ему была хорошо знакома: ранее он входил в Совет мудрых по ересьям — орган

Венецианской республики, осуществлявший государственный контроль за действиями святой службы.

Принадлежа к славному в истории Венеции патрицианскому роду, поставлявшему республике дождей, дипломатов, военачальников, Джованни Мочениго сочетал в себе редкостную бездарность с неумеренным честолюбием. Его отец, дяди, братья занимали видные государственные и церковные посты; ему же с трудом доверяли даже временное исполнение мелких поручений. Озлобленный и завистливый, он надеялся с помощью магического искусства добиться власти, славы и богатства. Оплачивая содержание Бруно, будучи учеником столь же требовательным, сколь и непонятливым, он был уверен, что Ноланец скрывает от него самые главные, таинственные познания.

В Венеции Бруно почувствовал себя свободно. Как и повсюду, он не считал нужным скрывать свои взгляды, не подозревая, что его неосторожные высказывания тщательно берутся на заметку. Отдых от мелочных дразг с хозяином он находил в беседах с учеными людьми то в книжных лавках, то на площадях, то в Академии Морозини — ученом кружке, где можно было не бояться шпионов. Известие о том, что философ Франческо Патрици — неоплатоник, принявший учение Коперника, — приглашен новым папой в Рим, обрадовало его: казалось, что победы Генриха Наваррского привели к изменению

обстановки даже в Италии. Бруно начал работать над новым большим сочинением «Семь свободных искусств».

Между тем Мочениго предъявлял своему учителю новые и новые требования. Джордано в конце концов надоела эта нелепая зависимость, и он заявил, что вернется во Франкфурт: надо было готовить к печати новые книги.

Тогда — в мае 1592 г. — Мочениго по совету духовника выдал своего гостя инквизиции. В трех доносах он обличил философа. Собрано было все: и подозрительные места в книгах (старательно отчеркнутые доносчиком), и нечаянно оброненные фразы, и откровенные разговоры, и шуточные замечания. Половины их было достаточно, чтобы отправить обвиняемого на костер. Но инквизиционное судопроизводство исходило из правила: «Один свидетель — не свидетель». Необходимы были показания других свидетелей и признания обвиняемого. Бруно повезло: вызванные в трибунал книготорговцы Чотто и Бертано, старый монах Доменико да Ночера, аристократ Морозини дали благоприятные для него показания.

Позиция самого Бруно на следствии была четкой и последовательной. Он не был религиозным реформатором и не собирался идти на костер из-за различных толкований церковных догм и обрядов. Все обвинения в богохульстве, в издевательских высказываниях о почитании икон и культе святых, о

богородице и Христе он отвергал с порога, благо доказать их Мочениго не мог: разговоры велись с глазу на глаз. Что касается более глубоких богословских вопросов, граничивших с философией, то Бруно прямо заявил инквизиторам, что не может принять догмат троичности божества и богочеловечность Христа, излагал свое учение о совпадении божественных атрибутов. Все философские положения, в том числе учение о вечности и бесконечности вселенной, о существовании бесчисленного множества миров, Бруно отстаивал с начала до конца.

Так как первый, неаполитанский процесс Бруно не состоялся и он не отрекался от еретических взглядов, он не был «повторно впавшим в ересь»; это улучшало его положение. Бруно знал, что венецианская инквизиция не выносила смертных приговоров по обвинению в ереси, если дело не осложнялось политическими соображениями; он же не был врагом республики св. Марка. В этих условиях худшее, что ему грозило, было возвращение в орден, в монастырь. Бруно даже надеялся остаться светским лицом; если бы это не удалось, он рассчитывал остаться в Венеции; по свидетельству одного из соседей по камере, «он не хотел подчиняться ни генералу ордена, ни приору монастыря, но только этой Синьории» (13, стр. 394). На худой конец оставалась надежда на повторное бегство из монастыря и возвращение в Германию. Этими планами и вызвано было

покаяние, принесенное Бруно в конце следствия. Он не отрекался от своих философских и научных воззрений; речь шла только о его «образе жизни», т. е. о бегстве из монастыря и неисполнении церковных обрядов. В Венеции такого формального покаяния могло оказаться достаточно. Но в это время против Ноланца готовился новый предательский удар.

Делом Джордано Бруно заинтересовались в Риме. Верховный инквизитор Джулио Антонио Санторо, кардинал Сансеверина (тот самый, что в 1564 г. бежал от народного восстания из Неаполя), велел представить ему материалы следствия. Но еще до получения актов процесса римская инквизиция потребовала от венецианского трибунала добиться выдачи ей Бруно. (Переписка по этому делу велась в обход венецианских властей.)

Первоначально Синьория, охраняя свою независимость, отказала в требовании Риму. Но в дело вмешался сам папа Климент VIII. Давление с его стороны помогло сломить не слишком уверенное сопротивление венецианцев. В конце концов беглый монах не был подданным республики св. Марка, а поддержание хороших отношений с папским престолом значило для сената больше, чем жизнь мыслителя, даже если он и «один из самых выдающихся и редчайших гениев, каких только можно себе представить, и обладает необычайными познаниями и создал замечательное учение» (12, стр. 374). Бруно был

принесен в жертву политическим интересам Венеции.

Пока за спиной узника велись переговоры, он по окончании следствия был переведен в общую камеру, где вместе с ним были заключены обвиняемые в ереси монах-капуцин Челестино Веронец, учитель и переписчик книг Франческо Грациано, монах-кармелит Джулио де Сало, плотник Франческо Вайа Неаполитанец и др.

И в тюрьме Ноланец оставался верен себе. Преисполненный презрения к невежеству и суевериям, он издевался над предрассудками своих соседей по камере, прерывая их молитвы и песнопения, высказывал приводившие их в ужас мнения о церкви и религии, об апостолах и Христе. Он и здесь, в последней своей аудитории, оставался страстным проповедником новых идей. Глядя на звездное небо сквозь решетку тюремного окна, он пытался объяснить своим невежественным собеседникам учение о бесконечности вселенной и множественности миров.

Он сам не знал, как точны были его слова, сказанные еще на свободе в доме Мочениго: «Мир полон предательства!» И здесь, в камере, он порой в бессильной ярости и отчаянии проклинал бога, отвергнутого в его книгах: «Предатель правит этим миром!»

Но он еще не испытал всей меры предательства. Летом 1593 г., когда Бруно находился уже в Риме, Челестино в надежде

облегчить свою участь (он привлекался к следствию вторично, и ему грозило суровое наказание, может быть, даже костер) подал донос. Соседи по камере были вызваны в Рим и допрошены. Одни отмалчивались, ссылаясь на плохую память, другие действительно плохо разбирались в философских рассуждениях Ноланца, но в целом их показания подтвердили донос Челестино. Опаснее других оказался Грациано, мстивший теперь Бруно за то, что тот в тюрьме презирал его претензии на образованность и ученость. Не унимался и Мочениго — давал новые показания, прислал новый, четвертый донос. Потом нашелся еще один добровольный доносчик, приславший экземпляр «Изгнания торжествующего зверя», подчеркнув в нем опасные для веры места.

Предатели получили награду. Грациано, которому грозил костер, был присужден к пожизненному заключению, а через несколько лет выпущен на свободу. Челестино был сослан в провинциальный монастырь. Позднее, написав в каком-то истерическом припадке еретическое письмо венецианскому инквизитору, он был вызван в Рим и по решению суда сожжен за полгода до казни Джордано Бруно.

Предательство соседей по камере значительно ухудшило положение Ноланца. Однако показания осужденных преступников не считались полноценными. По тем пунктам обвинений, в которых еретик не был достаточно

изобличен, требовалось его признание: Бруно подвергли пыткам.

Круг его чтения ограничивали молитвенником доминиканского ордена и сочинениями Фомы Аквинского. Бумагу ему давали по счету только для объяснений следствию. Но писал он много не для того, чтобы оправдаться перед судьями,— это была последняя возможность изложить свои взгляды.

Пытаясь извратить содержание процесса и оправдать инквизиторов, современные католические историки А. Меркати и Л. Чикутини утверждают, что Бруно судили не как мыслителя, а как беглого монаха и вероотступника. Действительно, в ходе процесса против Бруно выдвигались обвинения в кощунстве, высказываниях против папы, духовенства, церковных имуществ, почитания икон и святых. Однако по этим пунктам не было достаточных доказательств, сам же Бруно не признавал своей вины. На следствии, особенно в его конце, в центре внимания оказывались именно философские и научные взгляды Ноланца: учение о вечности мира, о бесконечности вселенной, о множественности миров, о движении Земли, о всеобщей одушевленности природы. По этим вопросам в руках инквизиторов были бесспорные доказательства: не только доносы и показания свидетелей, а заявления самого Бруно, его книги, письменные объяснения, в которых он на протяжении всех лет тюремного заключения отстаивал свои взгляды.

Процесс затягивался. В списках заключенных римской инквизиционной тюрьмы этого времени не значатся люди, содержащиеся там более двух-трех лет. Со времени ареста Бруно до его казни прошло почти 8 лет. От него требовали раскаяния. Комиссия цензоров из числа авторитетнейших богословов выискивала в книгах Бруно противоречащие вере положения и требовала новых и новых объяснений. В 1598 г. следствие возглавил кардинал Роберто Беллармино — иезуит, образованный теолог, привыкший сражаться с еретиками (как пером, так и с помощью палачей). В январе 1599 г. Ноланцу был вручен перечень 8 еретических положений, в которых он обвинялся. Отречением Бруно еще мог спасти себе жизнь. Несколько лет ссылки в монастырь и свобода или смерть на костре — такой был последний выбор. В августе Беллармино доложил трибуналу, что Бруно признал себя виновным по некоторым пунктам обвинения. Но в записках, представленных инквизиции, Ноланец продолжал отстаивать свою правоту.

В конце сентября ему дали, «дабы образумиться», последний срок — 40 дней. В декабре Бруно снова заявил своим судьям, что он не станет отрекаться. Последняя его записка, адресованная папе, была «вскрыта, но не прочтена»: инквизиторы потеряли надежду.

Диспут окончен. Восемилетнее заключение, уговоры, аргументы теологов и искусство палачей — ничто не помогло отцам-кардина-

лам. Обвиняемый не «образумился». Он остался верен тому, что говорил и писал всю жизнь — те немногие 16 лет, что он провел на свободе после бегства из монастыря.

8 февраля 1600 г. во дворце кардинала Мадруцци в присутствии высших прелатов католической церкви и знатных гостей был оглашен приговор. У оборванного и изможденного узника, поверженного на колени перед сборищем торжествующих врагов, хватило сил бросить им в лицо:

— Вы, быть может, с большим страхом произносите этот приговор, чем я его выслушиваю!

Задолго до этого, когда в Лондоне, в гостеприимном доме Мишеля де Кастельно, Бруно писал диалог «Пир на пепле», он устами педанта Пруденция предсказал свой конец. Обращаясь к английским покровителям философа, Пруденций советовал дать Ноланцу хоть одного провожатого с факелом, если они не могут дать ему сопровождение с пятьюдесятью или сотней факелов, «в которых не будет недостатка, шагай он даже среди бела дня, если придется ему умирать в католической римской земле» (8, стр. 160).

17 февраля 1600 г. братья из трех монашеских орденов по пути на Поле цветов угovarивали Джордано Бруно примириться с церковью. Уже стоя на костре, с кляпом во рту, он отвернулся от протянутого ему распятия.

III. ФИЛОСОФИЯ РАССВЕТА

ЕДИНОЕ, НАЧАЛО И ПРИЧИНА

«Время все берет и все дает; все меняется, и ничто не гибнет; лишь одно не может измениться; лишь одно вечно и всегда пребывает единое, подобное и торжественное самому себе» (23, стр. 7) — так в Париже в 1582 г. в посвящении к комедии «Подсвечник» провозглашал Бруно истины «философии рассвета». Позади был долгий путь мучительных поисков и раздумий. Вместе с доминиканским облачением были отброшены прочь схоластические дефиниции ангелического доктора Фомы.

В той борьбе, которая началась еще в стенах Сан-Доменико Маджоре, продолжалась в аудиториях европейских университетов и завершилась — завершилась ли? — на Поле цветов в Риме, центральное место занимала завещанная средневековью и Возрождению великим Стагиритом проблема материи и формы. То или иное решение ее в переводе с аристотелево-схоластической терминологии на современный философский язык лежало в основе решения таких коренных философских

проблем, как соотношение материи и сознания, материи и движения, возможности и действительности.

В философии Аристотеля вечная и не-уничтожимая материя — «первое подлежащее каждой вещи» — в отрыве от формы не обладает никакими свойствами, лишена источника движения и самостоятельного существования; она есть чистая возможность. И только форма — единственно активная сила — может придать ей действительное, реальное бытие. Форма как активное начало противостоит материи. Именно за это учение великого античного мыслителя удостоилось включения с соответствующими поправками в своды католического богословия. «В природе телесных вещей, — писал Фома Аквинат, — материя причастна бытию не сама по себе, а через форму». А потому — и тут уже протягивалась прямая нить от Аристотелевых уступок идеализму к религии — «вещи, состоящие из материи и формы, благодаря форме оказываются по своему бытию причастны к богу». В философии томизма за чистой формой признавалось самостоятельное существование: это в свою очередь позволяло прийти к творению мира богом «из ничего».

Еще в первые годы своего бунта против схоластики Бруно восстал против этого определения материи, отвергавшего за ней самостоятельное бытие и активное воздействие на формирование реального мира природы. «Материя не является каким-то почти ничем, т. е.

чистой возможностью, голой, без действительности, без силы и совершенства» (8, стр. 264),— писал он в диалоге «О причине, начале и едином». «Нельзя и выдумать ничего ничтожнее, чем эта первая материя Аристотеля»,— заявлял он на диспуте в коллеже Камбре и пояснял, что главный порок определения материи в философии Стагирита — его чисто логический, а не физический характер. Материя Аристотеля, лишенная жизни и красок, есть не что иное, как логическая фикция (15, стр. 101—102); «нельзя считать ее чем-то вымышленным и как бы чисто логическим» (22, стр. 25).

Раскрывая внутреннюю противоречивость перипатетической философии, Бруно показывал, что понятие формы восходит к платоновским идеям и числам пифагорейцев: «Итак, пусть сколь угодно выдвигает Аристотель логическое различие материи и формы, ибо никогда он не сможет, оставаясь на позициях философии природы, доказать, что форма является действительным и физическим началом, разве что прибегнет к идеям, обратившись в платоника, или к числам — став пифагорейцем» (15, стр. 123).

Однако само по себе провозглашение первичности материи было еще не достаточным. Дело было не только в том, что объявить первоначалом, а в тех свойствах, которыми это начало обладает, Аристотелева материя не годилась для той роли, которую она должна была играть в Ноланской философии. Разра-

ботанное античными материалистами учение, согласно которому порождение вещей есть результат столкновения атомов, а «форма является не чем иным, как известными случайными расположениями материи» (8, стр. 226), не удовлетворило Ноланца.

За случайным расположением атомов, за непрерывным потоком меняющихся форм, возникающих и исчезающих, Бруно стремится увидеть некое внутреннее постоянство смены явлений. Выступив против схоластического отрицания материи, Бруно вместе с тем не принимал и низведения форм к неким случайным акциденциям материи. Он отвергал мнение средневекового еврейского философа-неоплатоника Авицеброна (Ибн-Гебироля), который рассматривал форму «как вещь уничтожимую, а не только изменяющуюся благодаря материи», «обесценивая и принижая» ее в сравнении с материей (8, стр. 236).

Этим стремлением глубже раскрыть постоянство закономерностей в природе пронизан первый опубликованный Бруно трактат «О тенях идей». При написании философской части этого произведения (мы оставляем пока в стороне его логическое и мнемоническое* содержание) Бруно использовал терминологию неоплатонической философии.

Неудержимый поток непрерывно меняющейся действительности, проходящей перед человеческим сознанием, лишает нас возмож-

---

* Относящееся к искусству памяти.

ности видеть в самих этих вещах и явлениях подлинную сущность бытия, познать истинную природу мира. Между тем природе свойственны некие подлежащие углубленному рассмотрению постоянные законы. Вся внешняя противоречивость и разнообразие не скроют от пристального наблюдателя глубокой гармонии вселенной. И если разнообразие без внутреннего порядка есть перевозданный хаос, то в действительном мире, в гармонии различных и разнообразных его частей, заключен внутренний порядок и закон: «Ибо в связи различных частей состоит красота... в самом разнообразии вещей мы видим восхитительный порядок» (19, стр. 27). А в том, что «во всех вещах имеется порядок», Бруно не сомневается: «Ибо едино тело вселенского существа, един порядок и едино правление, едино начало и един конец...» (19, стр. 23).

Реальные вещи — это облачение идей; формы вещей восходят к идеям, определяющим постоянство форм материального мира. Казалось бы, куда уж дальше? Не прав ли американский исследователь Нельсон, видящий в Бруно типичного неоплатоника? (См. 77, стр. 168.)

И здесь возникает главная проблема: где же находятся эти формы — идеи, определяющие реальное бытие вещей зримого мира? По Платону, вне материального мира. По Плотину, вне материального мира, но путем постепенной эманации (истечения) от высшего

бытия (бога) к небытию (материи) происходит порождение всех вещей. В ответе на этот вопрос, а не в терминологии следует искать ключ к решению проблемы, был ли Бруно неоплатоником.

Мы не найдем постоянства природных форм, пишет Бруно, «в идеальных отпечатках, отделенных от материи, ибо эти последние являются если не чудовищами, то хуже, чем чудовищами,—я хочу сказать—химерами и пустыми фантазиями» (8, стр. 269).

Отвергая и аристотелевскую форму, и платоновские идеи как активное первоначало мира, отбрасывая схоластическое понятие материи как чистой возможности и неоплатоническое учение о ней как *небытию*, Бруно искал ответ в пантеистической традиции средневековой философии. И на помощь ему пришли философы, представлявшие натуралистическую тенденцию в аристотелизме, восходящую к «великому комментатору» Аверроэсу. От Сигера Брабантского, павшего жертвой преследований в конце XIII в., до Пьетро Помпонацци в Болонье и Симоне Порцио в Неаполе тянется трехсотлетняя история западноевропейского аверроизма. К ним и к Давиду Динантскому, философу начала XIII в., создателю учения о «божественной материи», обращается Бруно и разрабатывает учение о материи как об активном, творческом начале, преисполненном внутренних жизненных сил.

Материя в самой себе содержит все формы, она является источником действительно-

сти, «вещью, из которой происходят все естественные виды», она «производит формы из своего лона». «Следовательно,— говорит Бруно,— она, развертывающая то, что содержит в себе свернутым, должна быть названа божественной вещью и наилучшей родительницей, породительницей и матерью естественных вещей, а также всей природы и субстанции» (8, стр. 267). «Формы,— развивает он эту мысль в «Камераценском акротизме»,— коль скоро они выводятся из потенции материи, а не вводятся извне действующей причиной, более истинным образом находятся в материи и основание своего бытия имеют в ней» (15, стр. 104). Материя не только обладает реальным бытием, она постоянное и вечное начало природных вещей; в ней разрешаются все формы, и после гибели формы или вида в следующих вещах ничего не остается от прежних форм, но вечно пребывает материя (см. 22, стр. 28—29).

Но уже после того как выяснен, казалось бы, приоритет материи, мы узнаем, что эта внутренняя способность материи к образованию форм именуется *душой мира*; она является всеобщей формой мира, формальным образующим началом всех вещей, она не только находится внутри материи, но и главенствует над ней (см. 8, стр. 202—216). Делались попытки объяснить принятие Ноланцем «души мира» особенностями раннего неоплатонического этапа его философской эволюции. Однако и в поздних произведениях Бруно, в

том числе в оставшемся не опубликованным при жизни трактате «Светильник тридцати статуй», материи-ночи Бруно противопоставляет свет — всеобщий дух, именуемый также «душой мира», проникающий все и присутствующий во всем (см. 22, стр. 58).

Главная способность мировой души — всеобщий ум, он же всеобщая физическая действующая причина; он «наполняет все, освещает вселенную и побуждает природу производить как следует свои виды» (8, стр. 203). Он является внешней причиной по отношению к отдельным вещам; по отношению к материи он «внутренний художник, потому что формирует материю и фигуру изнутри» (8, стр. 204).

Так, стремясь найти в недрах самой материи определяющую причину всякого развития и движения, отвергая внешнее, чуждое материи вмешательство, Бруно пришел к мысли о всеобщей одушевленности природы. Мировая душа и мировой ум — термины неоплатонизма, используемые Ноланцем для обозначения этой всеобщей одушевленности.

«Мир одушевлен вместе с его членами», — говорит Теофил в диалоге «О причине, начале и едином». Это не значит, что все природные существа, тела и предметы в равной мере обладают сознанием. Речь идет о *жизненном начале*: «Сколь бы незначительной и малейшей ни была вещь, она имеет в себе части духовной субстанции, каковая, если находит подходящий субъект, стремится стать

растением, стать животным и получать члены любого тела, каковое обычно называется одушевленным» (8, стр. 211). Необходимо при этом подчеркнуть, что Бруно принимает именно возможность жизни и сознания как нечто присущее всей материи в целом: вещи, «если они в действительности не обладают одушевленностью и жизнью, все же они обладают ими сообразно началу и известному первому действию» (8, стр. 212). Особенно важна мысль Ноланца о том, что духовная субстанция проявляется в действительности, лишь «если находит подходящий субъект». Таким образом, степень одушевленности связана с материей, с особенностями ее строения.

Учение о всеобщей одушевленности природы возникает в натурфилософии эпохи Возрождения в борьбе со схоластическим объяснением причины движения и развития в природе. В философии Аристотеля нет более значительной уступки идеализму и религии, чем его учение об источнике движения. Аристотель исходил из того, что движение всякого тела есть в конечном счете результат воздействия на него внешнего двигателя. Он сформулировал знаменитое положение о том, что «все движущееся получает движение от другого». Таким образом, поиск источника движения по отношению к каждому телу обращен во вне этого тела, а по отношению к миру — во вне мира. Так приходит Аристотель к принятию первого неподвижного двигателя, т. е. бога, который извне определяет

движение мира. Именно это положение перипатетической философии привлекло к себе христианских богословов. Фома Аквинский, разрабатывая свое учение о доказательстве бытия божьего, выдвинул на первое место доказательство *от движения*.

Натурфилософия Возрождения, стоявшая на пороге естествознания нового времени, верно определила одну из важнейших своих задач: отказаться от внешнего перводвигателя, направить мысль на поиски внутренних источников движения. Независимо от личного отношения отдельных мыслителей к религии (иные из них были искренне верующими людьми) это неизбежно вело к разрыву с теологией.

Движение «вследствие внешней силы» Бруно считал «насильственным и случайным». Естественное — «начало внутреннее, которое само по себе движет вещь куда следует» (8, стр. 143). Самодвижение в природе — таков глубочайший смысл идеи всеобщей одушевленности природы в философии Ноланца. И это главное в его учении о мировой душе. Можно и должно говорить об ограниченности бруновского материализма, проявившейся, в частности, в том, что он не сумел раскрыть специфические закономерности движения живой и неживой природы. Но гораздо важнее подчеркнуть то новое, что внес Бруно в учение о материи. Этим новым было представление о самодвижении, о необходимости поисков источников не только движения, но

и жизни, не только жизни, но и сознания в недрах природы. Не располагая еще достаточными естественнонаучными данными для конкретного анализа и решения проблемы, Бруно дал верное направление философской мысли и научному поиску, отвергнув внешнее, божественное вмешательство в развитие материального мира.

В ряде случаев, трактуя понятие мирового духа, Бруно давал ему еще более материалистическое истолкование. «Этот дух, этот воздух, этот эфир»,— говорил он о духовной субстанции в диалоге «О бесконечности, вселенной и мирах», как бы отождествляя ее с одним из Аристотелевых элементов (8, стр. 329), а в одном из последних своих трактатов, «О магии», определял дух как «некую тончайшую телесную субстанцию» (22, стр. 464).

И наконец, материя и форма, вселенная и мировая душа в реальной действительности совпадают. «Материя,— писал Бруно в «Светильнике тридцати статуй»,— в действительности неотделима от света, но различима только лишь с помощью разума... Материя— это природа или вид природы, неотделимый от другого вида или от другой природы, каковая есть свет, и от слияния их рождаются все природные вещи» (22, стр. 29—30). Духовная и телесная субстанции «в конечном счете... сводятся к одному бытию и одному корню» (8, стр. 247). Эту мысль излагал Джордано Бруно студентам Сорбонны, когда

читал лекции об атрибутах божества, об их совпадении в высшем единстве. Эту же мысль развивал он перед инквизиторами: «В божестве все атрибуты представляют собой одно и то же... Различие в божестве возможно вследствие деятельности разума, а не вследствие субстанциальной истины» (13, стр. 362—363).

Отвергнув, таким образом, и аристотелевский дуализм материи и формы, и неоплатоническое противопоставление материи и мировой души, Бруно пришел к идее Единого — одной из центральных идей своей философии. Восприняв ее у неоплатоников, он дал ей свое, материалистическое истолкование. Ее развернутое изложение и обоснование мы находим в диалоге «О причине, начале и едином»:

«Итак, вселенная едина, бесконечна, неподвижна. Едина, говорю я, абсолютная возможность, едина действительность, едина форма или душа, едина материя или тело, едина вещь, едино сущее, едино величайшее и наилучшее... Она не рождается, ибо нет другого бытия, которого она могла бы желать и ожидать, так как она обладает всем бытием. Она не уничтожается, ибо нет другой вещи, в которую бы она могла превратиться, так как она является всякой вещью. Она не может уменьшиться или увеличиться, так как она бесконечна... Она не материя, ибо не имеет фигуры и не может ее иметь, она бесконечна и беспредельна. Она не форма, ибо не формирует и не образует другого ввиду того, что

она есть все, есть величайшее, есть единое, есть вселенная» (8, стр. 273—274).

Эта единая вселенная не сотворена; она существует вечно и не может исчезнуть, ибо «ничто не порождается в отношении субстанции и не уничтожается, если не подразумевать под этим изменения» (8, стр. 278). В ней происходят непрерывное изменение и движение, но сама она неподвижна, ибо вселенная в целом не может перемещаться, она заполняет собой самой всю себя. Она едина во всех вещах, ее наполняющих: «Вселенная и любая часть ее едины в отношении субстанции», а потому все бесконечное многообразие качеств и свойств, форм и фигур, цветов и сочетаний есть внешний облик «одной и той же субстанции, преходящее, подвижное, изменяющееся лицо неподвижного, устойчивого и вечного бытия» (8, стр. 280). Единая вселенная «не может иметь ничего противоположного или отличного в качестве причины своего изменения» (8, стр. 274), и богу христианской и всякой иной религии не останется во вселенной Бруно ни места, ни дела.

Вслед за Николаем Кузанским Бруно разрабатывает диалектическое учение о совпадении противоположностей. В едином материя сливается с формой, действительность не отличается от возможности. Осуждая дуализм тех, кто принимал «два принципа», Бруно говорит о совпадении начал «в одном, которое в одно и то же время есть бездна и мрак, яс-

ность и свет» (8, стр. 282—283). Гармония вселенной заключается не в однообразии, а в соединении различных частей: «Этот материальный мир не мог бы быть прекрасен, если бы состоял из вполне подобных частей, ибо в сочетании различных частей проявляется красота и в самом разнообразии целого она состоит» (19, стр. 27).

Исходя из учения Гераклита, «утверждающего, что все вещи суть единое, благодаря изменчивости все в себе заключающее», Нолавец в противовес веками господствовавшей формальной логике Аристотеля высказывает мысль о совпадении противоположностей в едином: «И так как все формы находятся в нем, то, следовательно, к нему приложимы все определения, и благодаря этому противоречащие суждения оказываются истинными» (8, стр. 282).

И как в едином существуют различия, так и в самом разнообразии вещей и свойств царит глубочайшее единство. «Во всем сущем нет ничего столь различного, что в чем-либо или даже во многом и даже в важном не совпадало бы с тем, от чего отличается и чему противостоит,— писал Бруно в поэме «О тройном наименьшем и мере»... Даже толпе философствующих ясно, что здесь все противоположности однородны благодаря общей им материи... Разнообразие и противоположность не препятствуют высшему благу целого, так как оно управляется природой, которая подобно предводителю хора направляет проти-

воположные, крайние и срединные голоса к единому, наилучшему, какое только можно представить себе, созвучию» (17, стр. 272).

Так единство и множественность совпадают в едином, ибо в нем, в единой субстанции, следует искать основание множественности вещей. Совпадают минимум и максимум, ибо в любой частице материи заключены все свойства вселенной. Совпадают прямая и кривая линии, ибо в минимуме нет различия между наименьшей дугой и наименьшей хордой, равно как в бесконечности окружность совпадает с бесконечной прямой и бесконечная прямая в конце концов становится бесконечной окружностью. Совпадают холод и тепло, ведь одна из этих противоположностей является началом другой, и наименее теплое и наименее холодное тождественны друг другу, и от предела наибольшей теплоты начинается движение к холодному. Совпадают возникновение и уничтожение, ибо одно из них является началом другого и возникновение одного есть в то же время уничтожение другого. Одна и та же возможность заключена в двух противоположных предметах, и, что особенно важно, в одном и том же предмете актуально, т. е. в действительности, совпадают противоположные начала.

Итак, «кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей. Глубокая мудрость заключается в умении вывести противополож-

ности, предварительно найдя точку соединения» (8, стр. 291).

У этого великого изначального и бесконечного единства есть множество имен. И одно из них доставило, пожалуй, более всего затруднений исследователям Ноланской философии. Имя это — бог.

«Сама природа... есть не что иное, как бог в вещах» (10, стр. 162),— писал Бруно в «Изгнании торжествующего зверя», и эта же мысль звучала во многих других его сочинениях — и в итальянских диалогах, и в латинских трактатах. «Бог движет все, он дает движение всему, что движется»,— читаем мы в диалоге «О бесконечности, вселенной и мирах» (8, стр. 325). А в «Своде метафизических терминов» наталкиваемся на более развернутое определение бога: «Бог есть субстанция, универсальная в своем бытии, субстанция, благодаря которой все существует; он есть сущность — источник всякой сущности, от которой все обретает бытие... Он — глубочайшая основа всякой природы» (18, стр. 73). «Дух над всем есть бог,— писал Бруно в поэме «О тройном наименьшем и мере».— Бог есть монада, источник всех чисел, простота всякой величины и субстанция состава, превосходство над всяким мгновением, неисчислимое и безмерное» (17, стр. 136).

И наконец, после того, что мы прочли в сочинениях Бруно, и после всего, что нам известно о его поведении во время инквизиционного процесса, нам не придет в голову искать

в соображениях тактического свойства оправдание его словам на следствии в Венеции: «В этой вселенной я предполагаю всеобщее провидение, в силу которого все существующее живет, развивается и достигает своего совершенствования. Я толкую его двумя способами. Первый способ — сравнение с душой в теле; она во всем и вся в каждой любой части. Это, как я называю, есть природа, тень и свет божества. Другой способ толкования — непостижимый образ, посредством которого бог по сущности своей, присутствию и могуществу существует во всем и над всем не как часть, не как душа, но необъяснимым образом» (13, стр. 143).

И вот под пером новейших клерикальных и спиритуалистических истолкователей философии Бруно мятежный философ превращается в доктора римско-католического богословия, поклонника тронов и алтарей. Может быть, действительно, на Поле цветов произошло трагическое недоразумение и в памяти потомства Ноланец должен предстать не в позорном колпаке «санбенито» с изображением пляшущих чертей, в котором он шел на казнь, а в белом облачении доминиканца? И в центре философии Бруно «не человек, не природа, а бог», как писал иезуит Ф. Ольджати (61, стр. 4)? Может быть, корнем ее является «различение первого сверхъестественного начала и природы», связанное с теологическим пониманием бога, как уверяет нас А. Гуццо (71, стр. 81; 72, стр. 258)?

И Бруно, как говорит о нем А. Корсано, «со спокойной уверенностью знал, что бог существует и что существует он вне и над творением» (62, стр. 112)? И «признание потустороннего есть существенный элемент» в философии Бруно, как писал недавно французский исследователь П.-А. Мишель (76, стр. 26)?

Необходимо, однако, тщательно разобраться в значении понятия *бог*, введенного Бруно в Ноланскую философию.

Прежде всего ясно одно: бог в философии Бруно не имеет ничего общего с богом любой из религий *откровения* — с человекоподобным божеством, создавшим мир из ничего и управляющим делами этого мира. Религиозное, антропоморфное понимание бога Бруно решительно отвергал.

Бог Бруно не творец природы, находящийся вне ее: «Мы ищем его в великолепном царстве всемогущего, в безграничном пространстве эфира, в бесконечной двойственной способности природы все создавать и всем становиться...» (15, стр. 205), «...в неодолимом и нерушимом законе природы, в благочестии души, хорошо усвоившей этот закон, в сиянии солнца, в красоте вещей, происходящих из лона матери-природы, в ее истинном образе, выраженном физически в бесчисленных живых существах, которые сияют на безграничном своде единого неба, живут, чувствуют и мыслят, и восхваляют величайшее единство» (прил., стр. 189).

В противоположность богу религий, создавшему мир по собственному усмотрению и вмешивающемуся в дела этого мира, бог Бруно, как активное начало вселенной, подчинен закону необходимости: «Это деятельное начало не может быть другим, чем оно есть... и необходимым образом не может делать иначе, чем оно делает...» (8, стр. 317).

Итак, бог в философии Бруно совпадает с природой. Он — «в вещах», т. е. в самом материальном мире, а не вне его, он не противостоит природе как творец и создатель, а внутренне тождественен ей как присущее ей деятельное начало. Не только против человекоподобного божества, но и против теологического представления о вне- и надприродном боге направлено учение Бруно. «Некоторые прибегают к сверх- и внеприродной силе,— писал он в поэме «О безмерном и неисчислимых»,— говоря, что бог, пребывающий над природой, создал эти небесные тела как некие знамения для нас. Но мы не говорим с пророками такого рода и не видим нужды им отвечать, когда речь должна идти на основании доводов разума и ощущения» (16, стр. 51).

«Глупо и дерзко называть природой то, что нельзя обнаружить ни в акте, ни в потенции вещей, и называть порядок вещей божественным, как будто бы природа и бог суть два противоположных начала» (16, стр. 193). Таким образом, природа и бог совпадают, они одно начало вещей. Природа не мыслится Ноланцем вне действительного существо-

вания вещей, а «порядок вещей», отождествляемый с богом, и есть сама природа: «Бесконечный свет, существующий без тела,— химера» (16, стр. 310).

Тождественные между собой понятия природы и бога суть не что иное, как этот «порядок», или «закон», как внутренняя совокупность естественных законов, свойственных материальному миру: «Природа есть или ничто, или божественное могущество, воздействующее изнутри на материю, и запечатленный во всем вечный порядок...» (16, стр. 193). «Природа не что иное, как сила, воплощенная в вещах, и закон, по которому все вещи совершают свой собственный ход» (16, стр. 310).

Таким образом, бог — синоним природы, понимаемой не как совокупность вещей материального мира, а как совокупность заключенных в этом мире внутренних законов движения и развития. Главной задачей философии и науки Бруно считал проникновение в глубь материального мира, установление за внешним калейдоскопом вещей и явлений внутренних закономерностей. Материя находится в вечном движении, движутся небесные тела, смещаются моря и горы, приливы сменяются отливами. Статичной картине мира, закрепленной в схоластической системе томизма, Ноланец противопоставил динамическую картину всеобщего изменения и движения, но движения не случайного, а подчиняемого внутренней необходимости.

Итак, закон движения материи — это и есть природа, это и есть тождественный ей бог. Однако Бруно не ограничился пантеистическим отождествлением бога с природой, но пошел значительно дальше.

Более углубленное изучение философского наследия Джордано Бруно позволяет уточнить характеристику его пантеизма*. Особенно ценны в этом отношении последние главы философского завещания Ноланца — его франкфуртской поэмы «О безмерном и неисчислимых». Именно эти главы являются, на наш взгляд, ключом к пониманию «философии рассвета».

В последней главе VIII книги поэмы** речь идет уже не только об отождествлении природы и бога как единого понятия для определения совокупности природных законов. Бруно делает здесь дальнейший шаг по пути преодоления пантеистической непоследовательности своего материализма. Он ставит вопрос о соотношении материи как совокупности вещей материального мира и природы-бога как совокупности ее внутренних законов. Иными словами, речь идет о соотношении явления и сущности, ибо обособление природы-бога от материального мира находило свое гносеологическое объяснение именно

---

* *Пантеизм* — философское учение, отождествляющее природу и бога в противоположность религии, признающей бога как сверхприродное начало.

** См. приложение к настоящему изданию.

в этом противопоставлении, в отрыве материи от внутренних законов ее движения, явления — от сущности вещей.

«Бог... находится во всем и повсюду, не вне и не над, но в качестве наиприсутствующего», — говорит Бруно, и необходимо подчеркнуть, что речь здесь идет не об отношении бога к природе (они тождественны), а об отношении бога-природы к материи. «Ибо не существует как бы нисходящего свыше подателя форм, который бы извне образовывал вещи и давал им порядок.

Искусство во время творчества рассуждает, мыслит. Природа без рассуждения действует безгранично быстро. Искусство имеет дело с чуждой материей, природа — со своей собственной. Искусство находится вне материи, природа — внутри материи; более того: она сама есть материя.

Итак, материя все производит из собственного лона, так как природа сама есть внутренний мастер, живое искусство... она есть двигатель, действующий изнутри» (прил., стр. 185—186).

Этот внутренний двигатель не существует вне материи, независимо от материи; отвергая схоластические, абстрактные «сущности», Бруно писал: «Подобно тому как нет сущности вне и над сущим, нет природы вне природных вещей» (прил., стр. 185). Не существует человека вообще, обособленного от всех людей; это отличие есть логическая абстракция, ибо «сущность от бытия отличается только

логически» (16, стр. 257). Потому что природа не *присутствует*, а внутренне присуща вещам как начало, «более близкое вещам, чем они сами себе» (16, стр. 314). Только через познание реальных вещей человеческий разум может прийти к познанию сущности бытия.

Таким образом, бог не только отождествлен с природой в философии Бруно, он сведен к логической абстракции, общему понятию для обозначения внутренних сил материи, ее законов. Ноланец подрывал гносеологические корни идеализма — отрыв общих понятий, абстракций от материального мира. Логическое, метафизическое и метафорическое Бруно считал синонимами (см. 16, стр. 257). Глубокий анализ терминологии Бруно, осуществленный польским историком-марксистом Анджеем Новицким, позволил прийти к выводу о том, что само понятие бог Бруно относил к числу метафорических образов (см. 78, стр. 179).

Унаследованное от тысячелетней схоластической традиции понятие бог становится в Ноланской философии поэтическим эпитетом, подчеркивающим возвышенный и наделенный бесконечными внутренними силами характер материи. Материя, говорит Бруно, «столь совершенна», «что она, как это ясно при правильном созерцании, является божественным бытием в вещах» (8, стр. 271).

Но важно, на наш взгляд, не то, что Ноланец применял еще идеалистическую, религиозную, схоластическую терминологию, а то,

что и в этой традиционной терминологии он сумел выразить материалистическую направленность своей философии.

Разумеется, само по себе принятие этой метафоры свидетельствовало о непоследовательности материализма Бруно. Понятие *природы* в Ноланской философии, ее законов еще далеко от научного определения. Бруно допускал еще телеологический, целенаправленный характер движения материи: небесные тела движутся у него «к желанной цели и благу» «сообразно свойственным им цели и порядку»; природа стремится к «единой цели» (впрочем, «цель» эта не привнесена и не предписана природе извне, а имманентно присуща ей самой в качестве постоянного движения к гармонии и совершенству).

Итак, от материи мы пришли к материи. Через *форму и мировую душу*, через *всеобщий ум и бога* мы вернулись к материи-природе, единственной и вечной субстанции всех вещей, развивающейся по внутренне присущим ей законам. От сухой и абстрактной материи Аристотеля и схоластов — к живой и динамичной, полной всех красок жизни и движения материи, не нуждающейся ни в каких внешних двигателях и причинах своего развития и бытия.

Материя есть первооснова, существующая реально и объективно, несотворенная и вечная, обладающая внутренней способностью к движению и развитию, — такова, несмотря на богословско-идеалистическую терминологию,

в сущности материалистическая позиция Бруно.

Когда же мы переходим к проблеме строения материи в философской системе Ноланца, то вовсе покидаем область неоплатонических и схоластических понятий и вступаем на путь, неразрывно связанный с материалистической традицией Демокрита и Эпикура.

Мысль об атомистическом строении материи впервые явственно прозвучала в лондонских диалогах Бруно. «Когда мы стремимся... к началу и субстанции вещей, мы продвигаемся по направлению к неделимости», — писал он в диалоге «О причине, начале и едином» (8, стр. 285), а в диалоге «О бесконечности, вселенной и мирах» развивал представление о том, что вселенная состоит из прерывных, дискретных частиц, находящихся в непрерывной бесконечности — пространстве.

«Непрерывное состоит из неделимых» — так звучит 42-й тезис, выдвинутый на диспуте в коллеже Камбре, получивший обоснование в «Камераценском акротизме»: «Существует предел деления в природе — нечто неделимое, что уже не делится на другие части. Природа осуществляет деление, которое может достичь предельно малых частиц, к которым не может приблизиться никакое искусство с помощью своих орудий» (15, стр. 254).

Атом недоступен непосредственному ощущению, признает Бруно; но это не довод против реальности существования неделимых частиц. Дело лишь в несовершенстве наших ор-

ганов чувств. В «Тезисах против математиков и философов нашего времени» Бруно писал: «Реальный минимум весьма далеко отстоит от чувственно воспринимаемого... ибо природа чудесным образом в гораздо большей степени делит величину, нежели может воспринять чье бы то ни было и какое бы то ни было зрение» (17, стр. 24—27). «Чувственно воспринимаемый минимум» не предел деления, он состоит из множества физических минимумов. И хотя воспринять атомы нельзя, само ощущение убедительно показывает, что «это деление существует в вещах».

Физический минимум — это «первая материя и субстанция вещей»: «Я считаю, что по истине не существует ничего, кроме минимума и неделимого» (17, стр. 22—24). Атомы — основа всякого бытия, именно их материальная природа определяет единство всех вещей, единство их субстанции. Разделенное на атомы тело теряет свою форму, свой вид: «Кость перестает быть костью, мясо — мясом, камень — камнем», ибо атомы — это «первичные частицы, из которых составляются все тела и которые состоят из свойственной всем телесным вещам материи» (15, стр. 155), и только соединение, сочетание и расположение атомов придает различия реальным предметам.

Атомы находятся в непрерывном движении. Некое подобие этому движению представляет собой хаотическое движение пылинки в солнечном луче, но Бруно подчеркивает, что речь может идти только о подобии (см. 22,

стр. 533). Все бесконечное многообразие вещей объясняется вечным движением атомов. Все тела, наполняющие вселенную, подвергаются непрерывным изменениям: «Ничто изменчивое и сложное в два отдельных мгновения не состоит из тех же частей, расположенных в том же порядке. Ибо во всех вещах происходит непрерывный прилив и отлив, благодаря чему ничто нельзя дважды назвать тождественным самому себе, чтобы дважды одним и тем же именем была обозначена совершенно одна и та же вещь» (22, стр. 208). В самом процессе механического движения заключено глубокое единство противоположностей — движения и покоя, вскрывающее отнесенность этих двух состояний: «Здесь физики полагают, что величайшее и быстрее движение, скорее которого не может существовать, не отличается от самого покоя» (17, стр. 27). Движение этих тел вследствие бесконечной силы то же самое, что и неподвижность их, ибо «двигаться мгновенно и не двигаться — это одно и то же» (8, стр. 325).

Бруно отвергал случайное движение и столкновение атомов. Источник движения заложено в самой материи, а стало быть, и в мельчайших ее частицах: «Движение атомов происходит от внутреннего начала» (22, стр. 532). Каждая мельчайшая частица материи обладает потенциально той же способностью к движению, что и вся материя-природа в целом: «Минимум количественный есть по способности своей максимум, подобно тому

как возможность всего огня заключена в способности одной искры. Следовательно, в минимуме, который скрыт от человеческих глаз, заключена вся сила, и поэтому он есть максимум всех вещей» (17, стр. 24).

Учение об атомах является составной частью разработанного Бруно во франкфуртских поэмах учения о минимуме и монаде. Ноланец различает родовой и абсолютный минимум: минимум данного рода есть лишь наименьшее в определенном ряду явлений и предметов; минимум же абсолютный совпадает в материальном мире с атомом, в области метафизических понятий — с монадой (см. 17, стр. 22—23). Бруно распространял свое атомистическое учение и на геометрию, считая, что и в математике существует предел делимости: «...линия есть не что иное, как движущаяся точка, поверхность — движущаяся линия, тело — движущаяся поверхность, а, следовательно, подвижная точка есть субстанция всех [геометрических фигур], и неподвижная точка есть все. То же положение применимо и к атому, то же первейшим и главнейшим образом — к монаде, из чего следует вывод, что минимум, или монада, есть все, т. е. максимум и целое» (17, стр. 148—149).

Монада как обобщающее понятие неделимого единства обнимает собой и физические и математические явления и отражает внутренние свойства всей вселенной. Недопустимой модернизацией в духе новейших субъективно-идеалистических концепций звучит утвержде-

ние итальянского историка философии Л. Джуссо о том, что минимум в философии Бруно «не материя, а энергия» (67, стр. 128). В действительности у Ноланца речь идет именно о материальной природе атома-минимума, обладающего внутренней способностью к движению.

Итак, «нет ничего непрерывного и единого, кроме атомов и всеобщего пространства» (17, стр. 201). Пространство изначально. Но это не значит, что оно предшествует материи во времени или в качестве ее причины; оно является необходимым условием существования самой материи: «Ибо не существует тела, если оно не может быть где-то; оно не может существовать, если нет пространства». Вне пространства нет ничего.

Рассматривая пространство как необходимое условие существования движущейся материи, Бруно выступил против Аристотелева отрицания пустоты. Полемика эта имела главной целью показать ограниченность определения понятия места в «Физике» Аристотеля, «реабилитировать» бесконечное пространство как условие существования бесконечной вселенной.

«Пустота, место, пространство, наполнение и хаос Гесиода — одно и то же», — заявил Бруно на диспуте в коллеже Камбре (15, стр. 73), а в «Светильнике тридцати статуй» дал развернутое определение хаоса — пустоты. «Пустота есть пространство, обладающее способностью бесконечной величины». Хаос

обладает истинным и необходимым бытием (см. 22, стр. 9—13).

Существование пустоты является необходимым условием движения: «Если бы не было пустоты, тело не могло бы передвигаться туда, где было другое тело. Движение возможно не туда, где нечто есть, а туда, где нечто перестает быть» (15, стр. 131). В действительности же пространство неотделимо от движущейся материи. «Пустота-пространство — это то, в чем находятся тела, а не то, в чем ничего нет,— писал Бруно в «Камераценском акротизме».— Когда же мы говорим о пустоте как о месте без тела, мы отделяем его от тела не реально, но лишь мысленно» (15, стр. 131).

Бруно пытается преодолеть ограниченность древних атомистов, допуская движение атомов в абсолютной пустоте: «Нам недостаточно только пустоты и атомов, ибо необходимо должна существовать некая материя, коей они соединяются» (17, стр. 140). Атомы движутся не в абсолютной пустоте, но в пространстве, наполненном некоей материальной средой — эфиром. «В пространстве же, в котором, как кажется, ничего нет, определенно имеется воздух, а между чувственно воспринимаемым телом и воздухом физически ничего среднего нет» (15, стр. 132). Так Ноланец пришел к допущению двух видов материи — одной, состоящей из атомов, и другой — некоей материальной среды, «тончайшего вещества» — эфира: «Атомы находятся в эфире» (17, стр. 176—177).

Эта попытка преодолеть ограниченность античного материализма в решении вопроса о соотношении атомов и пространства была еще весьма несовершенна. Уровень современного Бруно естествознания не позволял сделать более определенные выводы об истинной природе той материальной среды, которая находится между атомами. Но в представлениях Ноланца об атомах и эфире крылась глубокая догадка о том, что материя в той или иной форме заполняет собой все пространство вселенной.

Как и пространство, необходимым условием существования материи является в философии Бруно время. Бруно отстаивал объективное существование времени, выступая против уступок субъективизму Аристотеля, сомневавшегося в том, возможно ли существование времени вне человеческого сознания. Бруно оспаривал Аристотелево определение времени как *меры движения* (см. 15, стр. 146—148). По существу у Аристотеля вопрос об объективной природе времени подменялся вопросом о познании времени благодаря движению. Время есть необходимое условие существования материи, тогда как самое понятие *меры* в «Физике» Аристотеля, по мнению Бруно, имеет в виду воспринимающий время человеческий разум.

«Физически, реально и истинно время бесконечно» (15, стр. 157). Оно одновременно есть и мера, и измеримое. Бруно подчеркивает диалектическое единство мгновения и

непрерывного процесса движения во времени: «Всякая длительность есть начало без конца и конец без начала. Следовательно, всякая длительность есть бесконечное мгновение, тождество начала и конца» (17, стр. 153).

Бруно отвергает представление о времени как о чем-то абсолютно независимом от материи. Лишь человеческий разум может рассматривать категорию времени обособленно от самого материального мира: «Время есть некая длительность, которая хотя разумом может быть воспринята и определена отвлеченно, однако не может быть отделена от вещей» (15, стр. 146).

Понимание неразрывной связи времени и движущейся материи во вселенной позволило Бруно прийти к глубочайшей догадке об относительности времени: «Ибо не может быть такого во вселенной времени, которое было бы мерой всех движений... При единой длительности целого различным телам свойственны различные длительности и времена... Время течет быстрее на тех телах, что движутся быстрее» (15, стр. 144—147). Эта попытка Бруно связать время с движением небесных тел, как ни далеки его взгляды от современных научных представлений, намного опережала эпоху.

Вечная, несотворенная материя, состоящая из атомов и эфира, наделенная внутренней способностью к движению и развитию, непрерывно движущаяся в бесконечном пространстве,— такова общая картина мира,

составляющая главное содержание Ноланской философии.

Учение Бруно о пространстве и времени выводит нас за пределы земного шара на необъятные и необозримые просторы бесконечной вселенной.

КРИСТАЛЛ НЕБЕС МНЕ НЕ ПРЕГРАДА

«Так вы желаете считать тщетными все эти усилия, труды, написанные в поте лица трактаты... относительно которых ломали себе голову столько великих комментаторов... на которых построили свои выводы глубокие, тонкие, златоустые, великие, непобедимые, непроверяемые, ангельские, серафические, херувимские и божественные учителя?» — с гневом и изумлением вопрошает схоласт Буркий в диалоге «О бесконечности, вселенной и мирах» (8, стр. 386—387).

Создавая свое космологическое учение, Бруно вступал в непримиримый конфликт со средневековой традицией, одобренной и поддержанной церковью и богословием и уходящей своими корнями в глубокую древность. Он осмелился поднять руку на незыблемые основы схоластической науки, разрушить и отбросить прочь как ненужный хлам освященную духовными и светскими авторитетами картину мироздания.

Средневековая философия и астрономия восприняли и усвоили космологическую коң-

цепцию Аристотеля — Птолемея. Мир конечен. Он один — этот единственно известный нам мир, мир земли и окружающего ее небесного пространства, в центре которого находится Земля. Вокруг неподвижного земного шара вращаются сферы Солнца, Луны и пяти планет, а восьмая сфера неподвижных звезд объемлет весь этот мир снаружи. Каждую сферу движет собственный нематериальный двигатель; за пределами этого мира находится вечный и неподвижный двигатель, сообщающий ему вечное и постоянное движение. Подлунный мир есть мир изменений и превращений, рождения и гибели — это земной мир четырех элементов: земли, воды, воздуха и огня. Мир небесных явлений, качественно отличающийся от земного, нематериальный мир, состоит из пятого элемента, пятой сущности (квинтэссенции), вечной и неизменной.

Только вечность материального мира не устраивала в этой системе богословов. Заменив ее сотворением мира «из ничего», они восприняли всю аристотелево-птолемееву космологию без существенных изменений. Первый двигатель был отождествлен с триединым богом христианства, двигатели сфер и звезды — с ангелами. Геоцентризм как нельзя более соответствовал антропоцентризму религиозного мировоззрения. «Подобно тому как человек сотворен ради бога,— писал Петр Ломбардский,— для того чтобы служить ему, так и вселенная сотворена ради человека...»

Хрустальные сферы небосвода ограничивали не только мир видимой вселенной, они являлись пределом и умственного мира, дальше них не смела проникнуть дерзкая человеческая мысль.

Но в конце XV столетия в связи с морскими путешествиями и началом великих географических открытий, а также с потребностями реформы церковного календаря оказалась необходимой новая, недостижимая ранее точность вычислений движения небесных тел. Старые концепции не соответствовали новым наблюдениям. Попытки подлатать старую систему ни к чему не привели: усложнив схему мироздания, они не отвечали практическим потребностям мореходов. Новые астрономические наблюдения и математические расчеты движения небесных тел неизбежно вели к пересмотру общего представления о структуре вселенной. Мысль о том, что «небо неподвижно, а земля движется», зародилась в среде ученых североитальянских университетов в XV в.; но предположения оставались предположениями, так и не став ни научным открытием, ни стройной теорией, основанной на реальных фактах. Нужен был гений Коперника, чтобы совершить один из величайших революционных переворотов в истории естествознания. Не только Земля и Солнце поменялись местами в новой космологии, коренным образом изменилось и место человека во вселенной. Правда, и в учении Коперника вселенная оставалась пространственно-огра-

ниченной, конечной; она совпадала с солнечной системой, вне которой, за пределами орбиты последней планеты — Сатурна, на громадном отдалении от нее по-прежнему оставалась хрустальная небесная твердь — сфера неподвижных звезд.

Гелиоцентрическая система Коперника далеко не сразу была понята и оценена. Даже специалисты-астрономы долгое время с осторожностью относились к революционным идеям великого польского ученого. Тихо Браге пытался разработать компромиссную концепцию вселенной, согласно которой за Землей сохранялось центральное положение, а прочие планеты вращались вокруг Солнца. Эразм Рейнгольд приспособил к новому учению свои астрономические расчеты, но, признавая величие гения Коперника, «которым по заслугам будет восхищаться потомство», в конце жизни присоединился к гипотезе Тихо Браге. Другие, как Джон Ди, безоговорочно поддерживали новую космологию, а в работах английских и французских натурфилософов прозвучала мысль о бесконечности вселенной.

Опасность открытия Коперника для религиозных верований была достаточно ясно осознана богословами. Деятели Реформации встретили его в штыки: Лютер с гневом говорил о «некоем астрологе, который намеревался доказать, что Земля приводится в движение и движется вокруг себя, а вовсе не небо или твердь небесная, Солнце и Луна... Но как свидетельствует священное писание, Иисус

Навин остановил Солнце, а не Землю». «Необходимо побудить начальствующих лиц, чтобы они всеми надлежащими средствами подавили столь злое и безбожное мнение», — требовал Меланхтон.

Но господствующей тенденцией было стремление, приняв неопровержимые астрономические расчеты Коперника, объявить его учение полезной для наблюдений математической фикцией. Таким образом, гелиоцентрическая теория строения вселенной низводилась до роли удобной для вычислений гипотезы, не претендующей на объективную истину и не отражающей физической реальности мироздания. В этом духе было составлено предпосланное книге Коперника анонимное предисловие (что оно не принадлежало самому Копернику, установил еще Бруно, действительное же имя автора — им оказался богослов Андреас Осиандер — раскрыл позднее Кеплер). Гипотезы Коперника, сказано в нем, «могут быть и несправедливыми, могут быть даже невероятными; достаточно, если они приводят нас к вычислениям, удовлетворяющим нашим наблюдениям... И если она [книга Коперника] подобное придумывает, то происходит это вовсе не с целью убедить кого-либо, что все это действительно так...» (46, стр. 188).

За это предисловие, написанное, по словам Бруно, «невежественным и самонадеянным ослом», ухватились защитники схоласти-

ки и богословия; один из них выведен в диалоге «Пир на пепле» под именем доктора Нундиния (см. 8, стр. 93). На такой же позиции стояли и судьи Бруно; Беллармино писал: «Коперникова теория может быть представлена как простая гипотеза, но опасно утверждать ее истинность» (61, стр. 85—86). Против этого извращения смысла открытия Коперника, против изображения гелиоцентрической системы в качестве математической гипотезы, не имеющей отношения к действительному строению вселенной, и выступил Бруно.

Как вспоминал впоследствии сам Ноланец, он не сразу стал сторонником Коперникова учения: «Когда я был мальчиком и судил без философского умозрения, то считал, что так думать — безумие, и полагал, что это учение выдвинуто было кем-нибудь в качестве софистической и хитрой темы и использовалось праздными умами... Потом, «когда был новичком в вопросах умозрения», Бруно считал теорию Коперника ложной, и лишь позднее, вероятно в последние годы пребывания в монастыре, он стал считать ее сначала «правдоподобной», потом «просто правильной» и, наконец, «самою правильной» (8, стр. 131).

Приняв учение Коперника, Бруно стал его страстным глашатаем и защитником. Одну из глав поэмы «О безмерном и неисчислимых» Бруно так и назвал: «О светоче Николая Коперника».

«Ныне взываю к тебе, о благородный Коперник! Светлым умом одарен, преклоненья и славы достоин, Гений твой не был затронут бесчестьем темного века, Голос твой не заглушен ропотом шумным глупцов».

(15, стр. 380)

Ноланец обогатил систему Коперника новыми доводами и доказательствами. Диспуты, которые приходилось ему вести, выступая в защиту новой астрономии, нашли отражение в диалоге «Пир на пепле». Доказывая вращение Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси, Бруно опроверг один из важнейших аргументов последователей Аристотеля в пользу неподвижности нашей планеты. По мнению схоластов, если бы земля вращалась, то тучи в воздухе должны были бы двигаться в противоположном направлении. Бруно отвечал на это, что «воздух, через который пробегают тучи и ветры, есть часть земли, так как под словом земля, по его мнению... надо понимать всю эту машину и весь организм в целом, который состоит из частей» (8, стр. 114). Второй довод перипатетиков, что в случае движения земли брошенный вверх камень не может вернуться на землю по перпендикулярной прямой, Бруно опровергал, приводя ставший впоследствии знаменитым пример движущегося корабля: «Если кто-либо находится на мачте... корабля, плывущего с любой быстротой, то он нисколько не ошибется в движении камня, так как от прямой из точки на вершине мачты... до точки в основании мачты... ни

камень, ни другой брошенный тяжелый предмет не отойдет» (8, стр. 117).

Бруно пошел значительно дальше своего великого предшественника, освободив космологию от остатков антропоцентризма, еще сохранившихся в коперниканстве. Он нанес удар представлениям о замкнутой, конечной вселенной; сокрушив хрустальные сферы, он вывел человеческий разум за пределы ограничивавшей его тверди неподвижных звезд и создал принципиально новую, материалистическую картину мира.

Космология Бруно неразрывно связана с его учением о материи, с атомизмом, с материалистическими представлениями о времени и пространстве; в ней нашло свое воплощение учение Бруно о тождестве материи и ее внутренних сил.

Центральным положением ноланской космологии является учение о бесконечности. «Вселенная есть бесконечная субстанция, бесконечное тело в бесконечном пространстве, т. е. пустой и в то же время наполненной бесконечности. Поэтому вселенная одна, миры же бесчисленны. Хотя отдельные тела обладают конечной величиной, численность их бесконечна», — писал Бруно (15, стр. 173).

Вне вселенной нет ничего, ибо она представляет собой все сущее, все бытие. Она вечна, не сотворена богом, неподвижна. Неподвижность вселенной следует понимать лишь как невозможность перемещения ее в другое место, ибо такого места, такой пустоты

вне ее не существует; в самой же вселенной постоянное изменение, непрерывное движение и развитие происходят вечно.

По учению богословов, бесконечность является исключительным атрибутом бога; созданный же им мир неизбежно должен быть ограничен в пространстве. Только Николай Кузанский, философ XV в., возродив в новой форме учение мыслителей древности, высказал глубокую идею о бесконечности вселенной, совпадающей с бесконечной природой бога. Вслед за Кузанцем Бруно отверг представление схоластов и богословов о том, что бог находится вне конечного мира. Используя против богословов богословскую же аргументацию, Бруно доказывал, что неизбежным следствием бесконечной действующей причины является бесконечная вселенная. К этому выводу Ноланец мог прийти, только отбросив религиозное представление о боге, обладающем свободой воли. Если, по учению Фомы Аквинского, бог, будучи всемогущим, не обязательно должен был создать бесконечную вселенную, а мог создать и конечный мир (к тому же бесконечная вселенная была бы равна богу в одном из его атрибутов — в бесконечности, чего богословы допустить не могли), то Бруно, понимая под термином бог бесконечную творческую способность, заключенную в самой материи, считал ее подчиненной закону необходимости: «От определенной и известной деятельности неизменным обра-

зом зависит определенное и известное действие» (8, стр. 317).

Принятие представления о бесконечной вселенной позволило Бруно по-новому поставить вопрос о центре мира. Он отбросил уже не только геоцентрическую, но и гелиоцентрическую систему. Бесконечная вселенная предстает в Ноланской философии — и в этом Бруно был последователем космологии Николая Кузанского — в образе бесконечной сферы, чей центр повсюду, а поверхность нигде. Образ сферы условен, пояснял Бруно. Речь идет не о шаровидной форме; подобно тому как в сфере равны все расстояния от поверхности до центра, так и во вселенной, где центр всюду, равны между собой равно бесконечные расстояния от любого из центров. В этой сфере тождественны ширина и длина, правое и левое, верх и низ. Не видеть бесконечной вселенной за мнимой твердью неподвижных звезд, говорил Бруно, не то же ли, что за деревьями не видеть леса? (См. 15, стр. 217.)

Поэтому центром вселенной не может быть ни Земля, ни Солнце: «Нет никакого основания, чтобы бесцельно и без крайней причины неисчислимые звезды, являющиеся многочисленными мирами, даже бóльшими, чем наш, имели бы столь незначительную связь единственно с нашим миром» (8, стр. 154). С тем же основанием и обитатели иных небесных тел могли бы полагать, что они находятся в центре вселенной (см. 15, стр. 183—184).

Поскольку вселенная бесконечна и неподвижна, она не нуждается во внешнем двигателе; отвергая схоластические представления о двигателях небесных сфер, Бруно видел причину движения звезд и планет в них самих, исходя из представлений о всеобщей одушевленности природы. «Мы ни во что не ставим такого рода небесные двигатели, все эти духовные сущности, эти фантазии, эти глупости, эти не поэтические, а философские басни» (16, стр. 118). Не зная еще закона всемирного тяготения, Ноланец не мог дать научное объяснение движения в космосе, но поиски причины этого движения в самой природе небесных тел пролагали путь к познанию законов небесной механики.

В итальянских диалогах Бруно вслед за Коперником принимает четыре вида движения Земли: годичное — вокруг Солнца, суточное — вокруг своей оси, изменение отношений земных полушарий во вселенной и изменение полюсов «для обновления веков и изменения своего лица» (8, стр. 129 и 8, стр. 155—156). Позднее, во франкфуртских поэмах, Бруно отказался от двух последних движений. Движения земли сливаются в единое сложное движение; земная орбита не является правильным кругом.

Подобные движения вокруг Солнца совершают и другие планеты. В результате удаленности от Солнца их орбиты больше земной и период их обращения больше. Говоря о строении солнечной системы, Бруно выска-

зал оправдавшуюся впоследствии гипотезу о существовании в ней планет, не известных тогдашней астрономии: «Не противоречит разуму также, чтобы вокруг этого солнца кружились еще другие земли, которые незаметны для нас»; их недоступность земному наблюдению Ноланец объяснял их значительной отдаленностью, сравнительно небольшой величиной, отсутствием водных поверхностей, отражающих свет, и несовпадением во времени их обращенности к Земле и освещенности Солнцем. Эта догадка получила научное подтверждение лишь два-три столетия спустя, когда в 1781 г. была открыта планета Уран, в 1801—1802 гг. — малые планеты между Марсом и Юпитером, в 1846 г. — Нептун и в 1930 г. — Плутон.

Аристотелево-томистскому представлению о единственном замкнутом мире Бруно противопоставил учение о бесчисленном множестве миров. Центрами этих миров-систем в безграничном пространстве вселенной являются звезды. Эти отдаленные от нас светила — «не светляки, не лампы и не факелы, но огромные тела миров, намного большие, чем тот земной мир, который мы населяем» (16, стр. 21).

Звезды находятся на разном удалении от солнечной системы, видимые различия их величины не соответствуют действительности и могут быть объяснены различием расстояний от земного наблюдателя. Столь же обманчивы и их кажущиеся расстояния друг от

друга. Если смотреть с мыса Кале на Британию — объяснял это «земным» примером Бруно, — то края острова покажутся ближе друг к другу, нежели углы дома, находящегося рядом с нами. Все небесные тела находятся в непрерывном движении — не только Земля и планеты, но и Солнце и звезды: они «вращаются все, даже «неподвижные», и Солнце — одно из них» (15, стр. 217—218).

Солнечная система, планеты не исключение, а правило во вселенной: «Все мерцающие звезды суть огни или солнца, вокруг которых с необходимостью вращаются многочисленные планеты» (15, стр. 179—180). Они не видны из-за дальности расстояния, а также потому, что светят не своим, а отраженным светом. Только современная астрономическая наука смогла подтвердить правильность этой гениальной догадки Ноланца о существовании во вселенной других планетных систем.

Признание однородности строения вселенной и наличия в ней многочисленных солнц и планет связано с представлением о материальном единстве мироздания. Ноланец выступил против аристотелево-птолемеевского учения об особой, отличной от земной, «небесной субстанции»: «Эта пятая сущность небес, божественно-телесная... не причастная ни тяжести, ни легкости, не подвластная ни рождению, ни гибели, отвергающая изменение... с ее восемью, или девятью, или десятью, или одиннадцатью, или бóльшим количеством кругов, которой ограничивается все конеч-

ное...» — так иронически писал Бруно о «квинтэссенции» Аристотеля в поэме «О безмерном и неисчислимых» (16, стр. 6). Все небесные тела, к которым относятся и Солнце, и Земля, и планеты, и звезды, «состоят из одних и тех же элементов, имеют ту же форму, тот же вид движения и изменения, место и расположение» (16, стр. 19). Они так же невечны и так же, как наша Земля, подвержены воздействию всеобщего закона движения и изменения, рождения и гибели.

Для доказательства единства материальной природы вселенной и опровержения схоластического учения о «нетленном» небесном мире Бруно использовал астрономические открытия своего времени. В 1572 г. молодой астроном Тихо Браге открыл «сверхновую» звезду, и это открытие убедительно показало несостоятельность Аристотелевых взглядов на неизменность небесной субстанции. В 80-х годах им были обнародованы данные о наблюдении комет. Кометы, которые Аристотель считал явлением околоземного, подлунного мира, оказались явлением столь же «небесным», что и планеты солнечной системы. Эти открытия послужили фактическим доказательством того, «что небесная субстанция не должна отличаться от субстанции земных элементов» (16, стр. 225—235).

Итак, во вселенной все подвержено развитию, изменению и гибели, вечна только сама вселенная, но каждый из составляющих ее миров — и Земля и Солнце, и солнечная сис-

тема — и иные бесчисленные миры не властны уйти от всеобщего закона: «Миры, следовательно, также рождаются и умирают, и невозможно, чтобы они были вечны, коль скоро они изменяются и состоят из подверженных изменению частей» (16, стр. 57).

Одним из следствий учения о материальном единстве вселенной являлась мысль о существовании жизни во вселенной, в том числе и разумной жизни на других небесных телах. Жизнь есть вечное свойство материи, не зависящее ни от случая, ни от бога-творца: «Так возвысь же свой дух к другим звездам, я разумею, к иным мирам, чтобы увидеть там подобные друг другу виды; те же повсюду существуют материальные начала, та же действующая причина, та же активная и пассивная творческая способность, тот же порядок, обмен, движение... Ведь безрассудно было бы считать, что в бесконечном пространстве, в столь обширных, из единой материи возникающих сияющих мирах, многие из которых, как мы можем полагать, одарены лучшим жребием, нет ничего, кроме этого чувственно воспринимаемого света» (16, стр. 284).

Формы жизни во вселенной не следует представлять себе тождественными земным. Возможны бесчисленные различия, и в этом Ноланец стремился преодолеть антропоцентрический взгляд на мир: «Мы полагаем, что для живых существ нашего рода обитаемые места редки, однако не подобает считать, что есть часть мира без души, жизни, ощущения,

а следовательно, и без живых существ. Ведь глупо и нелепо считать, будто не могут существовать иные ощущения, иные виды разума, нежели те, что доступны нашим чувствам» (16, стр. 41).

Эту мысль, столь откровенно враждебную религиозному мировоззрению (ибо гипотеза о наличии разумных существ на других небесных телах подрывала и авторитет библейских сказаний, и учение о грехопадении и искупительной жертве Христа), Бруно мужественно отстаивал перед инквизиторами: «Я считаю, что в каждом из этих миров с необходимостью имеются четыре элемента, как на земле,— говорил он на четырнадцатом допросе,— что там существуют моря, реки, горы, пропасти, огонь, животные и деревья; что касается людей, т. е. разумных творений, которые, как мы, обладают телесной субстанцией, я оставляю этот вопрос суждению тех, кто хочет их так называть. Но следует полагать, что там имеются разумные животные» (13, стр. 375). И в последней записи «Краткого изложения следственного дела Джордано Бруно», где приводятся его письменные показания, мы читаем: «Также считает, что существуют многие миры и многие солнца, где с необходимостью имеются вещи, подобные в роде и виде вещам этого мира, а также и люди...» (13, стр. 403).

Значение космологических представлений Ноланца для науки оспаривается рядом новейших буржуазных исследователей. Так,

Л. Фирпо полагает, что Бруно стоял в стороне от современного ему естествознания (см. 64, стр. 24). Л. Ольшки говорит о его «неспособности к научному мышлению» (47, стр. 24; 79, стр. 65). Л. Чикутини ставит вопрос, «является ли космологическая система Бруно делом науки или плодом энтузиазма и фантазии» (61, стр. 122).

Действительно, в сочинениях Бруно можно найти ошибки, очевидные не только в свете позднейших открытий, но и с точки зрения современной ему науки: так, он считал равными орбиты Земли и Меркурия, безосновательно оспаривал определение тогдашними астрономами размеров Солнца. Иные из предположений Бруно, например о морях на Луне или о живых существах на Солнце, звучат наивно и нелепо в свете новейших научных данных (хотя, заметим, многие из этих и аналогичных заблуждений разделялись представителями астрономической науки в течение двух столетий после смерти Ноланца).

Заслуги Бруно не в астрономических наблюдениях, хотя многие из его догадок предвосхитили научные открытия на несколько столетий вперед. Главное заключается в том, что на основе достижений современной ему науки он создал картину мира, освобожденную от влияния схоластических и богословских представлений, и тем самым открыл новые возможности и перспективы перед опытным естествознанием. Эта картина мира напоминает нам географические карты начального

периода великих открытий. Некоторые части земного шара нанесены на них с предельной точностью и достоверностью; в других местах мы встречаем нечеткие и неясные очертания далеких архипелагов и материков, где смещены пропорции, чрезмерно сближены или растянуты берега и где истоки рек и отроги горных хребтов теряются в неведомой глубине. Есть там и просто белые пятна, а есть и такие места, которые порождены лишь фантазией картографа. С этой картой в наши дни было бы рискованно отправиться в путешествие; но она сослужила верную службу в мучительном и долгом процессе познания мира. Глубочайшая убежденность Бруно в материальном происхождении и строении вселенной, смелая постановка им актуальнейших для своей эпохи естественнонаучных проблем, гениальные догадки и гипотезы — все это позволило Ноланской философии сыграть историческую роль одной из важнейших предпосылок естествознания нового времени.

Когда-то, в поэме «О безмерном и неисчислимом», иронизируя над небесной «пятой сущностью» Аристотеля и пародируя форму инквизиционного приговора, Бруно писал: «Это благороднейшее и авторитетнейшее порождение человеческой фантазии подлежит рассмотрению, испытанию, изучению, осуждению и преданию затем в руки светских властей» (16, стр. 6).

Не прошло и десяти лет, как ему самому привелось услышать эти последние слова во

дворце кардинала Мадруцци. Гонениями заплавила ему за создание новой картины мира официальная университетская наука, пытками и костром — католическая церковь. Такова была цена первых шагов современной науки в познании бесконечной вселенной.

УМСТВЕННАЯ СИЛА НИКОГДА НЕ ОСТАНОВИТСЯ

«Однажды, — рассказывал на допросе в инквизиции Мочениго, — я пришел к нему, когда он был в постели, и, найдя возле него паука, убил его. А он сказал мне, что я дурно поступил, и стал рассуждать о том, что в этом животном могла быть душа кого-нибудь из его друзей, ибо душа после смерти тела переходит в другое» (13, стр. 386). Так неожиданно Бруно предстает перед нами в качестве сторонника учения о переселении душ. Можно было бы пройти мимо показания доносчика и аналогичных заявлений соседей по камере, но ведь и сам Ноланец писал в «Изгнании торжествующего зверя»: «Я думаю, что, если и нельзя в это поверить, во всяком случае следует хорошенько рассмотреть это мнение» (10, стр. 16), а на четвертом допросе в инквизиции назвал мнение пифагорейцев «если и не верным, то во всяком случае правдоподобным». Правда, уточняя свою мысль на последующих допросах, он объяснил, что считает переселение душ не фактическим, а «только возможным» (13, стр. 387—388).

Дело в том, что в человеческой душе и в «душах» животных Ноланец видел проявление той единой великой жизненной силы, которую он прославлял под именем «плодоносной природы, матери-хранительницы вселенной» (10, стр. 166). Мысль о единой для вселенной духовной субстанции, находящейся в недрах материи и определяющей многообразие форм жизни, лежит в основе учения Бруно о природе человеческого сознания.

Жизнь в той или иной форме свойственна всем природным вещам. Однако проявляется она не в равной степени. Душа «хотя одним и тем же образом, одной силой и цельностью своей сущности находится повсюду и во всем, однако в соответствии с порядком вселенной и первичных и вторичных членов проявляет себя здесь как разум, ощущение и рост, там — как ощущение и рост, в одном — только как растительная способность, в другом — только как сложность состава или как несовершенная смесь, или же, еще проще, как начало смещения», — писал Бруно в «Светильнике тридцати статуй» (22, стр. 58).

Таким образом, формы проявления жизни и сознания в природе Бруно связывает со сложностью строения материальной субстанции. Правда, сущность этого различия, качественный скачок, происходящий при переходе от мертвой материи к живой, и особенно к сознанию, не раскрыты Ноланцем. Но важно подчеркнуть глубину мысли философа, стремившегося вывести человеческое созна-

ние из самой природы. И в этом Бруно решительно противостоял всей богословской традиции, считавшей сознание неким даром божьим, проявлением особой вне- и надприродной божественной силы.

Исходя из этого, Бруно отвечал и на вопрос о бессмертии души и переселении душ, так интересовавший его собеседников и судей. Под бессмертием он подразумевал отнюдь не личное бессмертие человеческой души, проповедуемое религией. Речь шла о вечности и неуничтожимости того жизненного начала, которое заключено в природе. Духовная субстанция, писал он, есть «некое начало, действующее и образующее изнутри, от коего, коим и вокруг коего идет созидание, она есть точь-в-точь как кормчий на корабле, как отец семейства в доме и как художник, что не извне, но изнутри строит и приспособляет здание» (10, стр. 14). Бруно отверг схоластическое, закрепленное в постановлениях церковных соборов определение души как формы — активного начала, внешнего по отношению к материальному телу, подобно тому как он отбросил учение Аристотеля и Фомы Аквинского о форме вообще. Душа человека, заявлял он на следствии в инквизиции, «есть не форма... но дух, который находится в теле, как жилец в своем доме, как поселенец в странствии, как человек внутренний в человеке внешнем, как пленник в тюрьме» (13, стр. 403).

За этими воспринятыми от неоплатонической традиции определениями скрывалось полемическое и материалистическое в основе своей содержание: сознание внутренне присуще материи; духовное начало «так же не может существовать без тела, как и тело, движимое и управляемое им, с ним единое, с его отсутствием распадающееся, не может быть без него» (10, стр. 15).

И хотя душа представлялась Бруно чем-то отличным от материи (т. е. не состоящим из аристотелевых четырех элементов — земли, воды, воздуха и огня), он подчеркивал ее теснейшую связь с телом. «Душа привязана к телу не сама по себе и не непосредственно, но посредством духа,— писал он в одном из последних своих произведений — «Тезисах о магии»,— т. е. некоей тончайшей телесной субстанции, которая некоторым образом является чем-то средним между субстанцией души и субстанцией элементов. Основание же этой связи заключается в том, что и сама душа есть не вовсе нематериальная субстанция» (22, стр. 464).

Индивидуальное сознание, являющееся проявлением всеобщей способности природы, Бруно сравнивал с осколком огромного зеркала, разбитого на куски. «Если бы одно было Солнце и одно огромное зеркало,— читаем мы в «Светильнике тридцати статуй»,— во всем зеркале можно было бы созерцать одно Солнце; и если бы случилось так, что это зеркало разбилось на бесчисленное

количество частей, мы увидели бы, как во всех частях явился полный и цельный образ Солнца» (22, стр. 59—60).

Говоря о единстве духовной субстанции, Бруно подчеркивал внутреннее родство «душ» людей и животных. В диалоге «Тайна Пегаса, с приложением Килленского осла» он писал, что «душа человека по своей субстанции тождественна душе животных и отличается от нее лишь фигурацией». Сама же «фигурация», т. е. особенность строения человеческой души, связывалась Ноланцем с физическим строением органов тела; и в этом сказалась вопреки неоплатоническим определениям души материалистическая направленность его теории познания. Единая духовная субстанция «соединяется либо с одним видом тела, либо с другим и на основании разнообразия и сочетания органов тела имеет различные степени совершенства ума и действий. Когда этот дух или душа находятся в пауке, имеется определенная деятельность... соединенная же с человеческим отпрыском, она приобретает другой ум, другие орудия, положения и действия» (8, стр. 490). Даже у самых «одаренных» животных «не то телосложение, чтоб можно было иметь ум с такими способностями», как у человека (8, стр. 492).

Бруно принадлежит глубочайшая мысль о значении руки — а тем самым и трудовой деятельности человека — в происхождении человеческого сознания и культуры. «Что было бы, — писал он, — если бы человек имел

ум вдвое больше теперешнего и деятельный ум блистал бы у него ярче, чем теперь, но при всем этом руки его преобразились бы в две ноги, а все прочее осталось бы таким, как и теперь? Скажи мне, разве в таком случае не претерпели бы изменение нынешние формы общения людей?.. Как в таком случае были бы возможны открытия учений, изобретения наук, собрания граждан, сооружения зданий и многие другие дела, которые свидетельствуют о величии и превосходстве человечества и делают человека поистине непобедимым триумфатором над другими видами животных? Все это, если взглянешь внимательно, зависит в принципе не столько от силы ума, сколько от руки, органа органов» (8, стр. 491—492).

Теория познания Бруно теснейшим образом связана с его учением о бытии; человеческий разум в ней не противостоит — ни по происхождению, ни по сущности своей — природе, представляющей собой единство материи и ее внутренних сил, а выводится из нее. Цель его деятельности — познание природы. Ноланец ни на мгновение не сомневается ни в объективном существовании предмета познания — материальной вселенной, ни в соответствии человеческого знания объективному миру: «Между всеми видами философии тот наилучший, который наиболее удобным и высоким образом выражает совершенство человеческого интеллекта и наиболее соответствует истине природы и, насколько

возможно, сотрудничает с ней, угадывая (я подразумеваю — естественным порядком...) или устанавливая законы...» (8, стр. 238—239).

Цель познания не ограничена непосредственным наблюдением физических явлений. Главная задача разума — проникнуть за внешний облик мира и, углубившись внутрь природных явлений, познать законы бесконечно движущейся и изменчивой природы. «Разумный порядок», т. е. совокупность человеческих представлений о вселенной, есть, по учению Бруно, тень и подобие природного порядка, который в свою очередь является образом и одеянием «божественного» мира — мира внутренних законов природы. Или, говоря иначе, логическое есть отражение физического, а физическое есть образ метафизического мира, мира внутренних закономерностей строения вселенной.

Человеческий разум, писал Бруно во франкфуртском трактате «О составлении образов», есть некое живое зеркало, отражающее в себе «образ природных и тень божественных вещей». Мы знаем уже смысл понятий «метафизического», или «божественного», бытия в философии Бруно, и нас не смутит неоплатоническое облачение, в котором предстает подчас его теория познания. К тому же далее Ноланец разъяснял свою мысль: это зеркало, человеческий разум, «воспринимает идею как причину вещей» (а идея, как подчеркивал Бруно, «неотделима

от вещей, но соединена с ними наитеснейшим образом»), он воспринимает форму как саму вещь или вид, ибо к ней относится вся субстанция вещи, хотя — опять характерное уточнение! — форма «физически не существует без материи». Иначе говоря, следует рассматривать мир «вместе с физиками — [а Ноланец всегда причислял себя к философам-физикам], — считающими материю субстанцией всех вещей, которая выводит формы из своего лона и своих собственных недр» (21, стр. 96).

Итак, хотя «мудрый видит все вещи в изменении» (9, стр. 44), задача познания — уловить и установить за внешней изменчивостью вещей постоянство природных законов. В соответствии с этой целью определяет Бруно и ступени познания.

Знание возникает из ощущения. Познание невозможно «без неких форм и образов, которые воспринимаются внешними чувствами от чувственных объектов» (21, стр. 103).

Однако познание не может ограничиться областью ощущений. И дело не только в том, что чувства могут обмануть, что возможны ошибки, искажения образа внешнего мира в наших ощущениях (например, Земля представляется нашим чувствам неподвижной, а Солнце движущимся; звезды кажутся находящимися на равном расстоянии от Земли и т. п.). Чувственное познание недостаточно потому, что без обобщения данных, представленных ощущениями, человеческий разум

не может познать сущность явлений, не может подняться до познания вселенной, ее строения и законов. Так, доказывая бесконечность вселенной, Бруно писал: «Утверждение, что вселенная находит свои пределы там, где прекращается действие наших чувств, противоречит всякому разуму, ибо чувственное восприятие является причиной того, что мы заключаем о присутствии тел; но его отсутствие, которое может быть следствием слабости наших чувств, а не отсутствия чувственного объекта, недостаточно для того, чтобы дать повод хотя бы для малейшего подозрения в том, что тела не существуют» (8, стр. 357).

Поэтому в процессе познания «чувство поднимается к воображению, воображение — к рассудку, рассудок — к интеллекту, интеллект — к уму» (9, стр. 80). Эти ступени познания находятся, по мнению Ноланца, в прямой зависимости от объекта познания природы: «Природа нисходит к произведению вещей, а интеллект восходит к их познанию по одной и той же лестнице... Нисхождение происходит от единого сущего к бесконечным индивидуумам, подъем — от последних к первому» (8, стр. 282—285).

Следующей после ощущения (которое в ряде сочинений Бруно подразделяется на простое ощущение, воображение, память) ступенью познания является рассудок. Он осмысливает то, что воспринято и удержано ощущением, выводя «с помощью рассуждения

всеобщее из частного». Выше рассудка стоит интеллект. Он осмысливает уже не данные ощущений, а сами результаты логического рассуждения, рассматривая их в некоем внутреннем созерцании. Деятельность интеллекта подобна *внутреннему чтению*. Бруно сравнивает его с «видящим зеркалом», сочетающим в себе способность к отражению внешнего мира с активным его осмыслением (18, стр. 31—32). «Когда интеллект хочет понять сущность какой-либо вещи, он прибегает к упрощению... удаляется от сложности и множественности, сводя преходящие акциденции, размеры, обозначения и фигуры к тому, что лежит в основе этих вещей... Интеллект ясно этим показывает, что субстанция вещей состоит в единстве, которое он ищет в истине и в уподоблении» (8, стр. 284).

Так, по ступеням познания, «поднимаясь от самой низкой ступени природы до самой высшей, поднимаясь от физической всеобщности, которую познали философы, до высоты первообраза, в который верят богословы, если угодно, мы доходим наконец до первичной и всеобщей субстанции, тождественной со всем, которая называется сущим, основанием всех видов и различных форм» (8, стр. 280—281).

Такой высшей способностью человеческого разума, который может подняться до созерцания всеобщей субстанции, является ум. Он «выше интеллекта и всякого познания», он «охватывает все без всякого предшествую-

щего или сопутствующего рассуждения» и может быть уподоблен «живому и наполненному зеркалу, в котором тождественны зеркало, свет и все образы» (18, стр. 32). Проявлением этой высшей ступени познания является непосредственное созерцание божества: «По сущности своей душа есть в боге, который и есть ее жизнь» и «при помощи умственной деятельности... соотносится к его свету и блаженному объекту»,— писал Бруно в диалоге «О героическом энтузиазме» (9, стр. 60).

Итак, конечной целью познания является созерцание божества. Итальянский историк философии А. Гуццо увидел в этих высказываниях Бруно попытку «согласования философии и богословия» и сближения с христианством (71, стр. 138); американский исследователь Дж. Ч. Нельсон считает диалог «О героическом энтузиазме» «типичным платоническим трактатом о любви», который не может быть понят вне традиции неоплатонизма (см. 77, стр. 166—168); французский переводчик диалога П.-А. Мишель находит в нем признание потустороннего мира (см. 76, стр. 26). Все эти концепции основаны на непонимании и искажении пантеизма Бруно. Его теория познания может быть правильно истолкована только исходя из отождествления в Ноланской философии бога-природы и природы-материи. Высшая ступень созерцания, к которой, по Бруно, стремится человеческий разум, заключается в глубочайшем

познании тайн природы, олицетворенной в диалоге «О героическом энтузиазме» в образе Дианы, воплощающей «мир, вселенную, природу, имеющуюся в вещах». Достигая этого высшего знания, мыслитель «на все... смотрит как на единое и перестает видеть при помощи различий и чисел... Он видит Амфитриту, источник всех чисел, всех видов, всех рассуждений, которая есть монада, истинная сущность всего бытия» (9, стр. 163).

Предвосхищая учение философов-рационалистов XVII столетия, Бруно признавал интеллектуальную интуицию, т. е. непосредственное созерцание умом всеобщности природы и ее законов. При этом Ноланец не отрывал интуитивного познания от предшествующих ему этапов чувственного и рационального знания, рассматривал различные ступени познания в их цельности и единстве. Ощущение становится воображением, воображение — рассудком, рассудок — интеллектом; познание есть непрерывный процесс восхождения к высшему созерцанию (20, стр. 176). Чувственное и логическое познание не оторваны от интуиции, они ведут к ней, она является их высшим завершением. Никакого мистического противопоставления интуитивного знания логическому в теории познания Бруно нет.

Этот процесс восхождения от множественности к единству, от восприятия конкретных вещей к познанию природных законов Бруно стремился отразить с помощью «люл-

лева искусства». В так называемых люллианских сочинениях Бруно содержится интересная попытка создания новой логики, противостоящей схоластическому силлогизму; новейшие исследования В. П. Зубова, Ч. Вазоли, П. Росси и А. Новицкого позволили значительно углубить наши представления об этой стороне деятельности Бруно.

В методе Раймунда Люллия за всеми теологическими и мистическими фантазиями содержалась рациональная идея автоматизации процессов рассуждения. Исходя из определенного набора типовых понятий, включающего определение свойств и отношений, он с помощью различных комбинаций путем вращения ряда концентрических кругов пытался получить различные сочетания понятий и прийти к выводам из данных посылок. Применяя к изложению Ноланской философии «люллиево искусство», Бруно стремился реформировать традиционную логику, противопоставив схоластической дедукции процесс постепенного приближения к познанию законов бытия. Главной предпосылкой комбинации понятий являлось для Бруно соответствие нашего знания объективному миру, соответствие понятий и вещей. На смену силлогистике — получению выводов из готовых посылок Бруно выдвинул «изобретательную логику» — постоянное упражнение воображения и мысли. При этом самые абстрактные идеи и представления должны были найти воплощение в конкретных образах, символах

и формах. Задачей «искусства» являлось представить в мысленном порядке саму структуру действительности путем установления естественной связи между понятиями, соответствующей порядку вещей. Эта попытка механизировать процесс мышления еще очень далека от современных кибернетических машин, но сама по себе мысль о возможности подобной механизации была плодотворна.

Не сомневаясь в способности человеческого разума постичь объективную истину, Бруно, однако, не разработал учения о критерии истины. Он ограничился лишь некоторыми замечаниями о том, что наше познание должно соответствовать ощущению, разуму и природе. Важно при этом отметить, что в своем анализе процесса познания Бруно уделял значительное внимание практической деятельности человека. Человеческая практика лежит в основе познания — вспомним его учение о роли руки в развитии разума. Человеческая практика является и конечной целью познания; утверждая это, Ноланец стремился преодолеть созерцательный характер современной ему философии. Разумеется, нельзя забывать о том, что мысли Ноланца о практическом предназначении философии облечены еще в мистифицированные формы магических представлений. Известно, какое большое внимание уделял Бруно вопросам «естественной магии» в своих последних работах, оставшихся не опубликованными при

жизни мыслителя и вошедших в состав знаменитого «Московского» рукописного кодекса его сочинений. В доносах Мочениго и показаниях Грациано говорится о принадлежавших Бруно «книжках, полных букв», с таинственными кругами и знаками. Сам Бруно на допросе, несмотря на то что это ухудшало его положение в глазах инквизиции, признавал свой интерес к вопросам магии и астрологии.

На этом основании итальянский историк Л. Джуссо называет Бруно «реставратором восточной магии», последователем тех «александрийских толкователей Платона, которые превратили его учение в магическое откровение» (67, стр. 135). В опубликованной в начале 1964 г. монографии «Джордано Бруно и герметическая традиция» английская исследовательница Ф. А. Ёйтс считает интерес Бруно к магии, его связь с древнейшими мистическими учениями «ключом» к правильной интерпретации всей Ноланской философии (96, стр. X).

Необходимо, однако, учитывать то содержание, которое Бруно, как и многие другие натурфилософы XVI в., вкладывал в понятие *естественная магия*. Она занимается, писал он, «наблюдением природы, доискиваясь ее тайн» (10, стр. 167). В философии «маг» означает «человека мудрого, способного к действию» (22, стр. 400). Эта способность к действию основывается не на сверхъестественных свойствах и силах, а на глубоком познании таинственных сил самой при-

роды. «Магия» означала для Бруно установление новых, не известных еще людям связей природных явлений. Благодаря всеобщей одушевленности, которая пронизывает всю природу, магия устанавливает связь между «душой мира», или высшим активным началом, заложенным в самой природе, и индивидуальными предметами и явлениями. Магические действия, пояснял Бруно свою мысль на десятом допросе в инквизиции, являются «чисто физическими», и совершать их можно, лишь «основываясь на естественных началах». Магия, по Бруно, «есть не что иное, как познание тайн природы путем подражания природе в ее творении и создании вещей, удивительных для глаз толпы» (13, стр. 379).

Незнание подлинных природных связей и закономерностей приводило при этом к наивным попыткам установления фиктивных связей, основанных на «симпатии» и «антипатии» вещей и явлений, к «магическим действиям», осуществленным с помощью символических знаков и изображений. Подобно астрологии и алхимии «естественная магия» в фантастической, часто извращенной форме отражала веру в способность человеческого разума познать и использовать в своих интересах таинственные и непонятные силы природы, стремление подчинить их воле человека. Важно то, что речь шла здесь пусть о не понятных еще, но именно о природных, естественных закономерностях, противостоящих сверхъестественному вмешательству.

Теория познания Бруно была направлена против теологического подчинения знания вере, против господствовавшей на протяжении столетий власти авторитета, против догматического мышления, ограничивавшего научные и философские искания системой априорных положений, будь то «истины» священного писания, мнения отцов церкви, постановления церковных соборов и богословских факультетов или суждения Философа с большой буквы — Аристотеля и его ортодоксальных толкователей.

Ноланец выдвинул требование свободы мысли. Первым шагом в занятиях философией, говорил он, является сомнение — то самое сомнение, которое средневековые богословы почитали одним из самых страшных грехов. «Кто желает философствовать, должен вначале во всем сомневаться», — писал Бруно в поэме «О тройном наименьшем и мере» (17, стр. 137). Это не было призывом к пустому отрицанию и скептицизму. Бруно не сомневался ни в существовании объективного мира, ни в возможности его достоверного познания. Он страстно выступал против пирронистов, «которые сомневались в возможности определения каждой вещи» и «считали истину чем-то смутным и непознаваемым» (8, стр. 503). Сомнение Бруно направлено на суждения о мире, на истинность этих суждений. Право подвергнуть сомнению освященные вековой традицией догмы и предрассудки есть первейшее право — и обязанность — мыс-

лителя. Философ должен отбросить «привычку к вере, установления властей и предков», общепринятые прописные истины здравого смысла, писал Бруно в предисловии к «Тезисам против математиков и философов нашего времени»: «Предосудительно — давать определение неизученным вещам; низко — думать чужим умом; продажно, раболепно и недостойно человеческой свободы — покоряться; глупо — верить по обычаю; бессмысленно — соглашаться с мнением толпы, как будто плутающая во тьме и навязчивая толпа стоит и видит больше или столько же, сколько тот один, кого она выбрала и назначила себе вождем», ибо в делах науки «не может служить аргументом авторитет любого, сколь угодно великолепного и знаменитого мужа» (17, стр. 4—6).

В обстановке, когда традиционность мышления считалась еще величайшим достоинством, а власть авторитета — незыблемой, когда удачно приведенная цитата стоила больше, чем новые мысли и наблюдения, когда ссылака на то, что «сам сказал», служила решающим аргументом в споре, нужно было величайшее мужество, чтобы пойти на разрыв с традицией, провозгласив права свободной человеческой мысли.

В противопоставлении мыслителя мнениям «толпы», преклоняющейся перед авторитетом, нет ни грана того «духовного аристократизма», в котором пытается уличить Бруно Л. Джуссо (см. 67, стр. 104). На воз-

ражения Чикады в диалоге «О героическом энтузиазме», что «не все могут достигнуть того, чего могут достигнуть один-два человека», Тансилло, излагающий мысли самого Бруно, отвечает: «Достаточно, чтобы стремились все; достаточно, чтобы всякий делал это в меру своих возможностей» (9, стр. 62).

Бруно верил в безграничные возможности человеческого разума. Процесс познания бесконечен. Хотя человеческий ум «конечен в себе», он «бесконечен в объекте», ибо предмет познания — бесконечная вселенная. Человечество не сможет достигнуть абсолютного знания: «Оно никогда не будет совершенным в той степени, чтобы величайший объект мог быть познан, но лишь постольку, поскольку наш интеллект способен к познанию; для этого достаточно, чтобы божественная красота представилась ему в том и в ином состоянии, соответственно тому, как расширился горизонт его зрения» (9, стр. 62).

Рассматривая познание природы как процесс, в котором человеческое знание, передаваемое из поколения в поколение, все более совершенствуется и углубляется, Бруно выдвинул важнейшую мысль об историзме познания, о том, что «истина — дочь времени». Этот афоризм, воспринятый им от одного из поэтов классической древности, означал, что каждое следующее поколение, используя запас знаний, накопленный предками, видит дальше и больше своих предшественников; оно и моложе, и старше их. Поэтому мысли-

тель должен не преклоняться перед авторитетом древних, а идти дальше, все более расширяя горизонты науки. Глубоко убежденный в силе человеческого разума, Ноланец пророчески писал: «Умственная сила никогда не успокоится, никогда не остановится на познанной истине, но все время будет идти вперед и дальше, к непознанной истине» (9, стр. 140).

Освобождение человеческого разума от власти теологических догм требовало долгой и мужественной борьбы. Не случайно поэтому в философии Ноланца процесс познания истины отождествляется с возвышенной страстью, достижение высших степеней знания возводится в степень нравственного подвига, а изложение теории познания завершается прославлением героического энтузиазма.

ВРАГ ВСЯКОГО ЗАКОНА, ВСЯКОЙ ВЕРЫ

Вопрос об отношении Бруно к религии не нов. Но впервые он был поставлен не историками. Девять кардиналов — генеральных инквизиторов объявили в приговоре от 8 февраля 1600 г.: «Называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брата Джордано Бруно, нераскаянным, упорным и непреклонным еретиком» (12, стр. 383).

«Ему не нравится никакая религия... Он хуже лютеранина», — доносил в святую

службу Мочениго. «Он высказывал великое множество ересей»,— вторил ему монах-капуцин Челестино. «Он противился всему католическому,— подтверждал Грациано,— и постоянно высказывался против святой веры... Он рассказывал, что в Англии, Германии и во Франции, где он бывал, его считали врагом католической веры и других сект». «Я думаю,— показал на следствии Маттео де Сильвестрис,— что он не верует ни в бога, ни в святых, ни во что на свете, так как я слышал от него в тюрьме много ересей и всякого вздора против нашей веры» (13, стр. 359—361).

О том же говорили и более доброжелательные свидетели. Венецианские книготорговцы Чотто и Бертано слышали во Франкфурте, «что Джордано слывет человеком неверующим...» (13, стр. 359). Это мнение разделяли английский посол в Париже и королева Елизавета, голландский студент ван Бухель и парижский библиотекарь Котен, женевский кальвинистский магистрат и гельмшtedтская лютеранская консистория.

Таково единодушное мнение современников. Но итальянский историк А. Корсано видит в Бруно религиозного реформатора; ту же мысль в различных вариантах высказывают А. Гуццо, Л. Джуссо, Э. Бальди и многие другие современные буржуазные исследователи.

Можно отвергать суждения инквизиторов: святая служба не славилась объективностью

своих приговоров. Можно подвергнуть сомнению утверждения доносчиков: они могли и оклеветать невинного. Можно не доверять показаниям соседей по тюремной камере: им было выгодно дать нужные следствию показания. Могли заблуждаться и собеседники Бруно. Но остается главный свидетель — сам Джордано Бруно Ноланец, остаются его сочинения, отнюдь не вступающие в противоречие с приведенными выше свидетельствами. И они-то доказывают, что конфликт Бруно с церковью, завершившийся костром на Поле цветов в Риме, не трагическое недоразумение, а закономерный итог всего его жизненного пути.

По словам Бруно, он «с детства стал врагом католической веры... видеть не мог образов святых, а почитал лишь изображение Христа, но потом отказался также и от него» (13, стр. 360). Впоследствии Ноланец решительно отвергал почитание «святых образов». В «Изгнании торжествующего зверя» он писал, что божество «не только в ящерице и скорпионе, но и в луковице и чесноке присутствует действеннее, чем в какой-либо неодушевленной картине и статуе» (10, стр. 163), а в тюрьме назвал культ икон идолопоклонством. Столь же резко выступал он и против поклонения реликвиям святых. Много раз — и в комедии «Подсвечник», и в «Изгнании торжествующего зверя», и в камере венецианской тюрьмы — вспоминал он с издевательством о «благословенном ослином хвосте»,

которому поклонялись верующие в Генуе. С таким же успехом, говорил Бруно, можно было бы почитать и собачью кость. Но дело не только в обманах и подделках мощей: «Если бы даже останки были подлинными, их не следовало бы почитать» (13, стр. 382). Только «бессмысленные и глупые идолопоклонники... ищут божества, не имея о нем никакого представления, в останках мертвых и бездыханных предметов» (10, стр. 163).

Ноланец осуждал не только поклонение иконам и мощам, но и сам культ святых. «Молиться святым — вздор, потому что они не могут быть заступниками за нас», — сказал он в тюрьме одному из заключенных (13, стр. 381). «Сколь несравнимо хуже тот культ, — писал Бруно, — и насколько позорнее грешат те люди, что без всякой пользы и нужды... обоготворяют зверей и даже куда хуже, чем зверей... Ибо в конце концов их обожание дошло до людей смертных, ничтожных, бесчестных, глупых, порочных, фанатичных, бесславных, несчастных, одержимых злыми духами, которые, и будучи живыми, ничего сами по себе не стоили да едва ли и мертвыми стали ценны» (10, стр. 175—176). Даже перед следователями инквизиции Бруно разоблачал невежественные рассказы о чудесах, содержащиеся в «житиях святых».

Презрение и ненависть вызывала у Бруно вся католическая церковная иерархия — от невежественных и тупых монахов до римского первосвященника. «Кто говорит монах, обо-

значает этим словом само суеверие, саму жадность и лицемерие, свалку всяких пороков» (21, стр. 359). «Большинство из них,— писал он о своих бывших собратях в книге «Печать печатей»,— устранились от общения с людьми, занимающимися полезными делами, ради того, чтобы избежать человеческих трудов и забот, соблазнившись пристрастием к безделью и обжорству, и лишь немногие — из любви к добродетели, ради достижения истины и блага. И если таковые появлялись среди них, на них набрасывалось завистливое и грязное большинство... Я полагаю,— завершал Бруно свой гневный приговор монашескому сословию,— что их следует истреблять, как плевелы нашего века, как гусениц и саранчу, и даже уничтожить дотла, как скорпионов и ядовитых змей. И будущий век, когда мир слишком поздно поймет свое бедствие, позаботится о том, чтобы... обезвредить этих людей, избалованных бездельем, жадностью и надменностью» (20, стр. 181—182).

В трактате «Песнь Цирцеи» Бруно сатирически изобразил представителей черного и белого духовенства в виде псов и обезьян; трудно сказать, правду ли доносил Мочениго, утверждая, что в виде свиньи там изображен римский папа. Но в «Прощальной речи» в Виттенберге Бруно говорил, что папа «во всеоружии, с ключами и мечом, обманом и силой, коварством и жестокостью — лисица и лев, наместник адского тирана — отравил человечество суеверным культом под видом боже-

ственной мудрости и угодной богу простоты» (15, стр. 20—21). А в тюрьме «дня не проходило, чтобы он (Бруно) не высказывался о церкви; он говорил, что управляющие ею монахи и священники — невежды и ослы» (13, стр. 361).

Выступая против католической церкви, Бруно с одобрением отзывался о многих из реформационных мер, принятых в ряде европейских государств: закрытии монастырей, конфискации церковных земель и др. Он осуждал деятельность инквизиции, антиреформационную политику католической Испании и папства. Но он не примыкал к идеологии реформационных движений. Не лицемеря, он мог заявить на следствии: «Я читал книги Меланхтона, Лютера, Кальвина и других северных еретиков, но не для того, чтобы усвоить их учение, не для того, чтобы извлечь из них пользу, ибо я считал их невеждами по сравнению со мной» (13, стр. 393). Еретики, говорил он на одном из допросов, «скорее считали меня неверующим, чем думали, что я верую в то, чего придерживались они» (13, стр. 371). Доносчики подтвердили, что Ноланец ругал Лютера, Кальвина и других основателей ересей.

Стремление реформаторов обновить христианскую религию, устранив наиболее варварские формы культа, упростив богослужение и удешевив церковь, отбросив некоторые обряды и переосмыслив ряд церковных таинств и догм, не могло удовлетворить Бру-

но. «Величайшие ослы мира,— писал он о деятелях Реформации,— (те, которые, будучи лишены всякой мысли и знаний, далекие от жизни и цивилизации, загнивают в вечном педантизме) по милости неба реформируют безрассудную и испорченную веру, лечат язвы прогнившей религии и, уничтожая злоупотребления предрассудков, снова штопают прорехи в ее одежде» (8, стр. 464).

Критика католической церкви, ее обрядов и культа, ее иерархии не имела в произведениях Бруно конфессионального характера. Он выступал против католицизма не во имя иных христианских вероисповеданий. Попытки представить его как реформатора христианства разбиваются при изучении материалов инквизиционного процесса. Характерно, что Ноланец не считал нужным отстаивать перед своими судьями идеи Реформации; все обвинения в осуждении католической церкви, в антиклерикальных и антикатолических высказываниях он начисто отвергал. История Реформации знала немало мучеников за новую веру, но Бруно не собирался пополнять их ряды. Его философия поднималась над конфессиональными различиями и распрями отдельных вероисповеданий.

Мировоззрение Бруно не только антикатолическое, но и антихристианское. Он выступал против главных догматов христианской религии, в защите которых объединились римская инквизиция и женевская консисто-

рия,— против учения о троице и о божественности Христа.

«Я слышал несколько раз от Джордано в моем доме,— доносил инквизиторам Мочениго,— что нет различия лиц в боге... что это — нелепость, невежество и величайшее поношение величия божьего... что богохульство — утверждать, что бог троичен и един» (13, стр. 362). Сам Бруно на допросе в Венеции отверг догмат троицы и заявил о своих сомнениях относительно воплощения бога в личности Иисуса Христа. Единственное приемлемое в Ноланской философии понимание бога, отождествляемого с природой-материей, не могло быть совмещено с воплощением бога в конкретной человеческой личности: «Только толпе свойственно изображать и почитать бога в виде и образе человека» (16, стр. 159).

Учение христианской религии о двойственной, божественной и человеческой, природе Христа вызывало насмешки Ноланца. В «Изгнании торжествующего зверя» он, пользуясь прозрачной и хорошо понятной современникам аллегорией, изображал богочеловека в виде кентавра Хирона: «Что ж сделать нам с этим человеком, привитым к зверю, или с этим зверем, привитым к человеку,— спрашивает бог-пересмешник Мом,— в нем одно лицо из двух природ и два естества сливаются в одно ипостасное единство... Но вот в чем трудность: есть ли таковое третье единство лучшая вещь, чем та и другая порознь, и не есть ли это что-нибудь вроде одной из

первых двух или поистине хуже их? Хочу сказать, если присоединить к человеческому естеству лошадиное, то произойдет ли нечто божественное, достойное восседать на небесах, или же зверь, которому место в стаде или стойле». И на возражения Юпитера: «Тайна сей вещи сокровенна и велика, и ты не можешь ее понять; твое дело только верить в нее, как в нечто великое и возвышенное» — Мом отвечал: «Знаю хорошо, что это такая вещь, которую не понять ни мне, ни тем, у кого есть хоть крупица ума...» (10, стр. 195—196).

Христос для Бруно только человек, историческая личность вроде Магомета, Моисея и иных основателей религиозных учений. Что касается евангельских рассказов о чудесах, то Бруно стремился дать им естественное объяснение. Основой «чудесного» исцеления, если это не прямой обман, являлось, по его мнению, психологическое воздействие «целителя» на больного, невозможное без доверия со стороны исцеляемого. «Богословы признают,— писал Бруно в трактате «О магии»,— что тот, кто будто бы мог совершать какие угодно чудеса, бессилен был исцелить неверующих в него, и всецело относят его бессилие к воображению, которого он не в силах был преодолеть. Дело в том, что земляки, хорошо знавшие его жалкое происхождение и недостаточное образование, презирали его и издевались над этим божественным врачом» (22, стр. 453). Бруно высмеивал

рассказы о чудесах, о божестве, дарующем власть «прыгать по водам, заставляя кувыряться хромым и танцевать раков, кротов видеть без очков и делать прочие прекрасные и нескончаемые диковинки» (10, стр. 181—182). Еще более решительно высказывался Бруно о Христе в разговорах с Мочениго и соседями по камере в венецианской тюрьме: «Христос творил лишь мнимые чудеса... Христос умер позорной смертью, и все пророки умерли как мошенники, ибо все, что они говорили, было ложью» (13, стр. 366—367).

С разоблачением мифа о Христе связано и выступление Бруно против одного из важнейших таинств христианской религии — против учения о пресуществлении, превращении во время обедни святых даров — освященных хлеба и вина — в тело и кровь Христовы. Имея в виду это таинство, евхаристию, Бруно писал в предисловии к «Изгнанию торжествующего зверя»: «Джордано... зовет хлеб хлебом, вино — вином». И намекая на причащение верующих тела и крови Христовых, Мом говорит: «Ох, я скажу тебе способ, посредством которого весь мир будет в состоянии его есть и пить, и при этом он не будет ни съеден, ни выпит, ни один зуб не коснется его, ни одна рука не ощупает, ни один глаз не увидит и даже, может, не будет места, которое заключило бы его в себе» (10, стр. 186). Среди «гнуснейших фантазий», измышляемых богословами, Бруно называл «верования в Цереру и Вакха» (т. е. в хлеб и вино) (21,

стр. 182), а в беседах с библиотекарем Котеном и Мочениго называл величайшим богохульством мнение, что хлеб превращается в тело господне.

Можно было бы привести много других высказываний Бруно, направленных против религиозных легенд и суеверий. Он отрицал божественность не только проповеди Христа, но и Моисеева закона, считая, что Моисей совершал свои чудеса при помощи воспринятого им у египтян магического искусства и что «его закон жесток, тираничен и несправедлив и не дан богом, а создан его собственным воображением» (13, стр. 378—379). Бруно отвергал веру в бессмертие души, миф о сотворении богом Адама и Евы, легенду о всемирном потопе; высмеивал веру в рай и ад, считая их плодом воображения суеверных людей (см. 13, стр. 371—373 и 22, стр. 683).

Не ограничиваясь критикой католического культа, осуждением религиозных суеверий, Бруно стремился к глубокому раскрытию роли религии в жизни человечества, ее пагубного воздействия на науку и философию, на общественные отношения и нравственность.

Главное зло, которое видел в религии Бруно,— это отказ от естественного разума, от научного знания, подмена разумного познания слепой верой, основанной на божественном откровении. Именно в этом заключается то «святое невежество», та «святая ослиность», в единоборство с которой вступил Ноланец. Речь идет не о невежестве

необразованных людей, не об отсутствии знаний, а о невежестве богословов, заключающемся в принципиальном отказе от знания, в противопоставлении естественной истине религиозных фантазий и суеверий, в претензии подчинить знание вере и превратить науку в служанку богословия.

В «Изгнании торжествующего зверя», когда боги-олимпийцы отправляют чудотворца Ориона — Христа на землю, в уста Юпитера вкладывает Бруно изложение противоразумного и противоприродного учения религии: пусть Орион заставит людей поверить, «будто белое черно; будто человеческий разум всякий раз, когда ему кажется, что он лучше всего видит, именно тогда и находится в ослеплении; будто все то, что согласно разуму кажется превосходным, добрым и лучшим, позорно, преступно и чрезвычайно скверно; что природа — грязная потаскушка, закон естества — мошенничество; что природа и божество не могут стремиться к одной и той же цели... Пусть заодно убедит людей, что философия и всякое исследование... не что иное, как безумие... и что невежество — самая лучшая наука мира, ибо дается без труда и не печалит душу» (10, стр. 182).

Зло религии в том, что она противостоит земному, естественному знанию, извращает правильное представление о мире, учит презирать природу, материальный мир, земную жизнь ради внеземного блаженства. Пародируя тон церковных проповедей и поучений

отцов церкви, Бруно писал в «Обращении к прилежному, набожному и благочестивому читателю», предпосланном диалогу «Тайна Пегаса, с приложением Килленского осла»: «Бегите от вашего зла и найдите ваше благо, изгоните гибельную гордыню сердца, погрузитесь в нищету духа, принизьте мысль, откажитесь от разума, погасите жгучий свет ума, который воспламеняет, сжигает и испепеляет вас; бегите от тех степеней знания, которые только увеличивают ваши горести; отрекитесь от всякого смысла, станьте пленниками святой веры» (8, стр. 466).

В осуждении человеческого достоинства, в принижении духа Бруно видел суть религиозного образа мышления, «святой ослиности»: «Господь отверз уста ослицы, и она заговорила. Ее авторитетом, ее ртом, голосом и словами укрошена, побеждена и попрана надменная, гордая и дерзкая светская наука и ниспровергнуто всякое высокомерие, осмеливающееся поднять голову к нему; ибо бог избрал слабое, чтобы сокрушить силы мира, вознес к вершине уважения глупое, так как то, что не могло быть оправдано знанием, защищается святой глупостью и невежеством и этим осуждается мудрость мудрых и отвергается разумение разумных» (8, стр. 464).

И когда Бруно называет ослами основателей и реформаторов религии, апостолов и пророков, чудотворцев и богословов, это не просто оскорбление и издевка, это определение антиразумного и противоестественного харак-

тера деятельности всех тех, «через кого изливается божья милость и благословение на людей».

«Святые христианские доктора и раввины» — вот на кого обращен гнев Ноланца. Это они унижали человеческий разум и утверждали суетность науки и знания. Это они «перестали двигаться, сложили или опустили руки, закрыли глаза, изгнали всякое собственное внимание и изучение, осудили всякую человеческую мысль, отреклись от всякого естественного чувства и в конце концов уподобились осламу». Они не могли сорвать, как Адам, запретный плод с дерева познания или «похитить подобно Прометею небесный огонь у Юпитера и зажечь им свет разума» (8, стр. 485).

Атеистическая проповедь Бруно направлена не против тех или иных злоупотреблений церкви и духовенства, не против отступлений церковников от провозглашенного ими религиозно-нравственного идеала, а против самого этого религиозного идеала, против религиозной идеологии в целом. Бруно развенчал и отверг идею спасения души через отказ от мирских страстей и забот, идею перенесения конечных целей человеческой жизни в потусторонний мир. «Тьма возобладает над светом, смерть станут считать полезнее жизни», — пророчествует о наступлении века христианства Юпитер (10, стр. 169). «Пусть из-за них погибнет весь мир, — с презрением писал Бруно о реформаторах, и эти слова его

применимы к проповедникам любой религии,— лишь бы спасена была бедная душа, лишь бы воздвигнуто было здание на небесах, лишь бы умножилось сокровище в том блаженном отечестве. Они не заботятся о чести, удобствах и славе этой брэнной и неверной жизни ради иной, самой верной и вечной» (8, стр. 464—465).

Не в пороках церковной иерархии, не в нелепости обрядов, не в бессмысленности отдельных догм, а в центральной идее всякой религии видит Бруно корень зла, главный вред для человеческого общества. Религия препятствует развитию науки и философии; она враждебна человеческой нравственности, подменяя естественное стремление человека к добру стремлением к потусторонним благам. Она разрушает человеческое сообщество, внося в него непримиримые церковные раздоры. Она разделяет людей и противопоставляет друг другу народы и государства.

Страстной проповедью веротерпимости, направленной против религиозного фанатизма и исключительности, прозвучало Посвящение, предпосланное Бруно «Тезисам против философов и математиков нашего времени», опубликованным в Праге в 1588 г.: «Наиболее помраченные из них, как будто просвещенные истинным светом, подняв взоры и воздев руки к небесам, возносят из глубины сердца благодарение всевышнему за свет, пристанище и обитель истины, для них одних открытые, им одним доступные, им одним дарован-

ные (за пределами каковых все прочие блуждают, скитаются и мнутся)». Именно из-за этого, продолжает Бруно, существует великое множество религиозных учений и сект, имеющих свои особые культы и обряды, и каждая из них, презирая всех прочих, претендует на первое место, считая «великим нечестием и позором иметь какое-либо общение с остальными». В результате этого фанатизма расторгнуты естественные узы, связывающие людей в обществе, и человеконенавистнические духи, разжигая пламя между народами, объявляют себя вестниками мира и, внося меч и распри в среду людей с помощью обмана, довели дело «до того, что человек находится в большей розни и вражде с человеком, чем с иными живыми существами» (прил., стр. 190—191). «Разве они пощадят любые государства от распада, народы — от рассеяния», — писал Бруно в «Тайне Пегаса» (8, стр. 464) о реформаторах, и слова его с полным правом могли быть отнесены к любой разновидности религиозного фанатизма. В разгар религиозных войн Ноланец мужественно выступил с требованием прекратить религиозные споры, осудил религиозные преследования и инквизиторов всех мастей.

Не ограничиваясь осуждением религии, Бруно попытался раскрыть социальные корни существования религии. Он увидел социальную функцию религии в подчинении угнетенных масс народа власти господствующих сил общества. «Если бы божественный авторитет

и религиозные побуждения не овладели умами народов, не могла бы существовать власть государя или республики. Ибо религия легко сдерживает человека, ввергнутого в бедность, горе, нищету, вражду и прочие такого рода несчастья. Поэтому нет такого государя-законодателя, который не относил бы к какому-нибудь божеству авторитет или учреждение своего закона» (21, стр. 343—344). Однако ненужная для мыслителя, философа, человека, способного из разумных оснований вывести законы морали, религия, по мнению Бруно, нужна «для наставления грубых народов, которые должны быть управляемы» (8, стр. 320). В этом признании необходимости религии независимо от ложности ее предпосылок в качестве орудия управления «грубыми народами» сказалась историческая ограниченность бруновской критики религии. Однако Бруно не считал власть религии вечной. Исходя из общей всем религиям природы, он рассматривал все существовавшие в истории человечества религии в едином плане, не отдавая предпочтения ни одной из них (за исключением, может, только египетского пантеистического культа, в котором он видел прообраз философского, а не религиозного взгляда на мир). Подобно всем явлениям природы и общественной жизни религии подчинены всеобщему закону изменения и развития, рождения и гибели.

На смену религии откровения, по мысли Бруно, должна прийти «религия разума»,

«философия рассвета». Используя встречающуюся в произведениях Бруно выражение «естественная религия», Ф. Эйтс подобно некоторым другим буржуазным исследователям пытается представить Ноланца в виде пусть нехристианского, но все же религиозного реформатора, одержимого идеей религиозной миссии (см. 96, стр. 211).

Разобщающему человечество религиозному фанатизму Бруно противопоставил «закон любви», «созвучное природе всеобщее человеколюбие» (17, стр. 4). Та «религия разума», которую проповедовал Бруно, не имела ничего общего не только с христианским вероучением, но и с каким бы то ни было религиозным откровением. Свободная не только от культа и обрядности, но и от признания потустороннего мира, от веры в личного бога и в божественное вмешательство в дела людей, от учения о загробном вознаграждении или наказании, от веры в бессмертие души, «религия разума» Бруно чужда самому существу религиозного мировоззрения. Под «религией разума» Бруно понимал новую систему философских воззрений, новую систему человеческой нравственности, которая должна прийти на смену господствующим религиозным культам. Освобожденное от суеверия и религиозного страха человечество в самой природе найдет основание нового нравственного идеала.

Несовместимость своего учения с религией хорошо понимал Бруно, когда пророчески

писал, что религиозные фанатики «смертную казнь определяют тому, кто будет исповедовать религию разума» (10, стр. 169).

ИЗГНАНИЕ ТОРЖЕСТВУЮЩЕГО ЗВЕРЯ

Стремление Ноланца к активному воплощению в жизни истин его философии бесспорно. Но напрасно говорит А. Корсано о его отношении к религиозным реформаторам как о «зависти к конкурентам» (см. 62, стр. 194); цель философского творчества и деятельности Бруно не религиозная реформа, а реформа общества.

Название одного из важнейших диалогов Бруно — «Изгнание торжествующего зверя» — вызвало немало кривотолков. Доносчики обвинили Ноланца в том, что под торжествующим зверем подразумевается то ли католическая церковь, то ли римский папа, а историки из протестантского лагеря охотно использовали эту легенду.

В действительности содержанием диалога является аллегорическое изображение «реформы небес», замена в наименованиях созвездий, связанных еще с древней мифологией, пороков — добродетелями. Речь идет, как поясняет сам Бруно, об «изгнании торжествующего зверя, то есть пороков, кои обычно одерживают верх и попирают божественное начало...» (10, стр. 197).

Правильно оценить смысл этой аллегии можно только исходя из учения Бруно о человеческом обществе. Человек, по мысли Ноланда, вышел из животного состояния. И в «Изгнании торжествующего зверя», и в «Тайне Пегаса» Бруно полемизирует с античной легендой о «золотом веке», который якобы ознаменовал собой начало человеческой истории, и с библейским представлением о блаженном райском состоянии человека до грехопадения. «Всяк хвалит золотой век, когда люди были ослами, не умели обрабатывать землю, не знали господства одних над другими, когда один не понимал больше, чем другой, когда они ютились в подземельях и пещерах...» (8, стр. 468). Человек на заре своего существования еще только начал выделяться из животного царства; «люди благодаря праздности были не доблестней зверей нашего времени, а, может, даже глупее многих зверей» (10, стр. 135).

Только деятельность выделила людей из звериного царства. Благодаря руке, этому «органу органов», были возможны «открытие учений, изобретения наук, собрания граждан, сооружения зданий» — все то, что свидетельствует о превосходстве человека и возвышает его над миром животных. «Когда между людьми вследствие соревнования в божественных делах и увлечения духовными чувствами родились трудности, возникла нужда, тогда обострились умы, были открыты ремесла, изобретены искусства; и все время со дня на

день вследствие нужды из глубины человеческого ума исходили новые и чудесные открытия». В результате трудовой деятельности, развития общества и духовной жизни человечества «люди все более и более удалялись от звериного естества и благодаря усердному и настойчивому занятию все более приближались к божественному естеству» (10, стр. 135).

Так человечество поднялось от первобытного звериного состояния к истинному своему предназначению. Но многовековое господство суеверных и невежественных культов привело к торжеству «святой ослиности». Мир полон отступников», — писал Бруно в диалоге «О героическом энтузиазме». «Мир полон предательства», — повторял он в венецианской тюрьме. «Такое состояние мира не может более продолжаться, ибо в нем царит одно лишь невежество и нет настоящей веры... В мире неблагополучно, — говорил Бруно, беседуя с Мочениго, и добавил: — Очень скоро мир подвергнется всеобщим переменам, ибо невозможно, чтобы продолжалась такая испорченность» (13, стр. 358).

Ноланец не только мечтал и надеялся на «всеобщие перемены»; он разработал свой идеал общественных преобразований и стремился к его осуществлению.

Прежде всего должен быть упразднен суеверный культ, устранено всевластие церкви и духовенства. Место Христа — Ориона в новой системе нравственных и социальных ценно-

стей должны занять «трудолюбие, промышленность, воинские упражнения и военное искусство, которыми поддерживаются мир и власть в отечестве, варвары побеждаются, укрощаются и приводятся к гражданской жизни и человеческому общежитию, уничтожаются культы, религии, жертвоприношения и законы бесчеловечные, свинские, грубые и зверские» (10, стр. 184).

На место церковного и светского феодального произвола должен стать Закон. Предназначенный для пользы человеческого общежития, он должен существовать, «дабы беззащитные ограждены были от власти имущих, слабые не угнетались сильными, низлагались тираны, назначались и утверждались справедливые правители и цари, поощрялись республики, насилие не подавляло разума, невежество не презирало науку, богатые помогали бедным, добродетели и занятия, полезные и необходимые обществу, поощрялись, поддерживались и развивались» (10, стр. 79).

В этом обществе, основанном на власти закона, не должно быть феодальных привилегий и преимуществ, «дабы бремя управления уравновешивалось достоинствами и способностями подданных, чтобы должности не распределялись сообразно степеням родства, благородству, титулам и богатству, но сообразно добродетелям, оплодотворенным подвигами» (10, стр. 159).

В условиях XVI в. выдвинутые Бруно требования ликвидации власти церкви, уста-

новления внешнего и внутреннего мира, упразднения феодального произвола и наследственных привилегий, поощрения трудолюбия, «промышленности», полезных для общества занятий и, наконец, установления гражданского, юридического равенства людей, воплощенного во власти закона, соответствовали интересам буржуазного развития общества.

Дальше требования формального, юридического равенства граждан Бруно не пошел. В отличие от Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы Ноланец не был сторонником общности имущества, упразднения частной собственности. Правда, в одном из диалогов содержится осуждение Труда за то, что он «изобрел твое и мое... разделил и сделал собственностью одного или другого не только землю (данную всем живущим на ней), но даже моря и — того гляди — скоро даже и воздух. Не он ли положил предел чужой радости и сделал так, что то, чего было вдоволь для всех, стало в избытке у одних и в нехватке у других; отчего одни против своей воли стали жиреть, а другие умирать с голоду». Но характерно, что обличение «злодеяний захватных и собственнических законов моего и твоего, по которым тот справедливее, кто более сильный собственник», вложено автором в уста Лениности (10, стр. 131).

Отход от первобытного состояния, «когда все блага были общими», когда люди «не знали господства одних над другими», Бруно

считал обязательным условием исторического прогресса. Отвергая собственность, основанную на наследственных привилегиях и на прямом насилии, он провозглашал право собственности, основанной на труде, понимаемом широко как всякая полезная для общества деятельность: «За трудом пусть следует приобретение». Справедливо связывая происхождение общественного неравенства с переходом от варварства к цивилизации, видя в нем явление исторически прогрессивное, Бруно считал его естественным и неизбежным результатом общественного разделения труда: «Нужно, чтобы на свете существовали ремесленники, механики, земледельцы, слуги, пехотинцы, простолюдины, бедняки, учителя и им подобные, иначе не могли бы быть философы, созерцатели, возделыватели душ, покровители, полководцы, люди благородные, знаменитые, богатые, мудрые и прочие подобные богам» (9, стр. 154). Поэтому и стремления угнетенных трудящихся масс ликвидировать социальное неравенство Бруно осуждал. «Не следует брать во внимание такие желания, как желание подданных занять более высокое место и стремление простых сравняться с благородными», — писал он, видя в этом «извращение и смешение порядка вещей», в результате которого «в конце концов на смену пришло бы некое среднее и животное равенство, как это случается в некоторых заброшенных и некультурных государствах» (9, стр. 155).

Неверно поэтому было бы модернизировать социально-политические воззрения Бруно и видеть в нем, как это делали Буннхофер и некоторые другие буржуазные историки конца прошлого века, предтечу буржуазного либерализма или предшественника социал-демократии (см. 59, стр. 298—303). Не менее нелепо выглядят и попытки современных клерикальных авторов подчеркивать «антидемократизм» Ноланца (см. 61, стр. 52). В своих политических взглядах Бруно был сыном своей эпохи, выразителем тех передовых ее тенденций, которые отвечали интересам буржуазного развития.

Как доносил Мочениго, Бруно, ожидая «всеобщих перемен», возлагал немалые надежды на «великие деяния короля Наваррского». Восторженные отзывы Бруно об этом государе, будущем короле Франции Генрихе IV, а также о королеве Елизавете Английской, о герцоге Юлии Брауншвейгском привлекли к себе внимание инквизиторов, а в наши дни вызывают подчас злорадство со стороны реакционных исследователей. «Можно было бы извлечь из сочинений этого якобы предшественника социализма,— язвительно писал Л. Джуссо,— целый букет панегириков в честь государей» (67, стр. 159).

Сам по себе факт посвящения книг высокопоставленным покровителям связан с обычаями эпохи; при отсутствии системы гонораров плата за посвящение была единственным видом авторского вознаграждения. Но

выбор покровителей зависел от автора. Бруно, действительно, не скупился на похвалы меценатам. Вряд ли нужно доказывать, что похвалы эти не были продиктованы угодничеством и низкопоклонством. Из политических деятелей конца XVI в. этой чести удостоились лишь те государи и их приближенные, которые проводили политику покровительства просвещению, веротерпимости, централизации, укрепления абсолютных монархий в борьбе с феодальной реакцией. Лишь одно посвящение было обращено к деятелю католической реакции императору Рудольфу, но именно в этом посвящении Бруно выступил с резким осуждением религиозных раздоров и фанатизма. В посвящениях, в речах и панегириках, вышедших из-под пера Бруно, содержится не только перечисление заслуг восхваляемых им политических деятелей, но и собственная его программа преобразования общества.

«Ты не воздвигал по обычаю древних храмов идолам, не сооружал алтарей гнусным демонам, не посвящал их человеконенавистническим духам, не строил монастырских трапезных и спален, этих гнездилищ праздных мышей», — говорил Бруно в «Утешительной речи» на смерть герцога Юлия Брауншвейгского. Борьба с религией и поддержка просвещения — вот в чем видел он главную заслугу умершего: «Музы, которые в Италии и в Испании попираются ногами низких священников, в Галлии подвержены крайней опас-

ности из-за гражданских войн, в Бельгии сотрясаемы обильными потоками и в иных областях Германии прозябают в несчастии, здесь утверждаются, возвышаются и пребывают в покое» (15, стр. 33—45).

Установление внешнего и внутреннего мира, прекращение захватнических войн и гражданских раздоров — таково требование, предъявляемое Бруно к государям. «Ты не растрчивал средств на сооружение крепостей, которыми обуздываются мятежные народы,— говорил он о Юлии Брауншвейгском,— ты превосходно понимал, что народы сдерживаются миром, благоразумием, великодушием, щедростью и справедливостью» (15, стр. 46). О французском короле Генрихе III, когда была еще надежда, что он положит конец религиозным войнам, Бруно писал, что «он любит мир, сохраняет по возможности свой любимый народ в спокойствии и преданности; ему не нравится шум, треск и грохот военных орудий, приспособленных к слепому захвату неустойчивых тираний и княжеств» (10, стр. 190). Прославление миролюбия Франции сочеталось в произведениях Бруно с резкими антииспанскими и антипапскими выступлениями. В панегирике Елизавете Английской, намекая на современные ему политические события, на реакционную политику папы и католической Испании и на религиозные войны во Франции, он писал: «В то время, как Тибр бежит оскорбленный, По угрожающий, Рона неистовствующая, Сена

окровавленная, Гаронна смятенная, Эбро бешеный, Тахо безумствующий, Маас озабоченный, Дунай бесконечный, Елизавета в тылу Европы блеском очей своих уже более 25 лет упокаивает великий океан...» (8, стр. 196).

Прославляя и возвеличивая монархов, Бруно выступал в поддержку политики абсолютизма, отвечавшей интересам новых господствующих социальных групп и враждебной силам феодальной реакции, наиболее ярко воплотившейся в политике Испании и католической церкви. В Англии и Франции, в Германии и Венеции Бруно ориентировался на те политические группировки и на тех политических деятелей, которые стремились к прекращению гражданских войн и религиозных раздоров, к политике веротерпимости. Их поддержкой он пользовался, их политическую линию в европейских конфликтах конца XVI столетия он отстаивал. Не случаен интерес Бруно к политике Генриха Наваррского. На будущего короля Франции, в чьем успехе уже почти никто не сомневался, многие возлагали большие надежды, не без оснований полагая, что он не только положит конец религиозным войнам во Франции и будет проводить политику веротерпимости, но что его победа поможет оздоровить общую политическую обстановку в Европе.

Бруно был решительным сторонником национальной монархии — единственной силы, способной в условиях XVI в. добиться национального единства, ликвидировать остатки

феодалной раздробленности, упразднить все-
силie духовенства и обеспечить экономиче-
ский и культурный прогресс. В укреплении
абсолютизма Бруно видел залог осуществле-
ния той власти Закона, которая должна была
покончить с феодальным произволом. Разу-
меется, было бы наивно видеть в действи-
тельно существовавшей абсолютной монархии
воплощение социальной программы, провоз-
глашенной в «Изгнании торжествующего
зверя». Важно другое: в социально-политиче-
ском учении Бруно нашли свое идеологическое
выражение цели прогрессивных социальных
сил современной ему эпохи.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭНТУЗИАЗМ

«Человек — семя, подверженное согнitiю,
собрание мерзостей, пища червей», — писал
один из средневековых богословов. Религиоз-
ная мораль основывалась на представлении о
греховной природе человека. В результате гре-
хопадения Адама и Евы человек лишился сво-
его идеального первобытного состояния. Он
обречен пребывать в земной юдоли печали и
слез. «Только ложь и грех принадлежат в
человеке ему самому, — говорилось в постанов-
лении одного из церковных соборов, — все же,
что есть в нем истинного и справедливого,
происходит из того источника, коего должны
мы жаждать в нашем изгнании». Лишь иску-
пительная жертва Христа избавляет человече-
ство от его мучений, и только через посред-

ство церкви человек может достичь вечного блаженства. Конечная цель человеческого существования переносилась в загробный мир.

Внеземное предназначение человека требовало от него отречения от земной жизни. Презрение к своему телу, к потребностям физической природы человека, к земным радостям и наслаждениям, к земному преходящему счастью, к непрочной земной славе и богатству — важнейшее требование добродетели. Самоотречение во имя веры, во имя спасения души возводилось в степень высшего нравственного подвига.

Необходимой предпосылкой религиозной нравственности являлось учение о бессмертии души, о неминуемом посмертном воздаянии за добродетели и наказании за грехи. Страх перед адскими мучениями и надежда на райское блаженство должны были удерживать человека от пороков и направлять его на путь добродетели.

Этот аскетический нравственный идеал был отвергнут мыслителями эпохи Возрождения. В качестве цели человеческого существования в этических учениях гуманистов было выдвинуто всестороннее духовное и физическое развитие человеческой личности. Счастье достижимо в земной жизни. Добродетель должна основываться не на подавлении человеческой природы, она должна вести человека к пользе и наслаждению. Отвергая презрение к миру и земным благам, идеологи ранней буржуазии защищали собственность и

богатство. В индивидуалистическом культе наслаждения, в отождествлении цели жизни и высшего блага с пользой сквозили тенденции буржуазного индивидуализма и утилитаризма.

Этическое учение Бруно было направлено прежде всего против религиозного аскетизма. Он выступил против прославления смерти, против бесплодного пустынножительства монахов, отверг религиозные представления о бессмертии души. Ноланец осуждал людей, которые «не заботятся о чести, удобствах и славе в этой брэнной и неверной жизни», «из презрения к миру потоптали одежду свою, отогнали от себя всякую заботу о теле, о плоти, облекающей их душу» (8, стр. 467). Жизнь в мире, реальные земные заботы — требование человеческой природы, а потому являются нравственным долгом человека.

«Я не раз слышал от Джордано в моем доме, — доносил Мочениго, — что нет наказания за грехи. Еще он говорил, что для добродетельной жизни достаточно не делать другим того, чего не желаешь себе самому» (13, стр. 390).

«Эпикуреец по образу жизни», Ноланец «рассуждал о плотских вещах и говорил, что церковь совершает грех, запрещая женщин, ибо с ними можно иметь дело, не впадая в грех, так как при этом соблюдается повеление бога. И еще говорил: чего хотят эти невежественные попы? Нужно, чтобы по крайней мере у каждого была жена» (13, стр. 390).

Вместе с тем мы встречаем в произведениях Бруно, и прежде всего в диалоге «О героическом энтузиазме», резкую проповедь, направленную против культа чувственного наслаждения, настолько резкую, что это даже дало повод говорить об антигуманизме Бруно, о том, что здесь мы имеем дело то ли с рецидивом средневекового аскетизма, то ли с отзвуками монашеского воспитания брата Джордано.

Бруно сам отверг обвинения в аскетизме: «Может быть, я стою за запрещение священного установления природы? Не собираюсь ли я попытаться избавить себя или других от сладкого и любимого ига, возложенного нам на шею божественным провидением?.. Нет, нет, не допустил господь, чтоб нечто подобное могло запасть мне в голову» (9, стр. 19). И если он гневно ополчился на поэтов-петраркистов, воспевающих чувственную любовь, то происходило это вовсе не во имя возвращения к монашескому аскетическому идеалу, а потому, что созданная Ноланцем система морали знала иные нравственные ценности помимо индивидуалистического культа наслаждения.

Человек смертен. Это одна из предпосылок этического учения Бруно. Какие бы высказывания о бессмертии души мы ни встречали в его сочинениях, они относятся лишь к вечной духовной субстанции, «ибо жизнь проходит навеки без всякой надежды на возвращение» (10, стр. 122).

Человек неразрывно связан с вечной и бесконечной природой, он ощущает себя частицей величественного и непрерывного потока. Но не сознание собственного ничтожества перед величием вселенной охватывает его, а гордость и упоение: «Эта философия возвышает мою душу и возвеличивает разум!» (23, стр. 7).

Отказавшись от жалкой и несбыточной надежды на личное бессмертие души, гордый человеческий разум преодолевает животный страх смерти. Именно потому, что земная жизнь человека единственная, что она краткое мгновение в бесконечном потоке времени, в этическом учении Бруно звучит властный призыв к действию. «В ожидании своей смерти, своего превращения, своего изменения, да не будет он (человек — А. Г.) праздным и нерадивым в мире!» (10, стр. 10). Пассивности аскетической, проповеди ухода от мира, религиозной созерцательности, перенесению всех надежд и чаяний в загробный мир и одновременно пассивности гедонистической, досугу бездеятельного наслаждения в равной мере противостоит этическое учение Бруно.

Истинным мерилom нравственности является труд: «Прочь от меня всякое безобразие, всякое безделье, неряшливость, ленивая праздность!» (10, стр. 122). Именно в труде человек осуществляет свое предназначение. В «плодотворной общительности» люди создают гражданское общество, государство,

законы, культуру. «Боги одарили человека умом и руками, сотворив его по своему подобию и одарив способностями свыше всех животных» и свободой выбора. «Но, конечно, эта свобода, если будет расходоваться празднично, будет бесплодной и тщетной... Поэтому-то провидение и определило человеку действовать руками, а созерцать умом так, чтобы он не созерцал без действия и не действовал без размышления» (10, стр. 134—135). Благодаря работе «Персей был Персеем, Геркулес — Геркулесом».

Не наслаждение и не самосохранение человеческой личности, а совместная деятельность людей, направленная на покорение природы, лежит в основе морали. В этой борьбе творческая деятельность человека должна все более заменять собой тяжелый и подневольный труд: настоящий труд возникает только тогда, когда он «побеждает себя, чтобы уже не считать себя... за труд... ибо так же и труд не должен быть труден сам по себе, как тяжесть не тяжела сама по себе... Высшее совершенство — не чувствовать ни скорби, ни труда, перенося и скорбь, и труд». Труд человека должен подчинить себе слепую Форту — необходимость. «Возьми Форту за волосы, — восклицает Юпитер, обращаясь к Труду, — ускоряй, если тебе это покажется нужным, бег ее колеса!» Труд должен стать для человека «высоким наслаждением» (10, стр. 120—121).

Начав с отрицания религиозного самопожертвования ради «инога мира», Бруно приходит, преодолев эгоистический индивидуализм ранних гуманистов, к прославлению героического энтузиазма, самоотверженности, подвижничества ради высокой и человеческой цели. Человек должен преодолеть стремление к самосохранению, подняться над страхом личного уничтожения, ибо то высокое наслаждение, к которому стремится энтузиаст, немислимо без доблестных деяний и жертв.

Высокая цель освобождения человечества недостижима без мужественных усилий и героических дел. На слова Юпитера о том, что ни к чему бороться с силами зла, поскольку «все это само собой старится, падает, пожирается и переваривается временем», богиня Паллада отвечает: «Но пока что нужно сопротивляться и бороться, дабы своим насилием все это не уничтожило нас прежде, чем мы его обновим» (10, стр. 184).

Во второй половине XVI в. средневековая мораль была отнюдь не архаическим пережитком. Выражая интересы самых реакционных феодальных сил, поддерживаемая всей мощью церковных установлений, она находила свое воплощение и в ученых трактатах богословов, и в мистических поэмах, и в декретах Тридентского собора, и в кровавой практике инквизиции. Провозглашая новые истины «философии рассвета», Ноланец понимал, что утверждение их требовало упорной и героической борьбы.

Героический энтузиазм Бруно — это не только высшая ступень познания природы, но и высшая ступень человеческого совершенства. Задолго до того как был зажжен костер на Поле цветов в Риме, Ноланец осознал смертельную опасность борьбы, в которую он вступил. Еще в Англии прославлял он «ту достойную восхваления душевную напряженность, свойственную философам», которая позволяет мужественно переносить страдания: «Достойное философа поведение заключается в том, чтобы освободиться от физических страстей, не чувствовать мучений... Кого больше всего привлекает к себе любовь к божественной воле (которую он почитает наиболее твердой), тот не придет в смятение ни от каких угроз, ни от каких надвигающихся ужасов. Что касается меня, то я никогда не поверю, что может соединиться с божественным тот, кто боится телесных мук». Мыслитель, поднявшийся к созерцанию истины, «не чувствует ужаса смерти» (20, стр. 192).

Вся жизнь Джордано Бруно была осуществлением этого нравственного идеала. Он не был обуян жадной бесполезного мученичества и знал, что иногда, чтобы «избежать зависти, клеветы и оскорбления, благоразумие прячет истину под притворные одежды», но не мог вступить в сделку с совестью. Ибо, борющийся против прославления смерти, страстно любивший жизнь, ценивший земные радости и наслаждения, но выше всего поста-

вивший любовь к истине, Ноланец знал, что «лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф» (9, стр. 62).

Задолго до рокового дня казни он преодолел в себе страх собственной гибели. Он знал, что «смерть в одном столетии дарует жизнь во всех грядущих веках» (9, стр. 32; ср. 10, стр. 1).

IV. ЖИЗНЬ В ГРЯДУЩИХ ВЕКАХ

«Убить человека — это не значит опровергнуть его идеи; это значит только убить человека», — писал французский реформатор XVI в., провозвестник веротерпимости Себастьян Кастеллион.

Инквизиция полагала иначе. Приговор святой службы гласил: «Сверх того, осуждаем, порицаем и запрещаем все вышеуказанные и иные твои книги и писания, как еретические и ошибочные, заключающие в себе многочисленные ереси и заблуждения. Повелеваем, чтобы отныне все твои книги, какие находятся в святой службе и в будущем попадут в ее руки, были публично разрываемы и сжигаемы на площади св. Петра перед ступенями, и как таковые были внесены в список запрещенных книг, и да будет так, как мы повелели» (12, стр. 383).

В венецианской тюрьме, когда была еще надежда вырваться на свободу, Бруно вспоминал оставшихся в Германии учеников. Мы знаем немногие имена. Рафаэль Эглин опубликовал «Свод метафизических терминов»

Бруно. Иоганн Ностиц развивал его логические идеи. Иероним Бесслер бережно сохранил переписанные им сочинения учителя — в рукописных сборниках, хранящихся в ряде европейских библиотек (наиболее ценные из них находятся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве), они дошли до наших дней.

Но влияние Ноланской философии не было ограничено узким кругом учеников. С космологических идеями Бруно был знаком Кеплер. Ни разу не назвавший Ноланца Галилей широко использовал в своих «Разговорах о двух системах мира» диалог «Пир на пепле» и, судя по аргументации, приведенной им в защиту коперниканства, был знаком и с другими произведениями Бруно.

Во Франции ученый монах-кармелит Марин Мерсенн с яростью обличал «нечестивого» Ноланца. Но борьба Бруно за возрождение эпикурейской философии не прошла бесследно для философа-материалиста Пьера Гассенди и его ученика Сирано де Бержерака, а комедия «Подсвечник» вдохновляла и того же Сирано, и Мольера.

Материалистический пантеизм Бенедикта Спинозы свидетельствовал о том, что Ноланская философия оказала глубочайшее влияние на философскую мысль XVII столетия.

Лондонский период жизни Бруно оставил заметный след в английской культуре. В числе «новаторов», создателей новой философии, называл его имя Фрэнсис Бэкон. В глубоких

суждениях Гамлета, принца Датского, мы слышим явственные отзвуки «философии расцвета». С особым интересом изучали наследие Бруно английские философы-деисты: с сочинениями Ноланца был хорошо знаком Чарлз Блаунт, доведенный до самоубийства преследованиями англиканского духовенства; их переводил на английский язык в конце XVII в. Джон Толанд.

В 90-х годах XVII в. имя «Иордана Бруно» впервые прозвучало в России, упомянутое в «Риторике» Андрея Белобочко, чье опасное свободомыслие вызывало ненависть как польских иезуитов, так и московского православного духовенства.

Не забыл великого итальянского мыслителя и XVIII век. Его имя встречается в письмах Вольтера. Статью о нем для знаменитой «Энциклопедии» написал Дени Дидро. «Джордано Бруно возрожденный» — так назывался анонимный материалистический трактат, появившийся в Париже в первый год Великой французской революции.

В том же 1789 г. о Бруно писал немецкий философ-идеалист Якоби; Шеллинг, истолковавший пантеизм Ноланца в мистическом духе, назвал его именем один из своих диалогов.

В России лицейский учитель Пушкина А. И. Галич был изгнан мракобесами из Петербургского университета; в частности, ему вменялось в вину изложение в курсе истории философии мировоззрения Джордано

Бруно. А. И. Герцен высоко оценивал роль Бруно в истории философской мысли и видел в нем одного из предшественников современного естествознания.

Борьба вокруг философского наследия Ноланца особенно разгорелась в 80-х годах XIX в., когда международным комитетом проводилась кампания по сбору средств на сооружение памятника Джордано Бруно. В Риме и Неаполе, Париже и Лондоне, Одессе и Киеве, Нью-Йорке и Москве читались лекции, издавались книги, посвященные памяти великого мыслителя. Против же чествования научного подвига Бруно выступили все силы католической реакции во главе с папой Львом XIII. Русский философ-идеалист Владимир Соловьев отказался принять участие в торжествах. Но, несмотря на сопротивление клерикалов, памятник Бруно был открыт в 1889 г. на Поле цветов в Риме — там, где пылал костер.

Героический образ Бруно вот уже на протяжении почти полутора столетий привлекает к себе внимание писателей. Первым литературным произведением о Ноланце был оставшийся в рукописи роман русского писателя и философа В. Ф. Одоевского. С тех пор издано немало романов, пьес, стихотворений, биографических повестей и сценариев; среди писавших о Бруно — Иван Бунин, Джек Линдсей, Бертольд Брехт. Только в последние годы в СССР, Польше, Венгрии, ГДР вышло несколько романов и повестей о жизни Ноланца.

Более трех с половиной столетий прошло с тех пор, как погас костер на Поле цветов. Но и поныне философия Ноланца является объектом острой идейной борьбы. В работах кардинала Меркати и епископа Чикуттини нам слышится голос судьи Бруно кардинала Роберто Беллармино, уже в двадцатом столетии причисленного церковью к лику святых. Появляются новые и новые истолкования философии Бруно с позиций реакционно-идеалистических. Против извращения действительного содержания его философии решительно выступают историки-марксисты. С марксистских позиций изучают философское наследие Джордано Бруно советские историки философии М. А. Дынник, В. В. Соколов, Н. А. Ивлиев, польские ученые А. Новицкий и Б. Суходольский, итальянский исследователь Н. Бадалони, американский — И. Л. Горовиц и др. Многие из буржуазных исследователей отходят от спиритуалистических концепций и стремятся к более глубокому и объективному изучению «философии рассвета».

«Джордано Бруно — от века, который он предвидел» — начертано на пьедестале памятника на Поле цветов. Каждое последующее столетие все с большим правом будет повторять эти слова. Джордано Бруно — там, где ведется борьба с предрассудками и фанатизмом, где разум освобождается от сковывающих его предвзятых и априорных представлений. Он вечный современник тех, кто ищет истину в познании самой природы, кто

отвергает догматизм и косность мышления, господство схоластических традиций и власть авторитета, кто верит в безграничные возможности человеческого разума и труда. Он с теми, кто строит нравственность, свободную от самоуничужения и ханжества, видя высшее предназначение человека в свободном развитии многогранной личности, сознающей свой долг перед сообществом людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЖОРДАНО БРУНО

I. О БЕЗМЕРНОМ И НЕИСЧИСЛИМЫХ

Книга VIII, глава 10
О вселенной и неизмеримом

II. СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ТЕЗИСОВ ПРОТИВ МАТЕМАТИКОВ И ФИЛОСОФОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Посвящение

Извлечения из произведений
Бруно впервые переведены на
русский язык для настоящего
издания. Перевод выполнен
А. Х. Горфункелем

О БЕЗМЕРНОМ И НЕИСЧИСЛИМЫХ

Книга VIII, глава 10 *

О вселенной и неизмеримом

Бог есть бесконечное в бесконечном; он находится во всем и повсюду, не вне и не над, но в качестве наиприсутствующего, подобно тому как нет сущности вне и над сущим, нет природы вне природных вещей, блага — вне благого. Сущность же отличается от бытия только логически, как разум отличается от того, чьим разумом он является.

Итак, приступай и поймешь, где находятся Природа и Бог, ибо там же находятся причины вещей, сила начал, жребий элементов, семена возникающих вещей, формы-прообразы, активная возможность, все открывающая и прославленная под именем первой субстанции. Она же есть материя, пассивная возможность, подлежащая, пребывающая и присутствующая, приходящая почти всегда к единому. Ибо не существует как бы нисходящего свыше подателя форм, который бы извне образовывал вещи и давал им порядок.

Искусство во время творчества рассуждает, мыслит. Природа без рассуждения действует безгранично

---

* Публикуемый отрывок из поэмы Джордано Бруно «О безмерном и неисчислимых», изданной во Франкфурте в 1591 г., содержит решение центральной проблемы Ноланской философии — проблемы отношения бога-природы и материи. Перевод сделан по изданию: С. Bruno, Opera latine conscripta, publicis sumtibus edita, vol. I, pars II, Neapoli, 1884.— Прим. пер.

быстро. Искусство имеет дело с чуждой материей, природа — со своей собственной. Искусство находится вне материи, природа — внутри материи, более того: она сама есть материя.

Итак, материя все производит из собственного лона, так как природа сама есть внутренний мастер, живое искусство, удивительная сила, одаренная умом, приводящая в движение свою, а не чуждую материю. Она не рассуждает, колеблясь и обдумывая, но с легкостью все создает из самой себя, подобно тому как огонь сияет и жжет, как свет распространяется повсюду без труда. Она не отклоняется при движении, но — постоянная, единая, спокойная — все измеряет, прибавляет, составляет и распределяет. Ибо неискусны тот писец и тот музыкант, которые задумываются, — это значит, что они только начали учиться. Все дальше и вечно природа вершит свое дело, ничего не прибавляя и не убавляя в ощущении.

Душа есть ближайшая формирующая причина, внутренняя сила, свойственная всякой вещи, как и сама материя, управляющая сама собой. Подобно улитке, которая, расширяясь за счет внутренних толчков, собирается в плотную массу и сперва не придает себе никакой формы, а затем выдвигает спереди рожки, обнаруживает голову, вытягивает рот и тянется, как червь, подвижным телом, — так совершается как бы развертывание из центра.

Таким образом, душа является мастером, действующим из центра семени, создающим в соответствии с природой; она образует и захватывает, ваяет и пожирает ближайшую материю; она есть двигатель, действующий изнутри.

Чего же стоят тогда все эти Платоновы первоначала, хитрости, прообразы, идеи, речи, колоссы, колесницы фантазий и корабли чепухи, существующие вне телесного мира? Даже если ты вымыслишь мир, ограниченный точным пределом, для чего нужны все эти виды, отделенные от вещей? Конечно, не для того, чтобы вещам было свойственно постоянство, ибо начала и элементы сами пребывают в вечном порядке и сами идут своим путем, с которого никогда не

сбываются. Ибо не для чего иного вода восходит в область воздуха, став паром, как чтобы собравшись и сгустившись, вновь вернуться к прежнему пределу.

Ведь действующее начало не нуждается в том, чтобы обращаться к звездам, видя там высокие образы своего труда. Да не измыслим мы столь низкое для природы состояние, ибо она возвышается над нашим искусством благодаря тому внутреннему чувству, которое в достаточной мере направляется от внутреннего ума, как и многие виды животных, которым по виду их прирождено удивительное разумение: так пробуждаются к действию пчелы и муравьи, не имея возведенного им извне образца.

Ибо природа более чем присутствует, она внутренне присуща вещам. Она ни от чего не отличается, так как ничто не отличается от бытия, кроме ложного, обозначаемого словами *никогда*, *нигде* и *ничто*.

И пока течет внешний облик вещей, бодрствует более близкое им, чем они сами себе, начало сущего, источник всех видов — Дух, Бог, Сущее, Единое, Истинное, Судьба, Разум, Порядок.

Итак, погибает это перипатетическое первое небо, начало и конец всех вещей, существующих от природы, эта пятая субстанция, сама по себе движущаяся в круге природа, источник и причина всех прочих движений, это совершеннейшее тело, охватывающее своей силой все прочие тела. Его воображаемые пределы разрушаются представлением о пустом пространстве, которое расширяется неизмеримым полем, вмещающая бесчисленные миры.

И эти небесные двигатели, как были порождены из *ничего* от чрева возбужденной фантазии и дурного расположения при помощи повивальной бабки — невежества, воспитаны и вскормлены ночной порой, так и исчезнут в свое *ничто* при восходе солнца разума.

Так исчезает этот бесконечный недоступный ощущению свет, умопостигаемый, нематериальный, бесконечный, сверхэфирный, возжигающий звезды, чья искра создала солнце, как будто все, что только сказано, может считаться вероятным и как будто то,

что набормотали пьяные пророки, возведено высшим разумом.

Но следует познать свет, силу, природу, владычество, мощь и деяния, благодаря которым не бесформенно это пространство, но изукрашено столь великим разнообразием, и бесконечность, которая вне его, так как подобной способности пространства к восприятию мира не удовлетворяет мысленная природа, бестелесный свет, тень без предмета, отбрасывающего тень, слова без того, что они означают, голос без слуха.

Ведь стремлению пространства достичь совершенства, будучи заполненным телами и мирами, ничего не дает отделенная от вещей субстанция, неделимая и несоразмерная, и ей ничего не принесет пространство, разве что оно будет существовать на основе подобного же порядка вещей.

Ведь и этот бог, этот свет (в том смысле, в котором должно говорить о свете), не в меньшей мере присутствует здесь и повсюду в этом мире, чем и пространство этой чувственно воспринимаемой вселенной: ибо присутствие этих тел и видов не исключается, но очевидно и познается благороднейшим образом.

Более того, в соответствии с тем жребием, по которому вне этого конечного пространства имеется пространство бесконечное, ничто из того, что относится к собственному действию пространства, не ведет себя завистливо и недостойно. И как ничто не мешает, чтобы весь этот (никак не исключаемый) умопостигаемый мир на том же основании был здесь, на каком он находится там, ибо наличие этого мира не противоречит наличию того мира, так ничто не препятствует тому, чтобы это пространство, которое следует полагать бесконечным со столь великим светом, охватывало наличие подобных нашему миров.

Ведь существование этого мира всего менее противоречит существованию такого же рода миров. Иначе и в этом пространстве не был бы порожден этот мир, который не более может быть чужд божественному свету, чем самому себе. Следовательно, как это пространство не содержало бы ничего без присут-

ствия света, так и свет ничего бы не произвел без пространства.

Тогда и для света бесполезно бы было пространство, так как оно ничего не дало бы для осуществления света (если бы он был бестелесным). Ведь бестелесный и несоразмерный свет не заполняет пространство.

Не лучше ли в таком случае нам будет познать и принять пространство столь же совершенным там, как и здесь, и божественный свет — равно совершенствующим здесь и там, чтобы он столь же хорошо проявлял себя во славу свою как там, так и здесь.

Может быть, тебе кажется недостойным, чтобы в другом пространстве был такой же мир. Но для этого нет достаточных оснований. Ведь все пространство абсолютно не отличается от этого, разве лишь то пространство ты будешь считать пустым, это же — заполненным равным ему миром. Почему же то пространство недостойно того, чего может быть достойно это пространство?

Ты скажешь, что воля свободного и наилучшего деятеля придает достоинство или лишает его. Но, мой милый, что ты знаешь об этой воле? Или тебя обучил этому какой-нибудь бесноватый, обладающий нечистой силой вместо души?

Но мы иным образом, нежели негодяи и глупцы, определяем волю бога. Мы считаем нужным прилагать к нему наилучшие, славнейшие и наиболее отвечающие его высокой природе понятия. Кошунство — искать его в крови клопа, в трупe, в пене припадочного, под топчущими ногами палачей и в мрачных мистериях презренных колдунов. Мы же ищем его в неодолимом и нерушимом законе природы, в благочестии души, хорошо усвоившей этот закон, в сиянии солнца, в красоте вещей, происходящих из лона нашей матери-природы, в ее истинном образе, выраженном физически в бесчисленных живых существах, которые сияют на безграничном своде единого неба, живут, чувствуют и мыслят, и восхваляют величайшее единство.

II

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ТЕЗИСОВ ПРОТИВ МАТЕМАТИКОВ И ФИЛОСОФОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Посвящение *

Если бы различие света и тьмы, августейший государь, было свойственно нам от природы, как большинство иных вещей, то эта древняя борьба мнений среди людей не распространилась бы до такой степени, когда все поколения так враждуют друг с другом, что любое из них, по мнению всех прочих, не менее безумствует, чем каждое из них убеждено в своей способности превосходить мудростью всех остальных. Наиболее помраченные из них, как будто просвещенные истинным светом, подняв взоры и воздев руки к небесам, возносят из глубины сердца благодарение всевышнему за свет, пристанище и обитель истины, для них одних открытые, им одним доступные, им одним дарованные (за пределами каковых все прочие блуждают, скитаются и мнутся); они благодарят милостивого отца, подателя вечной жизни,

---

* Публикуемое посвящение императору Рудольфу II, предпосланное Бруно «Ста шестидесяти тезисам против математиков и философов нашего времени», изданным в Праге в 1588 г., содержит резкое выступление Ноланца против религиозного фанатизма и исключительности, за свободу научного исследования, против догматизма и культа авторитета в науке и философии. Перевод сделан по изданию: *G. Bruno, Opera latine conscripta, publicis sumtibus edita, vol. I, pars III, Florentiae, 1889.*

Заключительные абзацы посвящения, содержащие обращение к императору, опущены.—Прим. пер.

за то, что к ним одним он обратился, от всех же прочих, обреченных на вечную погибель, отвратился как грозный, неумолимый и жестокий мститель и судия.

И вот среди многочисленных и столь разнообразно думающих сект, которых гораздо больше, чем есть и было в мире поколений, так что нет и не было ни одной без особого культа и вероучения, нет ни одной, которая бы, презирая всех прочих, не претендовала на первенство и не считала великим нечестием и позором иметь какое-либо общение с остальными.

Из источника такого рода благочестия и вытекает, что (вопреки всякому разуму, установлению и природе, праву народов, а следовательно, и учрежденному всевышним богом порядку вещей) расторгнуты естественные узы и по внушению человеконенавистнических духов и при участии адских эринний (которые, разжигая пламя между народами и внося меч раздора в среду тех, кто прочнее всего соединен, выдают себя с помощью подлога и обмана за вестников мира, спустившихся с неба) дело дошло до того, что человек находится в большей розни и вражде с человеком, чем с иными живыми существами, и никто не соблюдает столь давно и широко распространенного закона любви, который изречен не злым духом одного какого-либо народа, но, всеконечно, богом, отцом всего сущего, чтобы, созвучный природе, учил он всеобщему человеколюбию, согласно которому мы возлюбим даже и врагов, да не уподобимся зверям и варварам, но вознесем к образу того, кто возвысил свое солнце над добрыми и злыми и окропил влагой милостей праведных и грешных. Такова та религия, которую вопреки всем спорам и диспутам я соблюдаю как по велению души, так и по обычаю отечества и своего народа.

Что же касается свободных наук, то пусть удалится от меня привычка к вере и установлениям властей и предков и даже то общее мнение, которое (о чем я сам могу свидетельствовать) многожды и разнообразно сбивает нас с толку и вводит в заблуждение, чтобы никогда в философии я не высказывался необдуманно и безрассудно, но в равной мере

подвергал сомнению и то, что считается бессмысленным и нелепым, и то, что принимают как твердо установленное и очевиднейшее, коль скоро оно становится предметом рассмотрения.

Ибо предосудительно — давать определения неизученным вещам; низко — думать чужим умом; продажно, раболепно и недостойно человеческой свободы — покоряться; глупо — верить по обычаю; бессмысленно — соглашаться с мнением толпы, как будто количество мудрых должно превосходить, или равняться, или хотя бы приближаться к бесконечному числу глупцов и как будто (даже если бы весь мир был слеп под влиянием Аристотеля или другого такого же рода вождя) плутающая во тьме и навязчивая толпа стóбит и видит больше или столько же, сколько тот один, кого она избрала себе в вожди. Я же (как и любой другой, кто способен размышлять под воздействием света), одаренный от всемогущего бога очами ощущения и разума и вследствие этого поставленный судить о причинах вещей, был бы неблагодарным безумцем, недостойным причастности к этому свету, если бы стал наемником или исполнителем чужой воли, видя, чувствуя и рассуждая на основании чужого света. Как же смогу я достичь превосходства в ясности света, коль скоро даже малейший природный талант недостойно унижу и отвергну? Не буду ли я несправедлив по отношению к органам своего тела? К достоинству истины, являющей свой голос, лик и образ слуху и зрению? И к божественному долгу, согласно которому мы не должны уподобляться слепым, но предназначены стать водителями ослепших и в этом теле человеческого сообщества сопричислены к тем, кому предписана должность и участь глаз (ведь именно так следует полагать) и на кого возложено в меру сил служение истине и свету.

Во всяком случае долг наш состоит в том, чтобы мы по силе нашего духа оберегали это государство науки от тирании отцов и воинства государей. Ибо мы хотим, чтобы здесь царил строгий закон, согласно которому признавались бы лишь истинные и необходимые доводы разума и не имел силы доказатель-

ства авторитет сколь угодно превосходного и знаменитого мужа, и чтобы подвергалась позорному осуждению любая мысль, высказанная о видимом или подлежащем рассмотрению вопреки свидетельству наших глаз.

Ведь до того дошла бесстыднейшая опасливость отцов невежества, что они даже наложили запрет на диспуты, предписали постоянство в лекциях и провозгласили похвальным придерживаться единожды воспринятого мнения. Подобные установления должны быть, конечно, отнесены к животным, ибо это уже не люди, но ложно принявшие образ и подобие человека, пользуются им подобно ослам, баранам, коням, мулам и быкам — достойнейшему имуществу этих благороднейших и изворотливых мужей.

И если иногда, в определенных случаях, даже у мудрых и героического рода людей должно быть нечто общее с остальными подобно свету разума, вложенного в нас богом, и замечательным божественным свойствам, которые заключены в сущности нашей природы, и если должны мы подчиняться и покоряться некоему как бы свыше нисходящему и восприемлющему свету, то в вопросах философии (чьим свободным алтарям я посвятил себя с ранних лет) я прислушиваюсь лишь к тем учителям, которые предписывают не закрывать глаза, но раскрывать их в величайшей мере.

Так обратим же лицо свое к восхитительному сиянию света, прислушаемся к голосу природы и будем в простоте духа и с чистым сердцем следовать мудрости, полагая ее превыше всех прочих вещей. Лишь бы не случилось так, что она стала бы избегать нас или тщетно ждать, пока случится нам иметь досуг; пусть прояснит она наши очи и подобно орлиному взору сделает их привычными к восприятию солнечного света, изостряя наше зрение ко все более и более глубокому созерцанию.

Так изначала я понял, что напрасно призывают нас иные закрыть глаза, богом дарованные нам, дабы были они отверсты и обращены к вершинам. Ибо я, когда вижу, не скрываю этого и не опасуюсь открыто

провозглашать. И так как в мире идет постоянная война между светом и тьмой, между наукой и невежеством, то повсюду я подвергался ненависти, брани и оскорблениям, даже не без опасности для жизни, от грубой и бессмысленной черни, побуждаемой скопищем увенчанных степенями отцов невежества, и смог преодолеть их лишь с помощью истины и под водительством божественного света. Зато во многих краях Европы и в главнейших ее университетах я был поддержан согласием, одобрением и благожелательством учейших мужей, придерживающихся не продажного и не наемного учения и обладающих выдающимся умом и благородством, и подавил с помощью власти государей зависть, крики и насилия тупой и низкой толпы; ненависть же педантов и попов, коварство и надменность невежд я разбил множеством твердых доводов и очевиднейших доказательств, в память о чем остались повсюду мои книги.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аверроэс (Ибн-Рошд) 34, 75
 Авицеброн (Ибн-Гебироль) 73
 Агрикола 17
 Агриппа Неттесгеймский Г.-К. 21
 Альберт Больштедтский 30
 Альджерно П. 27
 Арий 37
 Ариосто Л. 31
 Аристотель 8, 13, 28, 30, 33—35, 37, 40, 42, 47, 52, 54, 55, 70—72, 78, 83, 98, 100, 103, 108, 115, 119, 122, 136
 Архимед 13, 14
 Ацидалий В. 58
 Бадалони Н. 180
 Бальди Э. 140
 Беца Т. 41
 Беккариа И. 8
 Беллармино Р. 68, 107, 180
 Белобоцкий А. 178
 Бертано Д. 62, 140
 Бесслер И. 57, 59, 60, 177
 Блаунт Ч. 178
 Боккаччо Д. 21
 Браге Т. 105, 115
 Браччолини П. 21
 Брехт Б. 179
 Бруннхофер 163
 Бунин И. А. 179
 Бухель А. ван 53, 140
 Бэкон Ф. 177
 Вазари Д. 12
 Вазоли Ч. 132
 Вайа Ф. 65
 Вайрано Т. 28
 Валла Л. 21
 Везалий А. 17
 Вехель И. 57
 Вольтер Ф.-М. 178
 Гайнцель И. Г. 58
 Гален 13, 16
 Галилей Г. 49, 60, 177
 Галич А. И. 178
 Гассенди П. 177
 Гвин М. 46
 Генрих III 44, 52, 55, 165
 Генрих IV Наваррский 59, 61, 163, 166
 Гераклит 83
 Герцен А. И. 179

- Геснод 98
 Гилберт У. 48
 Гиппократ 13, 16
 Горовиц И. Л. 180
 Грациано Ф. 65, 66, 134, 140
 Гривелл Ф. 48, 50
 Гус Я. 22
 Гутенберг И. 15, 22
 Гуттен У. фон 12, 21
 Гуццо А. 86, 130, 140

 Давид Динантский 75
 Дадли Р. 46
 Дандино А. 8
 Данте А. 121
 Делафе А. 41
 Демокрит 94
 Деперье Б. 21, 23
 Джентили А. 46, 56
 Джуссо Л. 98, 134, 137, 140, 163
 Ди Д. 48, 105
 Диггс Т. 48
 Дидро Д. 178
 Доле Э. 22
 Дынник М. А. 180
 Дюперрон Ж. 45

 Евклид 13
 Ейтс Ф. 134, 156
 Елизавета I 45, 46, 52, 140, 163, 165, 166

 Зубов В. П. 132

 Ивлиев В. А. 180
 Иероним 38
 Иоанн Златоуст 38

 Кальвин Ж. 18, 144

 Калье Р. 54, 55
 Кампанелла Т. 13, 161
 Карл V 21
 Карнесекки П. 38
 Кастеллион С. 176
 Кастельно М. де 46, 50, 52, 69
 Кеплер И. 106, 177
 Климент VIII 7, 9, 22, 64
 Колумб Х. 15
 Коперник Н. 17, 33, 42, 47, 48, 50, 61, 104, 105—108, 112
 Корбинелли Я. 54, 55
 Корсано А. 87, 140, 157
 Котен Г. 53, 140, 149

 Лаский О. 48
 Лев X 21
 Леонардо да Винчи 16, 49
 Леруа Л. 13
 Линдсей Д. 179
 Лукреций 14
 Люллий Р. 45, 132
 Лютер М. 18, 105, 144

 Магеллан Ф. 15
 Мадруцци 69, 120
 Макиавелли Н. 19, 22, 49
 Марсилий Падуанский 22
 Мендоса Б. 53
 Меланхтон Ф. 106, 144
 Меркати А. 67, 180
 Мерсенн М. 177
 Миллино П. 8
 Мишель П.-А. 87, 130
 Мольер Ж.-Б. 177
 Монтальчино А. да 37
 Монтеренци Д. 8

- Мор Т. 161
 Морденте Ф. 53—55
 Морозини А. 61, 62
 Мочениго Д. 59, 60, 62,
 63, 65, 66, 120, 134,
 140, 143, 146, 148,
 149, 159, 163, 169
 Мюнцер Т. 21

 Нельсон Д. Ч. 74, 130
 Нигидий П. 55
 Николай Кузанский 82,
 110, 111
 Новицкий А. 92, 132,
 180
 Ностиц И. 177
 Ночера Д. да 62

 Одоевский В. Ф. 179
 Ольджати Ф. 86
 Ольшки Л. 118
 Осиандр А. 106

 Павел IV 21, 23
 Палеарио А. 39
 Палисси Б. 16
 Парацельс Т. Б. 16
 Паре А. 16
 Патрици Ф. 61
 Петр Ломбардск 34,
 103
 Платон 74, 134
 Плотин 74
 Помпонацци П. 18, 23,
 28, 75
 Порта Д. делла 29
 Порцио С. 28, 75
 Птолемей 13, 103

 Рабле Ф. 12, 18, 21
 Раме П. де ля 12, 45, 46

 Рейнгольд Э. 105
 Росси П. 132

 Саволино А. 26
 Сало Д. де 65
 Санторо Д. А. 29, 64
 Северино Ф. 26
 Сервет М. 17, 18, 22, 23
 Сигер Брабантский 75
 Сидней Ф. 46, 48
 Сикст V 22, 53
 Сильвестрис М. де 140
 Сирано де Бержерак С.
 177
 Соколов В. В. 180
 Соловьев В. С. 179
 Спиноза Б. 177
 Суходольский Б. 180

 Тансилло Л. 27
 Телезио Б. 28, 29, 49
 Тертуллиан 35
 Тиар П. де 45
 Толанд Д. 178

 Уолсингем Ф. 45

 Филипп II 52
 Филонарди М. 8
 Фиренцуола А. да 8
 Фирпо Л. 118
 Фишер П. 57
 Флорио Д. 46
 Фома Аквинский 8, 30,
 34, 35, 43, 67, 70, 71,
 79, 110, 122
 Франко Н. 29, 30
 Францино 26

 Цвингли У. 18

- Чарлевуд Д. 49
Чезальпино А. 17
Чезарино Д. Д. 26
Челестино Д. А. 65, 66,
140
Чикуттини Л. 67, 118,
180
Чотто Д. Б. 59, 62, 140
Шеллинг Ф. В. И. 178
- Эббот Д. 47
Эглин Р. 58, 176
Эннекен Ж. 54
Эпикур 94
Эразм Роттердамский 22,
38
Юлий Брауншвейгский
56, 163—165
Якоби Ф. Г. 178

ЛИТЕРАТУРА

1. *К. Маркс*. Тезисы о Фейербахе. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. Т. 3.
2. *Ф. Энгельс*. Анти-Дюринг. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. Т. 20.
3. *Ф. Энгельс*. Диалектика природы. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. Т. 20.
4. *Ф. Энгельс*. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. Т. 21.
5. *Ф. Энгельс*. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. Т. 21.
6. *В. И. Ленин*. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч. Т. 18.
7. *В. И. Ленин*. Философские тетради. Соч. Т. 38.
8. *Д. Бруно*. Диалоги. М., 1949.
9. *Д. Бруно*. О героическом энтузиазме. М., 1953.
10. *Д. Бруно*. Изгнание торжествующего зверя. Спб., 1914.
11. *Д. Бруно*. Неаполитанская улица (Подсвечник). М., 1940.
12. Джордано Бруно и инквизиция. «Вопросы истории религии и атеизма» (вып. I), М., 1950.

13. Джордано Бруно перед судом инквизиции (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно). «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 6, М., 1958.
14. *G. Bruno. Dialoghi italiani. A cura di G. Aquilecchia. Firenze, 1958.*
15. *G. Bruno. Opera latine conscripta, publicis sumptibus edita, vol. I, pars I, Neapoli, 1879.*
16. *G. Bruno. Opera latine conscripta, publicis sumptibus edita, vol. I, pars II, Neapoli, 1884.*
17. *G. Bruno. Opera... vol. I, pars III, Florentiae, 1889.*
18. *G. Bruno. Opera... vol. I, pars IV, Florentiae, 1889.*
19. *G. Bruno. Opera... vol. II (pars I), Neapoli, 1886.*
20. *G. Bruno. Opera... vol. II, pars II, Florentiae, 1890.*
21. *G. Bruno. Opera... vol. II, pars III, Florentiae, 1889.*
22. *G. Bruno. Opera... vol. III, Florentiae, 1891.*
23. *G. Bruno. Candelaio. A cura di V. Spampanaot, Bari, 1909.*
24. *G. Bruno. Due dialoghi sconosciuti e due dialoghi noti. A cura di G. Aquilecchia, Roma, 1957.*
25. *G. Bruno. La Cena de le Ceneri. A cura di G. Aquilecchia, Torino, 1955.*
26. *Documenti della vita di Giordano Bruno, Firenze, 1933.*
27. *V. Salvestrini. Bibliografia di Giordano Bruno (1582—1950). Seconda edizione postuma a cura di L. Firpo, Firenze, 1958.*
28. *Ю. М. Антоновский. Джордано Бруно. Его жизнь и философская деятельность. Спб., 1892.*
29. *А. Н. Веселовский. Джордано Бруно. Биографический очерк. «Вестник Европы», 1871, № 12.*
30. *А. И. Галич. История философских систем. Кн. I. Спб., 1818.*

31. *А. И. Герцен*. Дилетантизм в науке. Собр. соч. Т. 2.
32. *А. И. Герцен*. Письма об изучении природы. Собр. соч. Т. 2.
33. *А. Х. Горфункель*. Современная борьба вокруг научного наследия Джордано Бруно. «Вопросы философии», 1959, № 10.
34. *А. Х. Горфункель*. Джордано Бруно в России. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 5.
35. *А. Х. Горфункель*. Портрет Джордано Бруно. «Сообщения Государственного Эрмитажа». Т. XXII, 1962.
36. *Н. Я. Грот*. Джордано Бруно и пантеизм. Одесса, 1885.
37. *Н. Я. Грот*. Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно. Одесса, 1885.
38. *М. А. Дынник*. Мировоззрение Джордано Бруно. В кн.: *Д. Бруно*. Диалоги. М., 1949.
39. *В. П. Зубов*. Рукописное наследие Джордано Бруно. «Московский кодекс» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. II, М., 1950.
40. *В. А. Ивлиев*. Философские взгляды Бруно. Красноярск, 1963.
41. История философии. Под ред. М. А. Дынника и др. Т. I. М., 1957.
42. *Л. П. Карсавин*. Джордано Бруно. Берлин, 1923.
43. *Ю. Я. Коган*. Историческое значение Джордано Бруно. В кн.: *В. С. Рожицын*. Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955.
44. *В. С. Корниенко*. Философия Джордано Бруно. М., 1957.

45. *И. В. Лучицкий и А. А. Козлов.* Джордано Бруно. Две публичные лекции. Киев, 1885.
46. Николай Коперник. Сб. статей. М.—Л., 1947.
47. *Л. Ольшки.* История научной литературы на новых языках. Т. III. М.—Л., 1933.
48. *В. С. Рожицын.* Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955.
49. *В. И. Свидерский.* Пространство и время. Философский очерк. М., 1958.
50. *В. В. Соколов.* Очерки философии эпохи Возрождения. М., 1962.
51. *В. П. Щеглов.* Джордано Бруно и его космология. Ташкент, 1956.
52. *G. Aquilecchia.* Un nuovo documento del processo di Giordano Bruno. «Giornale storico della letteratura italiana», 1959, fasc. 413.
53. *G. Aquilecchia.* Lezioni inedite di Giordano Bruno in un codice della Biblioteca universitaria di Jena. «Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche», ser. VIII, vol. XVII, fasc. 7—12, Roma, 1963.
54. *G. Aquilecchia.* Ancora su Giordano Bruno ad Oxford (In margine dell' una recente segnalazione). «Studi scenteschi», vol. IV, Firenze, 1963.
55. *X. Atanassievitch.* La doctrine métaphysique et géométrique de Bruno, exposée dans son ouvrage «De triplici minimo», Belgrade, 1923.
56. *N. Badaloni.* Giordano Bruno, Firenze, 1955.
57. *Ch. Bartholmèss.* Jordano Bruno, vol. 1—2, Paris, 1846—1847.
58. *D. Berti.* Giordano Bruno da Nola. Sua vita e sua dottrina. Torino, 1889.

59. *H. Brunnhofer*. Giordano Bruno's Weltanschauung und Verhängniss, aus den Quellen dargestellt, Leipzig, 1882.
60. *M. Ciardo*. Giordano Bruno tra l'Umanesimo e lo Storicismo. Bologna, 1961.
61. *L. Cicuttini*. Giordano Bruno, Milano, 1950.
62. *A. Corsano*. Il pensiero di Giordano Bruno nel suo svolgimento storico, Firenze, 1940.
63. *L. Firpo*. Il processo di Giordano Bruno, Napoli, 1949.
64. *L. Firpo*. Introduzione. G. Bruno e T. Campanella. Scritti scelti, Torino, 1949.
65. *E. Garin*. La filosofia, Milano, 1947.
66. *G. Gentile*. Giordano Bruno e il pensiero del Rinascimento. 2 ed., Firenze, 1925.
67. *L. Giusso*. Scienza e filosofia in Giordano Bruno. Napoli, 1955.
68. *A. Ch. Gorfunkel*. Giordano Bruno in Russia. «Rivista di filosofia», vol. 52, Torino, 1961.
69. *G. Grassi Bertazzi*. Giordano Bruno, il suo spirito e i suoi tempi, Milano, 1910.
70. *S. Greenberg*. The Infinite in Giordano Bruno, New York, 1950.
71. *A. Guzzo*. I dialoghi del Bruno, Torino, 1932.
72. *A. Guzzo*. Giordano Bruno, Torino, 1960.
73. *I. L. Horowitz*. The Renaissance philosophy of Giordano Bruno, New York, 1952.
74. *A. Mercati*. Il sommario del processo di Giordano Bruno. Città del Vaticano, 1942.
75. *P.-H. Michel*. La cosmologie de Giordano Bruno, Paris, 1962.
76. *P.-H. Michel*. Introduction. G. Bruno. Des fureurs héroïques, Paris, 1954.

77. *J. Ch. Nelson*. Renaissance Theory of Lowe. The Context of Giordano Bruno's *Eroici furori*, New York, 1958.
78. *A. Nowicki*. Centralne kategorie filozofii Giordana Bruna. Warszawa, 1962.
79. *L. Olschki*. Giordano Bruno, Bari, 1927.
80. *P. Rossi*. Clavis universalis. Arti mnemoniche e logica combinatoria da Lullo a Leibnitz, Milano, 1960.
81. *P. Rossi*. I filosofi e le macchine (1400—1700), Milano, 1962.
82. *G. Saitta*. Il pensiero italiano nell' Umanesimo e nel Rinascimento, vol. III, Bologna, 1951.
83. *D. W. Singer*. Giordano Bruno. His Life and Thoughts, New York, 1950.
84. *V. Spampanato*. Vita di Giordano Bruno. Con documenti editi e inediti, Messina, 1921.
85. *G. Spini*. Ricerca dei libertini. La teoria dell'impostura delle religioni nel Scicento italiano, Roma, 1950.
86. *B. Suchodolski*. Narodziny nowozytnej filozofii czlowieka, Warszawa, 1963.
87. *R. Tissoni*. Appunti per uno studio sulla prosa della dimostrazione scientifica nella «Cena dele Ceneri» di G. Bruno.—Romanische Forschungen, 73 Bd, 3/4 Heft, Frankfurt am Main, 1961.
88. *F. Tocco*. Le opere latine di Giordano Bruno esposte e confrontate con le italiane, Firenze, 1889.
89. *F. Tocco*. Le opere inedite di Giordano Bruno. Napoli, 1891.
90. *F. Tocco*. Le fonti più recenti della filosofia di Giordano Bruno, Roma, 1892.

91. *P. Togliatti*. Giordano Bruno e noi. «Rinascita», 1950, n. 9.
92. *E. Troilo*. Prospetto, sintesi e commentario della filosofia di Giordano Bruno. «Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche», ser. VIII, vol. III, fasc. 9, Roma, 1951.
93. *C. Vasoli*. Umanesimo e simbologia nei primi scritti lulliani e mnemotecnici del Bruno. «Archivio di Filosofia. Umanesimo e simbolismo», Padova, 1958.
94. *F. A. Yates*. Giordano Bruno's Conflict with Oxford. «Journal of the Warburg Institute», vol. II—3, London, 1939.
95. *F. A. Yates*. Giordano Bruno. Some New Documents. «Revue Internationale de Philosophie», N. 15, fasc. 2, Paris, 1951.
96. *F. A. Yates*. Giordano Bruno and the Hermetic tradition, London, 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
I. ИСТИНА — ДОЧЬ ВРЕМЕНИ	11
II. ПРОБУДИТЕЛЬ СПЯЩИХ УМОВ	25
III. ФИЛОСОФИЯ РАССВЕТА	70
Единое, начало и причина	—
Кристалл небес мне не преграда	102
Умственная сила никогда не остановится	120
Враг всякого закона, всякой веры	139
Изгнание торжествующего зверя	157
Героический энтузиазм	167
IV. ЖИЗНЬ В ГРЯДУЩИХ ВЕКАХ	176
Приложение	
I. Дж. Бруно. О безмерном и неисчислимых	185
II. Дж. Бруно. Сто шестьдесят тезисов	190
Указатель имен	195
Литература	199

Горфункель, Александр Хаимович

ДЖОРДАНО БРУНО. М., «Мысль», 1965.

206 с. (Серия «Мыслители прошлого») 1 Ф

Редактор *Ю. К. Митин*

Оформление серии *В. А. Носкова*

Художественный редактор *М. Э. Шлосберг*

Технический редактор *Р. В. Москвина*

Корректоры *Ю. А. Старикова, Л. Г. Севастьянова*

Сдано в набор 17 ноября 1964 г. Подписано в печать 27 января 1965 г. Формат бумаги 70×90^{1/32} Бумажных листов 3,25. Печатных листов 7,6. Учетно-издательских листов 6,38. Тираж 42000 экз. А02913. Цена 26 коп.

Заказ № 2074.

Св. темплан обществ.-полит. лит-ры 1965 г. № 364.

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Набрано в первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати
Москва, Ж-54, Валовая, 28

Отпечатано в тип. № 37 Главполиграфпрома.
Москва, ул. Фр. Энгельса, 46. Зак. 267.